

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

10
ТОМ

2012

2
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,

Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,

Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,

Бортник Е.М., кандидат экономических наук, профессор,

Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,

Кетова Н.П., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,

Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,

Солдатова И.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,

Юрков А.М., кандидат экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

«СЛОВО РЕДАКТОРА»

Мамедов О.Ю. Какая экономическая модель необходима российской экономике?.....	4
--	---

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Гребнев Л.С. Политическая экономия «по Марксу»: реанимация или развитие?	9
Вольчик В.В. Проблема доверия и модернизация институтов	12
Камко Е.В. Централизованное управление инновациями в России: институциональный анализ.....	19

«ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Резерфорд М. Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты.....	32
Воейков М.И. Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (К 100-летию со дня рождения).....	54
Майдачевский Д.Я. Историография экономической науки: от плюрализма подходов к господству «мейнстрима»?.....	66

«ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

Наумов С.В. Сколько стоят правовая неопределенность и устаревшая избыточная регламентация российским компаниям, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность, и российскому обществу в целом (на примере административной практики органов РОСФИННАДЗОРА)	74
Шмаков А.В., Петров С.П. Определение оптимальной величины штрафов за нарушение антимонопольного законодательства.....	85

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ»

Архипов А.Ю., Семин А.А. Управление деятельностью предпринимательской структуры в условиях нестабильной внешней среды.....	95
Ханин Г.И., Полосова О.И., Копылова Н.В. Альтернативная оценка развития промышленности РФ в 2005–2008 гг.	101

«ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»

Мамедов О.Ю. В фокусе науки — уличные демонстрации	113
Кравцов Н.А. К вопросу о социальном и правовом статусе древнеегипетских деятелей искусства	116

«ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ»

Нуреев Р.М. Индустриальное общество и его социально-экономические противоречия. Политическая экономия труда.....	123
--	-----

«ОН ТАКОЙ ОДИН»

Мэйстринг Дж. «Парадокс монетарного шеста»	150
---	-----

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НЕОБХОДИМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ?

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Автор рассматривает эффективную модель устройства российской экономики в инновационную эпоху.

Ключевые слова: экономическая модель; экономическая роль государства; политика и экономика.

The author considers an effective model of the Russian economy organization in the era of innovation.

Keywords: economic model; role of government in economy; politics and economics.

Коды классификатора JEL: A11, E61, K00.

Экономисты-теоретики занимаются только построением абстрагированных моделей общественно-производственной практики. Такое определение порой ошибочно отождествляется со «схоластическими» моделями. Между тем, в подлинной науке никаких других, кроме как «абстрактно-теоретических», моделей не бывает.

Схоластичность модели задается не ее абстрактно-теоретической природой, а принятием ложных исходных методологических посылок. Вот почему распространившееся в отечественной и зарубежной экономической науке пренебрежение методологией и теорией обернулось удручающим падением уровня исследований.

В результате возникла парадоксальная ситуация — чем больше от экономистов требуют «конкретности», тем схоластичнее их якобы «конкретные модели».

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Выбор модели и алгоритма обновления российской экономики осуществляет не столько экономическая теория, сколько экономическая практика. Видимо, потому выбранное экономистами часто безжалостно отвергается экономической практикой.

Похоже, что именно такая ситуация складывается сегодня, — в то время, как многие экономисты продолжают упорно искать некий особый путь развития российской экономики, сама она стремится к реальной интеграции с экономикой стран-лидеров мирового прогресса.

В этой ситуации самым актуальным становится поиск ответа на вопрос — в какой мере обновленная модель российской экономики должна учитывать императивы мировой экономической глобализации?

НЕОБХОДИМ «ВОИНСТВУЮЩИЙ АНТИЭМПИРИЗМ»?

За все приходится платить, даже в экономической науке: цена победы эмпиризма — засилье схоластики!

Понимание этого должно уберечь новые поколения экономистов-теоретиков от обсуждения производственной, технологической, институциональной и всяких иных моделей, сосредоточившись на поиске именно «экономической модели» российской экономики.

Разумеется, из всех моделей нас больше всего волнует, конечно же, модель оптимального экономического устройства России. Однако при множестве глубоких исследований проблема только обостряется. Почему?

ПЯТЬ ПРЕПЯТСТВИЙ ДЛЯ ТРЕХ ИМПЕРАТИВОВ

Разработке модели российской экономики препятствуют:

- кризисное состояние отечественной экономической науки, вызванное победой прикладного знания над теоретическим;
- абсолютизация особенностей исторического развития российской экономики;
- игнорирование политико-социологических процессов, в которых функционирует наша экономика;
- преувеличение эвристического потенциала экономико-математического инструментария;
- неизбывная идеологизация экономического знания, за которой скрываются имущественные интересы различных социальных групп российского общества.

Отсюда следует, что научная модель обновленной российской экономики должна соответствовать трем императивам:

- отражать реальные долгосрочные макроэкономические тенденции отечественной экономики;
- учитывать реальные долгосрочные макроэкономические тенденции развития экономики стран-лидеров мирового глобализационного процесса;
- быть «политико-экономической», а не технико-экономической или производственно-технологической.

Готова ли к этому российская экономическая наука в ее нынешнем состоянии?

СИЛА И СЛАБОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Реальная модель российской экономики должна отражать единство ее сильных и слабых сторон. Но что для нашей экономики — «сила», а что — «слабость»?

Понимание сильных и слабых сторон российской экономики много раз менялось, — огромность страны считалась то ее «силой» («страна-континент»!), то ее «слабостью»: дескать, огромное пространство замедляет историческое время.

Или взять сырьевые ресурсы: мы то гордимся ими, то считаем, что они заразили нас «голландской болезнью».

Но чтобы сырьевое богатство превратилось в «ресурсное проклятие», экономика страны должна быть уж очень нелепо организована.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВНУТРЕННЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Стратегическая модель развития сегодняшней российской экономики сложна тем, что два определяющих ее эффективность фактора — экспорт минерального сырья и импорт изделий сложной технологии — являются зависящими от мировой, а не от российской, экономической конъюнктуры.

Прямая зависимость российской экономики от колебаний неконтролируемых ею цен на импортные и экспортные товары означает, что эффективность экономики страны определяют не зависящие от нее обстоятельства.

ДВЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Базовые элементы современной модели российской экономики представлены сегодня такими институтами, как — суперэтаризм, бюрократизм, централизм, коррупция, монополизм.

Очевидна необходимость альтернативной экономической модели — разумная доля присутствия государства в экономике (условие уничтожения бюрократизма и коррупции), гражданское общество, свободное предпринимательство, реальный антимонополизм, системная рыночность.

Поэтому подлинная проблема: поиск экономического механизма перехода от исторически сложившейся модели — к будущей.

О «СИСТЕМНОМ» ЭЛЕМЕНТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Улучшение здания нашей экономики будет бесконечным улучшением частных, пока мы не выйдем на главное («системное») звено, изменение которого способно изменить всю нашу экономику.

Но какой же элемент считать «системным»?

Вот уж поистине «гамлетовский» вопрос, но здесь «гамлетизм» — только для нашей экономической науки, так как самой экономике безразлично, нашла экономическая наука системное звено или не нашла, — экономическая наука от имени общества только отвечает (как умеет) на те вопросы, которые обществу задает экономика. И если ответы будут ошибочными, то экономика будет уже сама решать проблему, не обращая внимания ни на общество, ни на экономистов.

БОЛЕЗНЬ СТАРАЯ, ЗАПУЩЕННАЯ, НО — ИЗЛЕЧИМАЯ!

Если назвать системный элемент, который необходимо полностью изменить, элемент, который в своем нынешнем виде буквально сковал всю российскую экономику, то его диагноз — «СЛИШКОМ МНОГО ГОСУДАРСТВА!».

И хотя многие отечественные экономисты думают иначе, по-прежнему уповая на экономическую активность государства, время (которого, правда, совсем немного) их переубедит.

НЕМНОГО ЗАБЫТОЙ «ПОЛИТЭКОНОМИИ»

Прогресс экономики обеспечивает только эффективный собственник, но будет ли им государство, предприниматель или их союз, — обществу безразлично, лишь бы он был действительно эффективным.

Однако постоянно происходящие в экономике изменения вызывают неизбежную смену эффективных собственников, что каждый раз в истории общества принимает форму мучительного социального акта.

Ведь собственник, уже и переставший быть эффективным, все равно стремится сохранить свой прежний статус главного организатора национальной экономики (тем самым заведомо обрекая ее на неизбежную неэффективность).

ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Упорство бывшего эффективного собственника (подогреваемое его корыстными экономическими интересами) сохранить свою господствующую позицию превращается в узурпацию им этого статуса.

Избавиться от этого общество может, как правило, через социально-политическую революцию. И то сказать, — общество не может ждать, когда переставший быть эффективным собственник осознает изменение ситуации в экономике, устыдится и сам предоставит новым, более эффективным, экономическим субъектам функции организации национальной экономики.

И только с утверждения социально-регулируемой экономики смена эффективных собственников стала происходить без социально-политических потрясений.

«МАЛОГОСУДАРСТВЕННАЯ» ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ?

В российской экономике, как и в советской, главным субъектом по-прежнему выступает государство: доля его имущества составляет сегодня более 50%, а с учетом косвенного контроля — свыше 75%!

Но нас заботят не эти проценты, а иной вопрос — ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГОСУДАРСТВО СЕГОДНЯ ЭФФЕКТИВНЫМ СОБСТВЕННИКОМ?

«МИСТИЧЕСКОЕ ВОСЬМИЛЕТие»

Условие сохранения российским государством статуса главного экономического субъекта — его эффективность как собственника, так как общество всегда согласно «заплатить» за рост своих доходов монополией государства на политическую власть.

Последние десять лет и были периодом такого негласного политико-экономического соглашения, так как доходы населения в «нулевые» годы, действительно, росли — с 1999 по 2008 гг.

реальный ВВП России увеличился на 82%, а паритет покупательной способности, вызванный устойчивым ростом курса рубля, — на 128% (см. график 1).

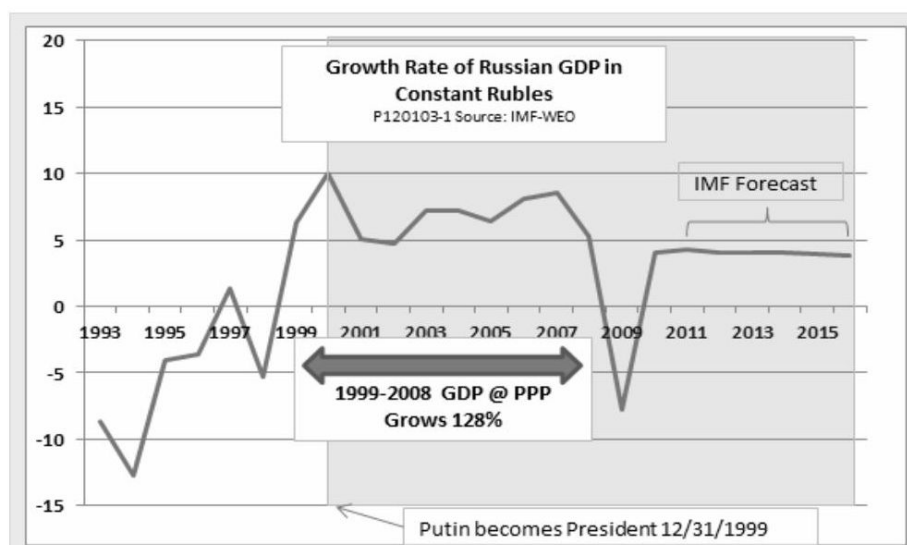

График 1. Динамика ВВП России в годы первого президентства В.В. Путина¹

График потрясает какой-то, я бы сказал, мистикой — годы двух сроков первого президентства В.В. Путина идеально совпали с позитивным экономическим трендом страны!

ЭКОНОМИКУ НАЧИНАЕТ «ШТОРМИТЬ»?

Однако сегодня экономика России переживает резкий спад после глобального финансового кризиса. К тому же экспорт нефти, движущая сила процветания российской экономики начала 2000-х, вряд ли может продолжиться: добыча нефти перемещается в отдаленные районы, и затраты на ее добычу растут. Для рентабельности нефтяной отрасли нужны налоговые льготы. А это — бюджетные потери. И компенсировать их может только мировая цена на нефть. Впрочем, на это — мало надежды (см. график 2).

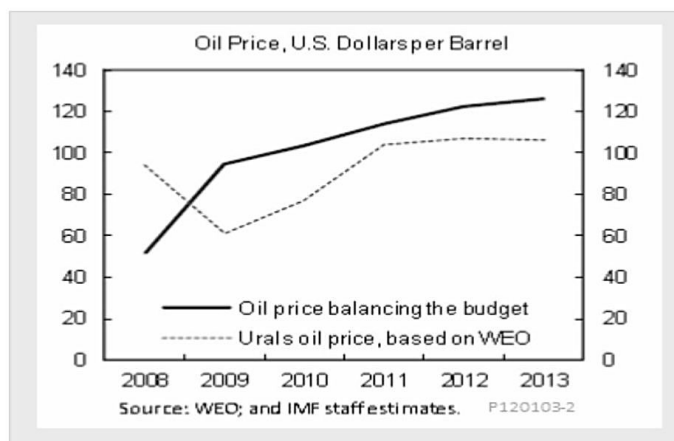

График 2. «Бюджетная» и реальная динамика мировой цены на нефть²

Сплошная линия, показывающая уровень мировой цены на нефть, необходимый для сбалансированности нашего бюджета, расположена намного выше пунктирной, отражающей реальную динамику мировых цен на нефть.

Это значит, что существовавшее прежде «молчаливое» согласие общества на монопольный статус государства в экономике и политике в обмен на рост доходов завершается. Государство вынуждено уходить из экономики, а с этим — из политики.

¹ Источник: Ed Dolan. Why the Russian Economy Is No Longer a Big Plus for Putin // EconoMonitor. 2012. January, 3.

² Источник: Ed Dolan. Why the Russian Economy Is No Longer a Big Plus for Putin // EconoMonitor. 2012. January, 3.

Реальный ход событий объективно подводит Россию к неизвестной ей на протяжении всей ее экономической и политической истории модели «малогосударственной» национальной экономики.

ЦЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Всякая наука занимается отысканием общего — в особенном.

И только благодаря этому общее становится «общим», а особенное — «особенным».

Этим занята и экономическая наука. Поэтому отрицание общих закономерностей в экономическом развитии означает отрицание экономической науки.

Сегодня эта основная гносеологическая проблема экономической науки приняла вид особой проблемы — учитывать или игнорировать глобализационный опыт обновления национальной экономики при обновлении российской экономики? И что именно следует заимствовать из «глобализационного» опыта обновления национальной экономики?

Беда экономической науки — в победе прикладного знания над теоретическим, что обернулось победой технологического подхода над экономическим.

Технологический подход сводит использование глобализационного опыта исключительно к заимствованию инновационных технологий, консервируя устаревшие модели, принципы и организацию экономики.

Доказательством расхождения между теорией и практикой обновления может служить «сколковский» проект.

Согласно этому проекту, на окраине Москвы в ближайшие годы должен быть создан первый российский инновационный центр мирового уровня (отечественная «Силиконовая долина»).

Есть нечто символичное в том, что подмосковное Сколково, прежде известное своими хрустящими огурцами, теперь должно «захрустеть» на весь мир своими инновационными разработками.

Именно Сколково призвано обеспечить скачок российской экономики: от сырьевой модели выживания — к инновационной модели экономического роста.

ЧЕГО ОПАСАЕТСЯ ВЕКСЕЛЬБЕРГ?

Но построить инновационный город и обеспечить его требуемой инфраструктурой, как считает руководитель проекта Виктор Вексельберг, не сложно, — «сложность заключается в том, что будет после этого»³.

Что же будет «после этого»?

Нам нужна только победа здравого смысла — нормальной экономики!

И хотя многие по традиции убеждены в разрушительности «глобализма» и «либерализма», на практике мы видим иное.

В команду Вексельберга входят Крейг Барретт, бывший президент корпорации Intel (как сопредседатель совета Фонда «Сколково») и бывший ирландский государственный министр Конор Ленихан (как вице-президент по развитию международного партнерства). А иностранцев вряд ли будут мучить написанием бесконечных и бессмысленных отчетов! В Сколково собираются привлечь международный интеллектуальный капитал — представителей Массачусетского технологического института, 50 исследовательских центров крупных транснациональных компаний (IBM, Intel, Nokia, General Electric, Ericsson и финско-германского совместного предприятия Nokia Siemens Networks). У компаний-резидентов нет НДС на 10 лет, компании с выручкой менее 30 млн долл. в год освобождаются от налога на прибыль и от таможенной пошлины на импорт.

Это значит, по словам Вексельберга, что Сколково предлагает иностранному бизнесу уникальную инвестиционную среду: «отсутствие политических рисков, налоговые, таможенные и другие льготы, поддержка государства, устранение форс-мажорных обстоятельств».

Но это и есть идеальная среда для предпринимательства, о которой мечтает вся российская экономика.

Значит, авторы сколковского проекта знают, что требуется для инновационного предпринимательства?

Тогда почему льготы только для «Сколково»? Мы все этого хотим!

Конечно, экономисты и дальше будут разрабатывать эффективную модель обновления российской экономики.

Однако это — поиски в теории. ПРАКТИКА ЖЕ, СУДЯ ПО СКОЛКОВО, УЖЕ НАШЛА СВОЮ МОДЕЛЬ!

³ Russian evolution. 24.3.2012 // <http://community.sk.ru/press/b/pressabout/archive/2012/03/24/russian-evolution.aspx>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ «ПО МАРКСУ»: РЕАНИМАЦИЯ ИЛИ РАЗВИТИЕ?

Л.С. ГРЕБНЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: lsg-99@mail.ru

В статье предлагается усовершенствовать понятийный аппарат политической экономики путем рассмотрения в терминах альтернативных издержек отношения между интересом увеличения свободного времени людей в настоящем и повышением обеспеченности существования общества в будущем.

Ключевые слова: альтернативные издержки; интересы; маржиналистская революция; политическая экономия; производственные отношения.

This paper deals with the improvement of the background of political economy by using opportunity cost of increase present free time as diminishing means of future existence.

Keywords: opportunity cost; interests; marginalist revolution; political economy; industrial relations.

Коды классификатора JEL: A11, B31, B40, B10.

Любая революция представляет собой отрицание предшествовавшей действительности. Маржиналистская революция 1870-х годов отрицала трудовую теорию ценности (стоимости) классиков политической экономики в целом и ее марксову интерпретацию, в особенности. Логичным завершением этой методологической революции в экономической науке стал отказ на рубеже XIX–XX вв. даже от названия «политическая экономия» («political economy»), замена его на «economics», частью которой стала «political economics».

Мировой кризис 2000-х годов способствовал не только критике современной экономической теории, но и росту интереса к трудам Маркса, особенно к его «Капиталу».

Может ли рост такого интереса закончиться своеобразной «методологической контрреволюцией» и «восстановлением в правах» не только термина «политическая экономия», но и его традиционного содержания, связанного с экономическими интересами в обществе? Не исключено. Но для такого «отрицания отрицания» надо признать хотя бы частичную рациональность первого отрицания.

Можно назвать, как минимум, три взаимосвязанных пункта, по которым критика политической экономики была убедительной, или, по меньшей мере, многими воспринималась таковой: труд – как субстанция ценности благ; его двойственный характер – как причина двойственности их ценности (конкретный труд создает потребительную ценность любого товара, а абстрактный – его меновую ценность/стоимость); продолжительность труда – как основа меновых пропорций.

Опыт 20-го столетия доказал, что рынок и деньги появляются в любой общности, где есть хотя бы подобие равенства части его членов безотносительно к «времени труда», но пропорции обмена при этом связаны не с «временем труда», а с «временем/качеством жизни».

Самый наглядный пример – рынок продуктовых карточек в Северном Вьетнаме в 1970-х годах. Функцию денег на нем выполняли карточки на рис.

В СССР менее наблюдаемыми, но гораздо более массовыми, были «серые рынки» так называемых фондируемых материалов: метизов (металлических изделий), начиная с проката разных про-

филей, красок, других хранимых и делимых материалов широкого применения. По сути дела, это – та же карточная система, но не для людей, а для предприятий. Такие рынки были очень локальны, но они помогали жить в условиях несовершенной и все более отстающей от жизни системы норм, по которым выделялись ресурсы «под планируемые объемы производства».

Если просмотреть «Никомахову этику» Аристотеля, на которую ссылается Маркс на первых страницах «Капитала», то можно заметить, что античный философ видит основу для сравнения разных благ в их востребованности для жизни людей. Рабский труд приписал Маркс сюда напрасно: Аристотель рассуждал о враче и земледельце [1, с. 155–156].

Можно также назвать, как минимум, одно понятие, которое было введено в экономическую науку именно после маржиналистской революции – издержки упущенной выгоды, альтернативные издержки (opportunity cost). Оно тесно связано с понятием «сравнительное преимущество», введенным Давидом Риккардо, но прошедшим мимо внимания Маркса: «Два человека выделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях, но, изготавливая шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или на 20%, а изготавливая обувь – на одну треть; не будет ли для обоих выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный – производством шляп?» [4, с. 159].

На языке альтернативных издержек приведенный Риккардо условный числовой пример выглядит так: у первого (более искусного) технологическая норма замещения шляпы/обувь равна $3/2$, а у второго – $5/3$, то есть, действительно, у первого шляпы относительно обуви дешевле ($9/6 < 10/6$ на $1/6$, или на 17%).

Универсальность понятия альтернативных издержек выражается, в частности, в том, что значимость (ценность) труда для существования людей выглядит весьма просто: чтобы жить потом, надо часть времени сейчас потратить не на досуг (или «царство свободы»), а на труд по производству средств существования. И наоборот: увеличение свободного времени «здесь и сейчас» стоит уменьшения обеспеченности существования в будущем. Басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» иллюстрирует эту зависимость в самой наглядной форме.

По сути, о том же писал Карл Маркс в известном письме Л. Кугельману (от 11.07.1868): «Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости [т.е. ценности – Wert, value – Л.Г.] покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель» [2, с. 460 (курсив мой, – Л.Г.)].

Таким образом, на роль субстанции ценности/стоимости гораздо лучше подходит жизнь людей (общества), а не ее часть – труд, или, иначе говоря, субстанция ценности – будущая жизнь общества. Если истинно общее положение «цель первична по отношению к средству ее достижения», то оно остается таковым и в частном случае пары «жизнь – труд».

При отсутствии технического прогресса или его относительно низком темпе, доля времени труда в общем времени жизни может восприниматься как постоянная величина. Это ведет к иллюзии пропорциональности меновых ценностей пропорциям «рабочего времени». Отсюда неизбежно «противоречие» не столько между первым и третьим томами «Капитала», сколько в самом третьем томе, когда от статичности меновых пропорций осуществляется переход к анализу «закона-тенденции» норм прибыли к понижению.

Двойственный характер труда Маркса – это по сути дела форма, за которой скрыта двойственность самой жизни людей, раздваивающейся на цель (жизнь как таковую) и средство (труд как часть жизни, обеспечивающая жизнь в целом). Причем надо иметь в виду, что трудятся индивиды, а живет общество (включая и нетрудоспособных современников трудящихся индивидов, и будущие поколения людей).

Формула «общественно-необходимые затраты труда на воспроизводство (блага)» обращена в будущее, а не в прошлое. Поэтому она имеет в виду затраты, во-первых, только ожидаемые (ex ante), а не реальные (ex post), и, во-вторых, не вполне определенные из-за неустранимой неопределенности будущего. Это заставляет наряду со знаниями говорить о вере. Какой бы предмет ни выполнял функцию денег, люди верят, что эту функцию он будет выполнять и в будущем. В этом смысле деньги всегда, а не только сейчас, имеют кредитный – от слова *credo*, то есть, вера (или фидуциарный) характер.

Например, когда в ожидании набега зажиточный крестьянин закапывал в укромном месте кубышку с золотыми или серебряными монетами, это значит, что их ценность становилась для него в этот момент нулевой, если не отрицательной (его могли и убить, чтобы забрать, а откупиться – мо-

жет не получиться). При этом он верил (или хотя бы надеялся), что, во-первых, никто ее не найдет, во-вторых, ситуация в дальнейшем изменится к лучшему, жизнь станет безопаснее, в-третьих, сам он или доверенное лицо смогут вернуться и достать клад, в-четвертых, сбереженное будет иметь ценность и в новой жизни.

К сказанному можно также добавить, что ценность благ всегда имеет и относительный (по отношению к жизни, которую оно прямо или косвенно обеспечивает), и долевого характер: доля времени жизни, уделяемая труду как таковому (если угодно – абстрактному труду как части «абстрактной жизни», жизни общества как таковой) и доли времени, связанные с производством и потреблением конкретных благ (конкретный труд).

Переведя взгляд с благ на людей и общество, на отношение между настоящим и будущим временем их жизни, мы вернемся к интересам, которые даже по этимологии этого заимствованного из латыни термина (*inter est* – «между есть») неразрывно связаны с реальным временем. Именно противоречивые (самосохранения и самоизменений) интересы субъектов являются действительным предметом политической экономии. Здесь уместно напомнить первые строки первой рукописи 1844 года К. Маркса: «Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста» [3, с. 47].

Производственные отношения «по Марксу» – это отношения людей по поводу производства жизни своей, а не вещей (их «производства – распределения – обмена – потребления»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42.
4. *Риккардо Д.* Начала политической экономии. М.: Эксмо, 2007.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: volchik@sfedu.ru

В статье анализируется влияние проблемы доверия на результативность модернизации институтов. Рассматриваются вопросы, связанные с дисменеджментом и увеличением контроля при проведении институциональных реформ в сфере образования. Проблема доверия должна находить свое разрешение в контексте улучшения качества социального капитала.

Ключевые слова: модернизация институтов; доверие; социальный капитал; контроль; образование.

The influence of confidence on institutional modernization efficiency is analyzed in the paper. The issues related to dismanagement and excessive control when reforming the institutes of the educational sector are examined. The problem of confidence is considered to be the one that has to be solved in the context of the social capital improvement.

Keywords: institutional modernization; confidence; social capital; control; education.

Коды классификатора JEL: B52, Z13, I25.

1

Институты имеют значение для экономического развития. Благодаря институтам социальные взаимодействия становятся регулярными, что позволяет осуществлять различного рода обмены с меньшими издержками. Однако институты не всегда эволюционируют от менее эффективных к более эффективным [22].

Сравнительно неэффективные институты могут существовать очень долго вследствие институциональной инерции и зависимости от предшествующей траектории развития. Субоптимальность и неэффективность институтов связана с повышением уровня транзакционных издержек, ограничением обменов, но самое главное, такие институты создают искаженные стимулы [21].

Институты важны для функционирования как рынков, так и для организаций. В современной неинституциональной экономической теории институты и организации чаще всего различаются, они рассматриваются, соответственно, как правила игры и игроки [10]. Напротив, в рамках традиционной (старой) институциональной экономической теории жесткого различия между институтами и организациями не проводится. Видный представитель традиционного институционализма Дж. Ходжсон отмечает: «Если определять институты как социально укорененные системы правил, то очевидно, что организации представляют собой особый тип института, обладающий некими дополнительными свойствами» [19, с. 37]. Различия между двумя подходами не столь радикальны. Функционирование организации неизбежно связано не только с внешними для нее институтами, но и внутренними правилами, технологиями или рутинами. Поведение акторов внутри организации также связано с правилами, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия внутри организации, а также способствуют устойчивости (или неустойчивости) организационных форм.

Институты имеют информационную природу, которая реализуется в создании и использовании явного и неявного знания [3]. Неэффективные институты, существующие внутри организационных форм, определяют возможности и ограничения для менеджмента. При наличии устойчивых субоптимальных и неэффективных институтов организация сталкивается с проблемой дисменеджмента¹.

¹ Термин «дисменеджмент» предложен Г.Б. Клейнером для характеристики дисфункций управления в организациях.

Рекомендации международных организаций, таких как Международный Валютный фонд и Всемирный банк, относительно институциональных реформ сводились к тому, что в ходе реформ необходимо импортировать более успешные институты, развивающие управление. За эталон таких институтов обычно принимаются институты, которые существуют в англо-американской традиции, основанной на максимизации рыночной свободы и защиты прав частной собственности [23]. Однако импорт институтов связан с опасностью их дисфункции [15], вследствие несоответствия заимствуемых норм существующей институциональной структуре, а также специфическому социальному капиталу [4, с. 35–41].

Многие внедряемые или модернизируемые институты представляют собой симулякры институтов, которые функционируют в развитых рыночных экономиках. Симулякры также создаются в организациях, которые вынуждены заимствовать процессы и формы, используемые в эффективных зарубежных организациях. Поэтому многие совпадающие по названиям институты и организации, например, такие, как университеты, единый экзамен, защита диссертаций [7], экспертный контроль, в российских реалиях могут в процессе своего функционирования выполнять функции и сталкиваться с проблемами, не свойственными их иностранным аналогам.

Однако функционирование институтов постоянно связано с интерпретацией норм акторами, которые включены в действие того или иного института. Интерпретация нормы, содержащейся в институте, впоследствии ведет к изменению нормы и самого института. В рамках конструктивистской институциональной экономики исследование институтов не может вестись без учета того, как акторы воспринимают и интерпретируют правила и нормы. В рамках данной работы на основе проведенных 30 интервью с представителями бюджетных учреждений образования и здравоохранения предпринята попытка выделить основные закономерности трансформации институтов в ходе широко рекламируемой модернизации. Интервьюируемым сотрудникам бюджетных учреждений задавался один и тот же основной вопрос: «Возросло ли за последние пять лет количество проверок, отчетов или иной «бумажной работы» в вашей организации?»

В следующем разделе статьи приведены и систематизированы основные ответы респондентов, а также обобщено их видение причин и последствий существующего положения дел в рамках существующих институтов и организаций в бюджетной сфере. Выбор бюджетных учреждений образования обусловлен их значимой социальной функцией, а также многочисленностью.

2

Большинство респондентов отмечают, что преподаватели находятся в состоянии постоянного стресса. Проверки и отчеты становятся непрерывными и все более объемными. Значительную и все увеличивающуюся часть своего времени приходится тратить не на собственно образовательный процесс, а на различные отчеты, заполнение бесчисленных форм, планов и т.д.

Причины возрастающего количества отчетов, согласно проведенным интервью, образуют две группы:

- 1) институциональные;
- 2) технологические.

Институциональные детерминанты избыточной отчетности и контроля со стороны управляющих, в свою очередь, связаны с:

- проблемой доверия;
- проблемой автономности руководства, которому надо оправдать свои руководящие позиции;
- укреплением управленческой вертикали, что выражается в увеличении контроля наряду с ослаблением обратных связей между управляющими и управляемыми.

Проблема доверия является центральной среди причин дисфункций управления, которые порождают вал ненужных, дублирующих отчетов, создающих иллюзию управляемости.

Отсутствие доверия со стороны управляющих органов к управляемым требует постоянного совершенствования систем контроля. Там, где не существует рыночных индикаторов деятельности, контролирующие органы вынуждены внедрять показатели, характеризующие результативность деятельности организаций.

Важной причиной усиления контроля и, следовательно, отчетности является реализация государственных программ, направленных на модернизацию сферы образования. Респонденты отмечают, что в результате реализации государственных программ появились деньги, соответственно, увеличился контроль за их расходованием.

В образовании на преподавательских должностях заняты лица, обладающие высоким уровнем человеческого капитала. Респонденты отмечали, что со стороны почти всех уровней управления (а чем выше уровень, тем в большей степени) они сталкиваются с откровенным недоверием как к форме, содержанию, так и к результативности образовательного процесса.

Причем многие отмечают, что понижать качество преподавания им не позволяют их собственные моральные и профессиональные установки. Атмосфера возрастающего недоверия приводит к формированию негативных стимулов, что отрицательно влияет на творческий потенциал работников и трудовой климат в педагогических коллективах.

Низкий уровень доверия оказывает на педагогов влияние, аналогичное самовыполняющемуся пророчеству. Образовательная деятельность в атмосфере недоверия и игнорирования мнения преподавателей связана с отрицательным отбором. Лица с оппортунистическими интенциями получают сравнительные преимущества и постепенно вытесняют добросовестных педагогов.

Другой важной причиной разрастания отчетности, по мнению респондентов, являлось стремление руководства продемонстрировать свою необходимость в структуре организации. Обилие контролирующих процедур и, соответственно, отчетов респонденты связывают с проблемой автономности руководства, которому надо оправдать свои руководящие позиции.

Изменение правил по количеству и содержанию отчетов неизбежно связано с изменением административных регламентов, включенных в предыдущую систему отчетности. Таким образом, работники аппарата управления, чтобы избежать сокращения, будут вынуждены выдвигать инициативы по увеличению сфер деятельности, подлежащих отчетам, или саботировать реформу, направленную на сокращение отчетности.

Попытки проверить качество работы, создать показатели, объективизирующие результаты работы, заменяют попытки создания положительных стимулов выполнять на должном уровне свои служебные обязанности.

Еще одной важной причиной может служить укрепление управленческой вертикали, что выражается в увеличении контроля наряду с ослаблением обратных связей между управляющими и управляемыми. Вал ненужных, дублирующих отчетов создает иллюзию управляемости. Преподаватели в ходе интервью отмечают, что административные структуры все больше дистанцируются от непосредственных исполнителей их директив. Обратная связь между управляющими и управляемыми отсутствует. Доминирует точка зрения, что если работник не хочет выполнять существующие директивы, то он может написать заявление и уволиться. Среди руководителей всех звеньев очень распространен, по мнению респондентов, старый штамп – «незаменимых в нашем учреждении нет». Любая критика или предложения по совершенствованию системы управления рассматриваются руководителями всех уровней крайне негативно, что, в свою очередь, вызывает чувство апатии у преподавательского состава.

К другой группе причин, детерминирующих возрастание отчетов, относятся процессы изменения технологий создания и обработки информации.

Респонденты отмечали, что важным фактором увеличения отчетов и иной бумажной работы является изменение технологии работы с текстами. Например, замена пишущих машинок компьютерами позволила значительно увеличить возможности по созданию информации. Возникновение баз данных и сетевых технологий позволило осуществлять обработку значительных объемов информации.

Несмотря на возросшие возможности по обработке информации, отмечается дублирование предоставления одних и тех же данных в разных отчетах, направляемых в один контролирующий или управляющий орган. Возникает ситуация бесконечного дублирования одной и той же информации, представляемой просто в различных стандартах и формах отчетности. Таким образом, увеличение производительности в создании и организации документооборота пока не подкрепляется созданием эффективно используемых баз данных, формируемых из материалов отчетов.

К большим потерям времени приводит и само изменение форм предоставления различных методических, учебных и иных материалов. Большинство респондентов отмечают, что сталкиваются с постоянно меняющимися формами отчетности, а также увеличивающейся частотой предоставления отчетов. Причем изменение форм отчетности часто никак не связано с сущностными аспектами, изменения производятся ради изменений. Создается впечатление, что создание новых форм для отчетов становится самоцелью вышестоящих административных структур, которые пытаются связать изменения с необходимостью модернизации предоставления образовательных услуг.

Парадоксально, но внедрение информационных технологий не уменьшило количество «бумажной работы», а увеличило ее. У преподавателей становится все меньше времени на непосредственную работу с учащимися. Вместо расширения кругозора, внедрения новых образовательных технологий преподаватели пишут бесконечные огромные отчеты.

Иногда кажется, что несогласованность между различными контролерами, требующими отчеты, можно устранить с помощью хорошо разработанных программных продуктов. Но, видимо, природа такой несогласованности не столько технологическая, как институциональная, коренящаяся в самой природе бюрократических организаций, которые действуют в специфических российских условиях.

3

Путь к экономической эффективности часто пытаются начать под знаменами модернизации, чтобы соответствовать «мировому уровню» институтов развития и т.д. Но любая модернизация сопряжена с преодолением существующей институциональной организации общества. Институты формируются в среде, которую можно приближенно охарактеризовать как накопленный социальный капитал. Именно социальный капитал определяет форму и содержание повторяющихся взаимодействий между людьми, которые благодаря институтам структурируются и поддерживаются. Однако сам социальный капитал (впрочем, как и институты) зависит от исторического багажа или траектории предшествующего пути развития (path dependence). Отсутствие доверия может быть обусловлено негативным историческим опытом. Такой опыт формирует у акторов устойчивые поведенческие паттерны, не позволяющие получать значимый позитивный эффект от импортируемых или модернизируемых институтов.

Родоначальник нового институционализма Р. Коуз отмечал, что индивиды нуждаются в институтах, которые они способны понять, с которыми у них есть опыт работы [8, с. 21]. Поэтому невозможно успешное осуществление институциональных реформ и функционирование эффективных и качественных институтов без понимания большинством экономических акторов их сущности и механизмов функционирования. Понимание во многом зависит от традиции обучения и особенностей социализации индивидов и, следовательно, социального капитала.

Социальный капитал составляет важнейшую характеристику гражданского общества, без которого немыслима эффективная и устойчивая рыночная экономика. Исследование влияния социального капитала на экономическое развитие связано с выявлением качественных характеристик социально-экономического порядка, в отличие от механистических количественных подходов, которые доминируют в неоклассике. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых в его отсутствие невозможно. Например, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами [9, с. 126]. Рассмотрение категории социального капитала в институциональном контексте предполагает, что учитывается не столько существующий запас социального капитала, сколько динамика качественных институциональных ограничений.

Необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся схожесть человеческого и социального капиталов (оба они принадлежат к сфере качественных показателей, границы которых размыты социальной сферой), это различные категории. В отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойственен структуре связей между экономическими агентами и среди них. Он не является атрибутом отдельного человека [16, с. 5].

Социальный капитал – это источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды [6, с. 85]. На макроуровне формирование и накопление социального капитала сопряжено с возникновением, изменением и функционированием институтов, регулирующих хозяйственные связи между субъектами. Поэтому проблема социального капитала не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования и функционирования институтов и институциональной структуры экономики. Необходимо учитывать, что функционирование институтов определяется сферой их деятельности, культурными традициями и многими другими факторами, в числе которых эффективность является далеко не определяющим параметром. Перемены чаще происходят с ними потому, что меняются те ценности, которые обуславливают их существование, или они сами становятся несовместимыми с другими ценностями и институтами, но не обязательно по соображениям эффективности [14, с. 668].

Социальный капитал как дополнительный компонент социальной связи формирует ее качество, организует взаимодействие в соответствии со своими принципами и способствует достижению агентами экономического результата. Однако выполнить свое предназначение в полной мере он может лишь при наличии институциональной среды, адекватной поставленным задачам.

Часто социальный капитал отождествляется с социальной солидарностью и тем, что сопутствует ожиданиям «правильного поведения» [18]. Сама неоднозначность данного определения отражает многогранность жизни ассоциаций, разнообразные составляющие социальной солидарности. Именно формирование доверия, достоверности выполнения обязательств имеет прямое отношение к опережающему экономическому развитию стран Запада [12]. В России наблюдается довольно парадоксальный факт: при наличии коллективистских настроений, согласно социологическим исследованиям², не существуют традиции солидарного поведения и построения общественных отношений на основе взаимности.

² См.: [1, 24, 13].

Индивидуализм как характеристика саморегулируемого рыночного обмена сопряжен с идеей доверия, однако становление доверия не является процессом линейным или одинаковым во всех обществах и при всех рыночных системах. Необходимо отметить, что понятие индивида и индивидуальной деятельности не является единственным возможным базисом социального устройства, даже если речь идет о современных социальных устройствах. Например, в Японии и других южноазиатских странах, в которых основанному на генерализованных родственных связях духовной близости социальному капиталу также соответствовал высокий уровень современного экономического развития [18, с. 83–84].

Социальный капитал можно рассматривать как экономический метainститут³, который детерминирует специфические ограничения и предпочтения формального и неформального характера, обеспечивающие взаимодействие хозяйственных агентов за счет включения в анализ методологических принципов доверия, обязательств и санкций. Использование концепции социального капитала позволяет рассматривать взаимодействие экономических агентов сквозь призму взаимности и возмездности в условиях рыночных отношений.

Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию рутин технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка. Как уже отмечалось, индивид одновременно может являться членом групп, которые включены в действие многих институтов.

Институционализация социального капитала приводит к формированию такой институциональной структуры, которая, кроме снижения (повышения) транзакционных и организационных издержек, создает стимулы у акторов для участия в хозяйственных процессах. Однако необходимо отметить, что российская институциональная среда формировалась в коллективистском обществе, отличительными признаками которого являются соборность и господство общественных интересов над индивидуальными. С большой долей условности можно сказать, что российский социальный капитал основывается на коллективизме несвободных людей, в отличие от стран с развитым гражданским обществом, где социальный капитал основывается на солидарности свободных людей.

Многие социологи и историки отмечают, что особенности институциональной организации общества в России базировались на коллективистском менталитете и мышлении, где индивидуальный интерес и, следовательно, индивидуальные свободы личности не имели безусловной ценности. Так, например, И.Б. Чубайс, отмечает, что на протяжении многих столетий Россия выстраивалась на трех китах, на трех фундаментальных началах: православии, собирании земель, переросшем в имперскую политику, и на общинном коллективизме. Это и есть главные составляющие русской идеи. Отмеченные особенности являются глубинными характеристиками «русскости», задающими три ее императива – духовность (в традиционной форме православия), государственную стратегию (собирание земель и охранение собранного) и социально-экономическую ментальность (ориентацию на общинный коллективизм) [20, с. 31].

Здесь необходимо провести различия между понятиями коллективизма и солидарности. Под коллективизмом понимается сознательное подчинение личных интересов общественным, а солидарность связывается с общностью интересов и активным содействием чьим-либо действиям. Также необходимо отметить, что российский коллективизм сформировался в ходе длительной эволюции экономического и внеэкономического принуждения. Российский коллективизм является отрицанием свойственной Западу нравственной легитимации частной пользы и выгоды, которой на Руси не было до Петра, но и при нем не появилось тоже [2]. В отечественной традиции частным интересам отводилась производная, вспомогательная, обслуживающая роль – личные интересы должны быть подчинены общественным [4, с. 134–142].

В ситуации, когда социальный капитал основывается на принудительном коллективизме, доверие между управляющими и управляемыми традиционно находится на низком уровне. Отсутствие доверия на всех ступенях предоставления социальных услуг ставит на первый план задачу совершенствования механизмов контроля. Негативные последствия от отсутствия доверия нельзя устранить путем усиления контроля. Доверие может формироваться путем трансформации социального капитала, но этот процесс является эволюционным и очень долгим.

Примером нового механизма контроля в высшем образовании является введение единого государственного экзамена для выпускников бакалавриата вузов (ЕГЭ 2) [5, 17]. ЕГЭ 2 представляет со-

³ Метаинститут не надо путать с институтами как правилами и механизмами, обеспечивающими их выполнение. Метаинститут, если говорить образно, представляет собой тот материал, на базе которого формируются правила, впоследствии становящиеся институтами. Было бы логично предположить, что, например, из социального капитала, основанного на доверии и солидарности, формируются институты более эффективные, чем институты, основанные на принципах коллективизма, принуждения и патернализма.

бой попытку найти решение проблемы, когда знания выпускников оцениваются преподавателями, которые учили их на протяжении четырех лет. Предполагается, что оценивать знания выпускников бакалавриата по ЕГЭ 2 будут независимые эксперты и представители работодателей. Разработчики концепции ЕГЭ 2 отталкиваются от практики сдачи в США и некоторых других странах GRE (Graduate Record Examinations) теста, необходимого для приема в магистратуру. Внедрение ЕГЭ 2 может способствовать:

- ◆ объективизации минимальных качественных показателей образования;
- ◆ стандартизации требований, что позволит выработать и внедрить стандартные программы и учебники, соответствующие передовым требованиям;
- ◆ повышению уровня плохих и средних вузов до «приемлемых стандартов».

Однако внедрение ЕГЭ 2 может быть связано и с отрицательными последствиями, такими как:

- шаблонизация высшего образования;
- снижение значимости творческого компонента в высшем образовании;
- возникновение мотива натаскивания студентов на нужный результат;
- сведение роли вузовского преподавателя к роли учителя, а не исследователя;
- мультипликативный эффект от ошибок при составлении программ испытаний.

Введение ЕГЭ 2 иллюстрирует случай, когда отсутствие доверия, в данном случае к качеству итоговой аттестации выпускников в вузах, пытаются заменить новым механизмом контроля. Однако в случае вузов все негативные последствия ЕГЭ 2 представляются более значимыми, чем позитивные.

Недостаток доверия является причиной формирования механизмов, основанных на искусственно созданных индикаторах, которые позволяют оценить соответствие результатов и обязательств или заданий. Система контроля, основанная на контрольных цифрах, рейтингах и иных бюрократических индикаторах, демонстрирует низкую эффективность в плане управленческой координации и развития, ориентированного на результат. Дальнейшее совершенствование такой системы грозит попаданием в ловушку бесконечного контроля за контролерами. Учитывая сложившуюся институциональную структуру, где сильна теневая составляющая, усиление контроля будет сопровождаться увеличением коррупции.

Контроль является важной составной частью процесса управления, но контроль не должен существенно повышать издержки, связанные с управлением. Поэтому необходимо выявить действующие правила, формирующие пространство возможностей как для управляющих, так и для управляемых.

Норт отмечал, что институциональные изменения должны находить объяснение в терминах интенциональности [11, с. 67]. К этому тезису также можно добавить, что наши интенции зависят от стимулов, которые формируются существующей экономической политикой и институтами. Но даже самые наилучшие намерения разбиваются о суровую действительность, заключающуюся в отсутствии инструментов для реализации интенций реформаторов. Министерство образования и науки на протяжении последних пяти лет продвигает идею о сокращении числа государственных вузов и филиалов. Здесь необходимо учитывать, что большое количество вузов – это результат экстенсивного развития системы образования последние двадцать лет. Преподаватели в экстенсивно развивающейся системе высшего образования часто работают по совместительству в нескольких вузах, чтобы обеспечить себе достойный уровень доходов. У преподавателей, получавших и получающих низкую заработную плату по основному месту работы, часто просто нет другого выхода, как работать в различных коммерческих вузах и филиалах по совместительству. Таким образом, уменьшение количества вузов должно сопровождаться радикальным увеличением оплаты труда преподавателям, чтобы последние имели возможность изменить свое поведение и перейти с экстенсивных принципов развития на интенсивные.

Нобелевский лауреат Д. Норт отмечал: «Утрата доверия к институтам делает их кончину самоисполняющимся пророчеством» [11, с. 221]. Утрата доверия к институтам сопряжена также с доверием к любым институциональным инновациям. Поэтому, по мнению Норта: «Общества, предыдущий опыт которых научил их смотреть на инновационные изменения с недоверием и антипатией, разительно отличаются от тех, чье наследие обеспечило благоприятную среду для таких изменений» [11, с. 39].

Отсутствие доверия к институциональным инновациям нельзя заменить или компенсировать усилением контроля и введением новых его разновидностей. Для того, чтобы модернизируемые институты принимались, а не отторгались обществом, необходимо, чтобы основные акторы, включенные в действие институтов, понимали необходимость и направленность изменений; однако еще важнее – необходимость создания социальных механизмов, способствующих росту уровня доверия между управляемыми и управляющими в контексте повышения качества социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Кн. 1–3. М., 1991.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
3. Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 2.
4. Вольчик В.В., Бережной И.В. Роль социального капитала и групп интересов при формировании института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2.
5. Гомзикова С. Фурсенко: раз – ЕГЭ, два – ЕГЭ // Свободная пресса // www.svpressa.ru/society/article/52835.
6. Дискин И.Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1.
7. Жук А.А. «Диссертационная ловушка» на пути построения инновационной экономики // Вопросы экономики. 2011. № 9.
8. Интервью с Р. Коузом // Квартальный бюллетень Клуба экономистов. 1999. Вып. 1. № 4.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
12. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. 2000. Вып. 4.
13. Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989–1995 // Политические исследования. 1996. № 10.
14. Оффе К. Политэкономика: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингемана. М., 1999.
15. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
16. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
17. Резникова А., Петлевой В. Чиновники хотят ввести ЕГЭ для выпускников вузов // РБК daily. 21.09.2011 // www.rbcdaily.ru/2011/09/21/focus/562949981532821.
18. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-пресс, 2002.
19. Ходжсон Дж. Что такое институты // Вопросы экономики. 2007. № 8.
20. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10.
21. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers, 2012.
22. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
23. Na-Joon Chang. Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. № 4.
24. Shlapentokh V. Public and private life of Soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia. New York, 1989.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Е.В. КАМКО,

аспирант,

Институт экономики Российской академии наук,

e-mail: kamkoev@mail.ru

В статье рассмотрены механизмы управления инновационным развитием, характерные для России. С использованием эмпирических данных показано, что институты централизованного управления зачастую оказывались наиболее эффективными в российском обществе. Теоретическое объяснение эффективности институциональных механизмов такого рода обосновано с позиций теории институциональных матриц.

Ключевые слова: инновационное развитие; институты централизованного управления; институциональные матрицы.

The management mechanisms of innovative development typical for Russia are considered in the article. The article reveals that empirical data confirm the fact that management centralized institutions were often effective in the Russian society. A theoretical explanation of efficiency of such institutional mechanisms is justified from the standpoint of the institutional matrices theory.

Keywords: innovative development; management centralized institutions; institutional matrices.

Коды классификатора JEL: B52, I23 038, 032.

Введение. Инновации и экономика знаний в России

Долговременное экономическое процветание национального хозяйства всегда было связано с его инновационным характером. Высокий уровень инновационного развития экономики позволяет обеспечить наличие конкурентных преимуществ у страны и, соответственно, ее способность держать курс на опережающее развитие.

Осознание роли инноваций выразилось в том, что в конце XX в. происходит смена парадигмы общественно-экономического развития. Становится очевидным, что с 90-х годов прошлого века в мире формируется общество, основу которого составляет не экономика производства или услуг, как ранее, но экономика знаний. В такой экономике знание является уже не столько инструментом развития, сколько его целью и основным продуктом [38]. Этот вид экономики поднимает ряд таких проблем как: роль государства в развитии знаний, коммерциализация знаний, роль рынка, система институтов, способность на знания, оценочные показатели, потенциал научного превосходства и др. [3].

Процессы, связанные с развитием экономики знаний, взаимодействуют с институциональными структурами, регулирующими экономические отношения между агентами по поводу производства и распространения знаний. Функционирование современной экономики опирается на целый ряд базовых институтов — законодательных и традиционных, определяющих поведение экономических субъектов. Изменение институтов ведет к формированию сложной структуры экономических отношений, к формированию соответствующих институциональных структур [8]. Для эффективного управления складывающимися институциональными структурами требуются гибкие институциональные механизмы.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (проект № 11-02-00088а) и РФФИ (проект № 11-06-12035-офи-м-2011).

Страны по-разному адаптируются к новым изменениям и веяниям в экономике. В некоторых странах сложившаяся структура институтов позволяет легко перейти на новую ступень развития, иные страны — сталкиваются с трудностями. Так, например, А.Л. Гапоненко отмечал, что Россия имеет значительные возможности адаптироваться к новым условиям, т.к. страна характеризуется высоким образовательным потенциалом, значительными возможностями для инновационного процесса и достаточно развитой материально-технической базой национальной инновационной системы. С другой стороны, своеобразным тормозом, сдерживающим продвижение России в сторону экономики знаний, остаются нерешенные проблемы развития институциональной среды. Это, в частности, низкая эффективность государственного управления и регулирования экономики, неразвитость венчурного предпринимательства, высокие административные барьеры [6]. Табл. 1 наглядно иллюстрирует рейтинг России, стремящейся преуспеть в процессе рыночных реформ, по комплексному показателю, характеризующему уровень развития экономики знаний в странах и регионах мира².

Таблица 1

Индексы экономики знаний по методике Всемирного банка (2009 г.) [46]

Рейтинг	Страна	KEI	KI	Индекс экономического и институционального режима	Индекс инноваций	Индекс образования	ИКТ
1	Дания	9,52	9,49	9,61	9,49	9,78	9,21
2	Швеция	9,51	9,57	9,33	9,76	9,29	9,66
3	Финляндия	9,37	9,39	9,31	9,67	9,77	8,73
4	Нидерланды	9,35	9,39	9,22	9,45	9,21	9,52
5	Норвегия	9,31	9,25	9,47	9,06	9,60	9,10
6	Канада	9,17	9,08	9,45	9,44	9,26	8,54
7	Великобритания	9,10	9,06	9,24	9,24	8,49	9,45
8	Ирландия	9,05	8,98	9,26	9,08	9,14	8,71
9	США	9,02	9,02	9,04	9,47	8,74	8,83
10	Швейцария	9,01	9,09	8,79	9,90	7,68	9,68
...	...	...	...	...	...	...	...
60	Россия	5,55	6,82	1,76	6,88	7,19	6,38
...	...	...	...	...	...	...	...
145	Сьерра-Леоне	0,96	0,87	1,22	1,47	0,58	0,55

KEI (индекс экономики знаний) — это среднее значение из четырех индексов — индекса экономического и институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций — **ИКТ**.

KI (индекс знаний) — это средняя величина из трех индексов — индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций — **ИКТ**.

ИКТ (индекс информационных и коммуникационных технологий) — уровень развития информационной и коммуникационной инфраструктуры, которая способствует эффективному распространению и переработке информации.

Индекс экономического и институционального режима — условия, в которых развиваются экономика и общество в целом, экономическая и правовая среда, качество регулирования, развитие бизнеса и частной инициативы, способность общества и его институтов к эффективному использованию существующего и созданию нового знания.

Индекс инноваций — уровень развития национальной инновационной системы, включающей компании, исследовательские центры, университеты, профессиональные объединения и другие организации, которые воспринимают и адаптируют глобальное знание для местных нужд, а также создают новое знание и основанные на нем новые технологии. Количество научных работников, занятых в сфере НИОКР; количество зарегистрированных патентов, число и тираж научных журналов и так далее.

Индекс образования — уровень образованности населения и наличие у него устойчивых навыков создания, распространения и использования знаний. Показатели грамотности взрослого населения, отношение зарегистрированных учащихся (студентов и школьников) к количеству лиц соответствующего возраста, а также ряд других показателей.

² Индекс экономики знаний разработан в 2004 г. группой Всемирного банка (The World Bank) в рамках специальной программы «Знания для развития» (Knowledge for Development — K4D) для оценки способности стран создавать, принимать и распространять знания. Предполагается, что Индекс должен использоваться государствами для анализа проблемных моментов в их политике и измерения готовности страны к переходу на модель развития, основанную на знаниях.

По данным табл. 1 видно, что, хотя Россия и находится в первой половине стран мира по комплексному индексу экономики знаний, но занимает лишь 60-е место из 145. Мы оказались позади не только таких стран, как Аргентина, Бразилия и Малайзия, но также Коста-Рики, Сербии, Армении и Македонии. При этом видно, что одной из основных причин, «тянущих» Россию вниз, является крайне низкое значение индекса институционального и экономического режима. Действительно, если по показателям индекса инноваций, индекса образования и индекса информационных и коммуникационных технологий мы отличаемся от первой десятки стран в среднем в 1,4, 1,3 и 1,4 раза соответственно, то по индексу институционального и экономического режима – в 5,2 раза.

С целью выявления сложившейся системы институтов страны обратим внимание на закономерности ее институционального развития, которые отмечают ряд современных ученых. Это позволит нам глубже понять взаимосвязь институтов, на базе которых в России возможно создание эффективной системы инновационного развития, способной обеспечить прорыв страны к новому технологическому укладу, теперь уже шестому³.

Теоретические дискуссии об исторической зависимости от предшествующего пути развития

Проблема зависимости от предшествующего пути развития не так давно получила распространение в работах экономистов и экономических историков [50, 42, 44, 48, 49, 35, 30, 24, 2]. В настоящее время наиболее плодотворное развитие данной идеи наблюдается в рамках недавно появившегося течения в экономической науке – неозволюционизма [5] и неинституционализма.

В 1950 г. А.А. Алчианом (США) была выдвинута эволюционная гипотеза, которая предполагала, что всепроникающая конкуренция должна устранять более слабые институты и способствовать выживанию и развитию тех институтов, которые способны лучше решать человеческие проблемы [1]. Иными словами, автор говорил о присущей институтам эффективности, об их способности наилучшим образом регулировать общественную жизнь.

В то же время Дуглас Норт обосновывает и противоположный тезис об устойчивости неэффективных институтов. Путь зависимости (path dependence) по Норту означает, что выбор вчерашнего дня является начальной отправной точкой сегодняшнего. Структура институтов, формирующих экономику отдельной страны, уникальна. Трудность принципиального изменения путей очевидна и предполагает, что процесс совершенствования, с помощью которого мы приходим к сегодняшним институтам, ограничивает выбор в будущем. Основываясь на данном тезисе, можно говорить о том, что институциональная структура нового типа российской экономики – экономики, основанной на знаниях, строится как совокупность ограничений в отношении изменений, что в свою очередь ставит сам выбор в зависимость от структуры институтов. Сторонники Норта делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов [29].

Одной из наиболее популярных концепций, используемых институционалистами для обоснования устойчивости неэффективных институтов – по аналогии с закреплением неэффективных технологических стандартов, – является теория «QWERTY». Она связана с именем автора небольшой статьи американского экономиста Пола Дэвида, опубликованной в 1985 г. Статья была посвящена такому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств [44]. На данном примере автор показал, что вследствие исторических и институциональных факторов возможен эволюционный рыночный отбор неэффективных технологий, когда рынку доступны и другие более выгодные альтернативы. QWERTY-эффектами в современной научной литературе называют все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение» [44]. QWERTY-эффекты возникают, когда формируется единая глобальная история. В рамках этого единого потока событий происходит унификация норм (формирование сетей), поэтому возникшие позже более эффективные стандарты уже не могут вытеснить более ранние.

Когда последователи данной теории говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают бифуркационные точки истории, те ее моменты, когда происходит выбор

³ В 20-е годы XX в. советский ученый Н.Д. Кондратьев выдвинул теорию больших циклов развития мировой экономики продолжительностью 48–55 лет, в течение которых происходит смена запаса основных материальных благ. Йозеф Шумпетер в работе «Теория экономического развития» (1934) связал технологические уклады с циклами Кондратьева. Термин введен в науку российскими экономистами Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым. Согласно данной теории в настоящее время мир находится на стыке пятого и шестого технологического укладов. Пятый уклад характеризовался всеобъемлющей компьютеризацией, полной автоматизацией производственных процессов, Интернетом, телекоммуникационными технологиями и др. Шестой же технологический уклад будет основываться на биотехнологиях, нанотехнологиях, робототехнике и др.

какой-либо одной возможности и различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неустойчивости и неопределенности баланса социальных сил [29].

На возможность создания и закрепления в таких условиях неэффективных институтов указывает также российский ученый В.М. Полтерович, рассмотревший на примере постсоветской экономики такую разновидность зависимости от предшествующего развития, как «институциональная ловушка» [35]. Речь идет о том, что среди путей развития возможны варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном плане они не просто менее эффективны, чем альтернативные, но делают дальнейшее развитие буквально невозможным.

Идеи path dependence в более строгой математической форме развил Б. Артур [43]. Им рассматриваются факторы возрастающей отдачи от институтов и технологий, неэргодичности в развитии экономических систем, влияние эффекта блокировки на отбор сравнительно неэффективных институтов и технологий.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что для понимания эффекта path dependence важное значение имеют работы С. Либовица и С. Марголиса, выступающих с критикой закреплённости в истории неэффективных стандартов и институтов. Они обращают внимание на то, что создание экономических институтов означает процедуру интернализации внешнего эффекта, то есть возможность извлечения каким-либо субъектом (или обществом в целом) той дополнительной прибыли, которая становится возможной при переходе на лучший стандарт (или новый институт), и рано или поздно это происходит. Они убедительно показывают, что примеры «избыточной инерции», предполагающей длительное существование худших стандартов или институтов, являются либо непродолжительными, либо навязанными властями, либо вымышленными [45, с. 156]. В частности, они опровергли «басню» (как они полагают) П. Дэвида о закреплении неэффективных стандартов на примере сравнения клавиатуры QWERTY и клавиатуры Дворака. На множестве других приведенных примеров они также показали, что при анализе развития технологий негативного эффекта path dependence не зафиксировано – в гонке инновационных технологических стандартов победителем неизменно выходил тот, который, по словам большинства пользователей, оценивался как более предпочтительный [48]⁴.

Отвергая таким образом тезис о закреплении неэффективных стандартов и институтов, эти авторы, тем не менее, не опровергают эффект блокировки, который возникает в связи со складывающейся структурой стандартов и институтов, и роль предшествующего развития в процессе институционального отбора.

В дискуссии о предшествующем пути развития еще рано делать однозначные выводы. Поэтому по сей день данная проблема привлекает все новых и новых исследователей. Одни авторы утверждают, что в момент институционального выбора трудно, а порой невозможно вытеснить неэффективные институты. Иные говорят о том, что в процессе истории эффективные в условиях данной страны институты рано или поздно замещают неэффективные. Тем не менее, исследователи сходятся в том, что любое изучение перспектив эволюции институтов необходимо начинать с рассмотрения уже сложившейся институциональной структуры.

С этой точки зрения полезной, на наш взгляд, является «теория институциональных матриц» С.Г. Кирдиной [17–22]. Данная теория описывает и позволяет изучать институциональную структуру не только стран Запада, но также стран Востока и России. В современных условиях, когда Россия стремится перейти на инновационный тип развития, данная методика может помочь принять верное решение в построении системы институциональных механизмов на основе исторически сложившихся эффективных институтов.

Все многообразие базовых институциональных структур автор теории агрегирует в комбинацию двух основных типов, которые названы X- и Y-институциональными матрицами. На основании данных межстрановых исследований показано, что, как правило, история страны характеризуется устойчивым доминированием одной институциональной матрицы, которая определяет рамки и пределы действия другой матрицы комплементарных институтов. По мнению Кирдиной, институты X-матрицы преобладают в российском обществе, а также в ряде стран Азии и Латинской Америки. В странах Европы и Северной Америки преимущество имеют институты Y-матрицы. Соответственно, можно говорить об X- и Y-экономиках, доминирующих в этих странах [17].

Редистрибутивная X-экономика предполагает построение хозяйственной структуры на основе иерархической централизации. Через центр происходит аккумулятивное основных создаваемых продуктов, совмещение условий их производства и потребления, а также распределение ресурсов и продукции между участниками хозяйственного процесса [17, 18]. Этим целям, наряду с институтом редистрибуции, служит институт условной верховной собственности, при котором доступ к объектам собственности

⁴ См. также [15, с. 220].

носит «условный» характер, и эти условия определяются верховным уровнем управления. Именно этот институт, а не институт частной собственности, устойчиво доминирует в российской истории. Ярким примером может служить институт земельных отношений: в этой сфере, как убедительно показывают историки, не возникало массовой потребности в частной собственности на землю [27], как это было в европейских странах. А.П. Паршев в книге «Почему Россия не Америка», писал: «Суровый климат и огромная территория способствовали тому, что издержки производства у нас выше, чем в других странах. Для функционирования экономики в таких неблагоприятных условиях требовалось государственное регулирование условий применения и перемещения капитала» [34, с. 37–42].

Также для X-экономики характерны институты кооперации, служебного труда (термин О.Э. Бесоной) [4] и институт X-эффективности, т.е. ограничения издержек [18].

Характерный для X-экономики комплекс централизованных институтов находит свое выражение в высокой роли государства в экономике, в том числе и в инновационной сфере⁵. Для более четкого понимания сложившейся институциональной структуры России в области инновационных исследований, разработок и науки обратимся к истории развития и становления данных институтов.

Институты инновационного развития: исторический ракурс

Осознание значимости научных знаний как источника инноваций особо ярко начало проявляться в России в начале XVIII в. Была создана Академия наук в Санкт-Петербурге. До учреждения Академии наук было сделано уже многое — открыты специальные училища, создана Библиотека, гражданская типография, начато строительство Кунсткамеры, в которой намечались анатомический театр и астрономическая обсерватория. По проекту Петра I, Академия существенно отличалась от всех родственных ей зарубежных организаций. Она была государственным учреждением. Ее члены, получая государственное жалованье, должны были обеспечивать «научно-техническое обслуживание» потребностей государства. Кроме того, она соединила функции научного исследования и обучения, подразделяясь на собственно Академию, Университет, где преподавали те же академики, и Гимназию, в которой учителями должны были стать молодые люди, привезенные академиками как помощники и будущая смена [23].

Централизованно, по указу Николая II, было введено народное образование. Начальное образование в России становится бесплатным, а с 1908 г. — обязательным.

Важность централизованных институтов в инновационной сфере сохранялась на всем протяжении развития СССР. Как отмечает Л. Миндели, «в условиях планово-директивной экономики разработка и освоение новых отечественных инновационных решений и технологий в оборонно-промышленном комплексе осуществлялись под жестким централизованным контролем, и в том числе поэтому они были во многом успешны» [29, с. 113]. Здесь, говоря об инновационных проектах советской России, следует сказать и о проблемах того общества. Сам по себе институт центрального управления без сбалансированной работы остальных не сможет поддерживать эффективность работы в целом. В этой связи отметим тот факт, что, имея дело с коммунальной средой, управленцы советской России действительно опирались на институты верховной условной собственности в системе с институтами редистрибуции, служебного труда и кооперации, а также X-эффективности, то есть всего набора взаимосвязанных институтов X-экономики, а также соответствующих им политических и идеологических институтов X-матрицы.

Тем не менее, институциональное оформление процесса инновационного развития не носило системного характера. Во-первых, на уровне государства не поддерживалось развитие необходимых комплементарных институтов альтернативной Y-матрицы. Соответственно, тотально доминировали институты X-матрицы, что нарушало необходимый для процесса развития институциональный баланс, который предполагает необходимое взаимодействие комплементарных институтов, как X-матрицы так и Y-матрицы. Во-вторых, развитие институтов X-экономики также не всегда было последовательным и осознанным. Так, сформулированный в политической экономии социализма (составлявшей в СССР основу научного обоснования принимаемых решений) «закон пропорционального и планомерного развития придал понятию «пропорциональность» нормативный и субъективистский оттенок» [28, с. 133], что предопределило недостаточный, на наш взгляд, уровень объективной проработки конкретных решений. С одной стороны, это формировало «волютаристские ожидания» от принимаемых планов, которые ожидалось к исполнению уже в силу своего

⁵ В статье под понятием **инновационная деятельность** понимаем деятельность, которая охватывает все те научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие мероприятия, включая инвестиции в новые знания, которые фактически или по замыслу ведут к появлению технологически новых или усовершенствованных продуктов либо процессов. Некоторые могут быть инновационными на полном основании, другие не новыми, но необходимыми для осуществления [38].

принятия верховным уровнем управления; с другой стороны, не хватало эффективной системы контроля принимаемых решений «снизу».

Так, в плановой экономике под внедрением понималось освоение хотя бы одним предприятием передаваемого ему новшества. Массовое распространение практически не считалось обязательным и не предусматривалось, а факт внедрения, как правило, ограничивался освоением новшества несколькими предприятиями. Например, в планы внедрения Госплана в 1970–1980-х передавалось лишь около 20% завершенных заданий научных программ [28].

Крах СССР и распад «социалистического лагеря» в начале 1990-х гг. дискредитировали идею централизованного управления, в том числе и в инновационной сфере. В постсоветской России были предприняты масштабные попытки перейти от централизованных механизмов управления в научной и инновационной сферах к рыночным. Но они, как мы можем уже наблюдать, не оказались успешными.

Рыночные преобразования коснулись, прежде всего, отраслевой науки, которая фактически должна была перейти на самофинансирование. Но этого не произошло, так как в постперестроечной России вновь созданные частные предприятия перестали пользоваться услугами отраслевых научно-исследовательских организаций. Это произошло в результате:

- ◆ низкого спроса на НИОКР со стороны промышленных предприятий в условиях сужения инновационных секторов экономики, обусловленного топливно-сырьевой моделью развития;
- ◆ резкого сокращения бюджетного финансирования и отсутствия собственных средств у предприятий в результате гиперинфляции;
- ◆ в условиях перехода к открытой экономике технологические разработки отраслевых организаций зачастую не выдерживали конкуренции с доступными на рынке иностранными аналогами;
- ◆ отсутствия мер по защите интеллектуальной собственности.

В итоге отраслевая наука сильно пострадала, поэтому правительство Российской Федерации стало принимать меры по ее сохранению. Уже в 1993 г. ведущие промышленные исследовательские центры с уникальным оборудованием и инфраструктурой получили статус Государственных научных центров (ГНЦ). Этот статус позволил получать дополнительные бюджетные средства по линии программы развития ГНЦ. Кроме того, они получали финансирование от вышестоящих министерств. К настоящему времени Ассоциация ГНЦ объединяет 50 научно-технических организаций соответствующего статуса, и они составляют важнейший элемент национальной инновационной системы в области генерации знаний, перевода их в наукоемкий товар и подготовки инженерных и научных кадров [31].

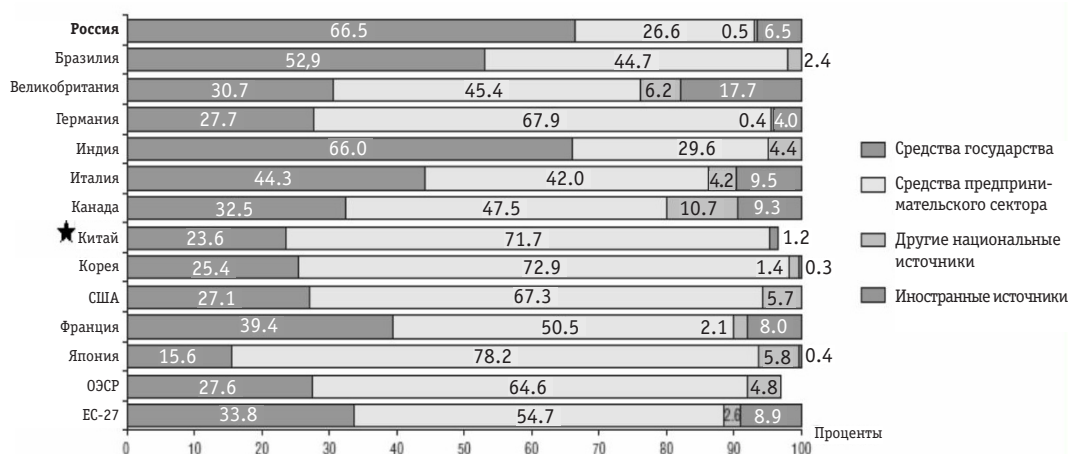
Если с начала 1990-х гг. государственное финансирование на развитие науки сокращалось, то с конца 1990-х оно стало устойчиво расти (рис. 1). Так, если в 1998 г. из федерального бюджета на фундаментальные исследования выделялось 0,8 млн руб., а прикладные — 0,96 млн руб., то к 2007 г. финансирование увеличилось на фундаментальные науки в 2,8 раза, на прикладные — в 3,3 раза. В результате на фундаментальные исследования федеральным бюджетом было выделено уже 2,25 млн руб., на прикладные — 3,21 млн руб.

Рис. 1. Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета в постоянных ценах 1991 г. (Источник: Индикаторы науки, 2009)

Если в действующих ценах 2007 г. ассигнования из средств федерального бюджета на фундаментальные исследования составляли 52084,1 млн руб., на прикладные исследования – 51 272,5 млн руб., то в 2010 г. они достигли значений 79 289,6 и 96 035,4 млн руб. [26], то есть возросли примерно в полтора и два раза соответственно.

Доля государственного финансирования в общем объеме затрат на российскую науку, в сравнении с аналогичными показателями других стран, в настоящее время достаточно велика. На рис. 2 показано, что в 2009 г. средства государства в структуре внутренних затрат на исследования и разработки составляли 66,5% по России, тогда как, например, в Германии только 27,7%.

★ — При оценке приведенных пропорций следует иметь в виду, что «собственные средства предприятий», зачастую относимые к так называемым частным инвестициям, или инвестициям предпринимательского сектора, включают в себя инвестиции госкомпаний разного масштаба. Расчеты специалистов показывают, что в инвестициях предпринимательского сектора КНР доля госкомпаний, т.е. государственного сектора, составляет от 50 до 70% (Sinha B., Banerjee P. Growing industrialization of R&D in China: Empirical observations. Presented in China-India seminar: Innovation, transformation, displacement and growth, 21-23 December 2009, Institute of Development Studies, Kolkata, India).

Рис. 2 . Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования и странам, 2009 г. (Российский инновационный индекс, 2011)

В настоящее время работы по активизации инновационных процессов и взаимодействия отраслевого, академического и вузовского секторов науки вновь централизованы и проводятся в рамках реализации Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 г., которая утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике 15 февраля 2006 г. [29].

Согласно показателям Стратегии, к 2015 г. доля инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке должна составить 18%. По этому показателю Россия значительно уступает многим странам. Так, например, в 2009 г. в Германии этот показатель составлял 69,7%, Новой Зеландии 65%, в России – только 9,4%. Динамика развития инновационного сектора экономики за последние годы не позволила достичь показателей, предусмотренных этой Стратегией.

Поэтому Президиумом правительства одобрена новая Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. «Инновационная Россия – 2020». Общая стоимость данного проекта составила 15,6 трлн руб. Документ разработан на основе и в развитие положений Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 г. в соответствии с поручением председателя правительства России по итогам заседания Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, состоявшегося 3 марта 2010 г.

В целях данного проекта обозначено, что в 2020 г. России надо занять «существенную долю (в 5–10%) на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по 5–7 позициям», включая атомную энергетику, авиатехнику, космическую технику; в 2 раза повысить «долю высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17–20%)». Кроме того, необходимо в 5–6 раз увеличить «долю инновационной продукции в выпуске промышленности» и в 4–5 раз – «долю инновационно активных предприятий (с 9,4 до 40–50%)».

Сегодня мы можем также наблюдать, как централизованные институты выступают мощным интегратором в развитии важных стратегических ориентиров деятельности страны. Они выполняют

ряд важнейших функций в сфере управления инфраструктурой воспроизводства человеческого капитала и управления инфраструктурой создания, накопления и использования знаний [9], иницируют основные цели и задачи. Так, 18 июня 2009 г. Президент России Д. Медведев определил пять стратегических направлений инновационного технологического прорыва:

- энергоэффективность и энергосбережение, включая вопросы разработки новых видов топлива;
- ядерные технологии;
- космические технологии, прежде всего связанные с телекоммуникациями и системой ГЛО-НАСС (Глобальная Навигационная Спутниковая Система), а также развитие наземной инфраструктуры;
- медицинские технологии, прежде всего диагностическое оборудование, а также лекарственные средства;
- стратегические информационные технологии, включая вопросы создания суперкомпьютеров и разработки программного обеспечения.

Участниками пленарного заседания X Международного инвестиционного форума «Сочи-2011» были выделены три главных фактора, определяющих долгосрочные инвестиционные перспективы России, – создание государством институтов развития, благоприятные макроэкономические показатели на фоне отягощенных долгами развитых экономик и бурный рост новых рынков, в том числе в сфере высоких технологий. При этом основным текущим приоритетом государства в инвестиционной политике премьер-министр России назвал формирование институциональных механизмов государственной поддержки для всех видов бизнеса [36].

Институциональные структуры современного инновационного развития

Среди институциональных структур, инициированных государством для реализации концепций и законопроектов по модернизации российской экономики и перехода к инновационному типу развития, мы рассмотрим два наиболее характерных, на наш взгляд, примера. Речь пойдет о Центре по разработке и коммерциализации новых технологий «Сколково» и ОАО «Роснано». Отметим, что наравне с данными структурами в процессе создания инновационной экономики страны участвуют и другие крупные государственные игроки, такие как Внешэкономбанк, Российская венчурная компания, Агентство стратегических инициатив (АСИ) и Российский фонд прямых инвестиций.

Разработка нанотехнологий⁶ – одно из направлений шестого технологического уклада. Использование достижений нанотехнологий дает значительный импульс развитию новых рынков продуктов и услуг, способствует удовлетворению все более диверсифицированных и индивидуализированных потребностей, от человека и производства до страны в целом. Учитывая тот факт, что наша страна до сих пор является «сырьевым придатком» мировой экономики, развитие такого направления в экономике позволит стране пусть не построить сразу эффективную национальную модель хозяйствования, но хотя бы добавить конкурентное преимущество в выстраивании гибкой институционально-организационной структуры экономики. Это, в свою очередь, позволит стране включиться в транснациональные производственные циклы на стратегически выгодных для России условиях.

Решение по развитию нанотехнологий носило централизованный характер. Сначала на федеральном уровне была принята общая концепция, которая легла в основу построения всей системы. Так, организационная структура национальной наносети РФ (далее – ННС) была создана в соответствии с Концепцией формирования национальной нанотехнологической сети Российской Федерации и Программой развития nanoиндустрии в Российской Федерации до 2015 г. В качестве тематических направлений деятельности ННС федеральными органами исполнительной власти определены: наноэлектроника; наноинженерия; функциональные наноматериалы и высокочистые вещества; функциональные наноматериалы для энергетики; функциональные наноматериалы для космической техники; нанобиотехнологии; конструкционные наноматериалы; композитные наноматериалы; нанотехнологии для систем безопасности.

Анализ показывает, что при реализации каждого приоритетного направления ННС были использованы практики, соответствующие институту условной верховной собственности – одного из центральных институтов X-экономики. По каждому из направлений, утвержденных Правительством Российской Федерации, определена головная организация (из числа участников ННС), которая разрабатывает концепцию и формирует свою подсеть ННС, структурируя ее в соответствии с

⁶ Нанотехнологии – целенаправленные операции с материей в масштабах менее 100 нанометров, в результате которых возникают новые, зависящие от размера свойства и функции.

выделенными основными подсистемами, или «центрами компетенции». В число участников ННС входят научные, образовательные, проектные и промышленные центры, лаборатории, технопарки, центры трансфера технологий, выполняющие исследования и осуществляющие процессы коммерциализации наноматериалов и нанотехнологий, а также деятельность по сбору и обработке научно-технической информации, предприятия и учреждения различных форм собственности, задействованные в разработке и выпуске продукции nanoиндустрии. Ключевую роль в становлении ННС играют организации, осуществляющие финансирование проектов развития nanoиндустрии, включая ГК «Роснано», Инвестиционный фонд Российской Федерации, ОАО «Российская венчурная компания» [11]. Отношения между выделенными государственными структурами (не частными!) строятся на основе института кооперации. Иными словами, они не конкурируют, но сотрудничают между собой и совместно выстраивают ННС России.

Государственная корпорация «Роснано» была создана в 2007 г., также заложив в свою основу принципы действия института условной верховной собственности, характерные для всей системы ННС в целом. Функционирование данной структуры определяется положениями специального Закона 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» (19.07.2007). Деятельность ее также регулируется Президентской инициативой «Стратегия развития nanoиндустрии» (24.04.2007) и Стратегией деятельности РОСНАНО до 2020 г. (29.05.2008). В марте 2011 г. путем реорганизации государственной корпорации «Роснано» было создано открытое акционерное общество «РОСНАНО». Несмотря на то, что сегодня РОСНАНО имеет статус ОАО и уже формально, де-юре не является госкорпорацией, оно фактически сохраняет ранее присущую госкорпорации экономическую суть. Единственным акционером общества, то есть владельцем 100% размещенных акций общества по-прежнему является государство [14]. Сохраняются также принципы работы организации, деятельность которой регулируется другим специальным Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 211-ФЗ «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий».

Данная организация предоставляет институтам развития и субъектам ННС возможность участия в своих инвестиционных проектах, инфраструктурных и образовательных программах и доступ к их результатам. Так, ОАО «РОСНАНО» выполняет роль инвестиционного фонда, поддерживающего перспективные проекты (т.е. проекты со значительным экономическим или социальным потенциалом) на основе их независимой экспертной оценки. Внутри организации, таким образом, действует институт редистрибуции, предусматривающий аккумуляцию средств, а затем их распределение на основе согласованных процедур.

Инвестиционная деятельность ОАО «РОСНАНО» фокусируется на финансировании начальной стадии коммерциализации, когда возможности привлечения частного капитала ограничены в силу высоких рисков, рыночной и технологической неопределенности. ОАО «РОСНАНО» предпринимает усилия для привлечения внешнего финансирования, в том числе за счет международной кооперации. Общество выходит из проекта, как только частный капитал будет готов финансировать проект самостоятельно и возврат инвестиций может быть осуществлен на заранее установленных условиях [32].

Главным условием для всех проектов является размещение бизнеса в России, что в свою очередь полностью согласуется с задачами текущей Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций.

Институциональный анализ позволяет заключить, что в деятельности ОАО «РОСНАНО» (наследнике госкорпорации «Роснано») используется в основном модель Х-экономики, поскольку почти полностью представлен набор соответствующих данной модели институтов [19]. В то же время деятельность этой структуры оказалась недостаточно эффективной. О том свидетельствуют итоги, подведенные ревизионной комиссией после проверки ГК «Роснано» в 2010 г. Ревизоры полагают, что бюджет «Роснано» был недостаточно ориентирован на достижение главной цели — финансирование проектов в сфере нанотехнологий. Ревизоры утверждают, что на поддержку нанопроектов в 2009 г. «Роснано» направила только 68,5% бюджета, затрат на НИОКР не было вовсе, а на подготовку специалистов ушло 0,1% бюджета. Кроме того, ревизоры указали, что месячный заработок менеджеров и специалистов гораздо выше, чем в других госкорпорациях [10].

Причиной отмеченной неэффективности служит, на наш взгляд, неполнота задействованного при создании госкорпорации институционального набора институтов Х-экономики.

Системность институционального ядра каждой из экономик (идет ли речь об Х- или Y-экономике) определяется наличием института, выполняющего функции сигнального механизма обратной связи. За счет этого поддерживается функционирование экономической структуры, определяются и воспроизводятся правила взаимодействия хозяйствующих субъектов, осуществляется само их выживание в окружающей хозяйственной среде [18]. Отсутствие данного института приводит к неэф-

фективности работы всей системы в целом. Именно это имеет место, на наш взгляд, в деятельности современного ОАО «РОСНАНО». И при учреждении корпорации, и к настоящему времени институт обратной связи, позволяющий обеспечивать показатели Х-эффективности, или снижения издержек, не был принят во внимание. Поэтому не сформирована убедительная система индикаторов, которые служили бы сигналами обратной связи в определении эффективности или неэффективности работы ОАО «РОСНАНО». Например, говоря о разработанной стратегии до 2020 г., можно отметить тот факт, что все эффекты работы оцениваются только на долгосрочную перспективу. Нет основных параметров, позволяющих оценить итоги работы на ближне- и среднесрочную перспективу. Также непрозрачны параметры оценки деятельности назначаемых руководителей, что не позволяет оперативно оценивать результаты их работы с точки зрения экономии государственных ресурсов, то есть достижения параметров Х-эффективности. Например, к октябрю 2008 г. в госкорпорации «Роснано» (ныне ОАО «РОСНАНО») была произведена смена ряда руководителей. В то же время данные решения официально и публично не аргументировались и не соотносились с теми или иными возможными причинами произведенных увольнений. Были ли они связаны с конфликтом интересов, завершением стартового этапа деятельности в госкорпорации, изменением характера задач или неэффективностью управления – осталось неясным [39].

Деятельность исследованной структуры позволяет сделать вывод о том, что централизованное управления инновациями в России носит пока скорее традиционный, чем научно обоснованный характер. «Инстинктивно» возвращаясь к этой характерной для нашей страны модели управления, политики и управленцы не используют достижения современной институциональной теории, способной выявить потенциальные проблемы реализации предложенных управленческих моделей. В данном случае речь идет об игнорировании необходимого института Х-эффективности при создании проекта развития нанотехнологий в современной России.

Центр разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково» – следующий инновационный государственный проект по модернизации российской экономики, который рассматривается в данной статье. «Сколково» представляет собой проект по внедрению новых технологий. На создание инновационного центра «Сколково» федеральный бюджет в 2011-2013 гг. планирует потратить 54,1 млрд руб. Согласно опубликованным Минфином «Основным направлениям бюджетной политики на 2011–2013 годы», ассигнования в 2011 г. составят 15 млрд руб., в 2012 г. – 22 млрд руб., в 2013 г. – 17,1 млрд руб. В Минфине уточняют, что финансирование преимущественно за счет бюджета предполагается только на ранних этапах развития проекта «Сколково», затем акцент должен сместиться на внебюджетные источники.

Реализация проекта возложена на Управляющую компанию «Фонд «Сколково» (далее – УК «Фонд «Сколково»). В специально принятом (как и в случае с ОАО «РОСНАНО») Федеральном законе «Об инновационном центре «Сколково» управляющая компания описана как монополист, решающий в «Сколково» почти все содержательные вопросы. При этом статус УК не определен – она не указана ни как госструктура, ни как коммерческое предприятие. В то же время отмечено, что УК не имеет какой бы то ни было коммерческой мотивации, то есть является, по сути, некоммерческой организацией. При УК «Фонд «Сколково»» создан Попечительский совет, возглавил который лично Д.А. Медведев. В рамках Фонда также создан Консультативный научный совет.

Проект «Сколково» предполагает создание институтов и других организаций, которые займутся фундаментальными исследованиями; будут созданы учреждения образования, которые станут выпускать специалистов по магистерским программам, аспирантов и докторантов. Федеральным законом «Об инновационном центре «Сколково»» определено пять направлений исследовательской деятельности в рамках данного проекта, повторяющие направления технологического прорыва, озвученные Президентом РФ Д.А. Медведевым в 2009 г.

В инновационной политике фонда отмечено, что он не планирует участвовать в уставном капитале инновационных предприятий, а также претендовать на получение доли прибыли. За компаниями-участниками закреплены гарантии на обладание всеми правами на результаты интеллектуальной деятельности.

К середине 2011 г. статус участника проекта приобрели около 100 компаний; 16 компаний получили гранты на реализацию инновационных проектов. Участник нового проекта приобретает широкий набор преференций, к числу которых относятся беспрецедентные налоговые льготы, освобождение от многих бюрократических процедур, связанных с созданием юридического лица, льготная аренда офисных площадей, пользование инфраструктурой, доступ к исследовательскому оборудованию. Участники проекта могут получать жилье для своих работников, а также специализированные сервисы, призванные способствовать успешному завершению разработок и коммер-

циализации инновационных продуктов. Структура фонда базируется по кластерному принципу в направлении выбранных направлений деятельности фонда. В рамках проекта будет создан «бизнес-инкубатор» для компаний на начальном этапе их развития, оказывающий им дополнительные услуги.

Анализ показывает, что схема организации проекта «Сколково», как и в случае с ОАО «Роснано», в общих контурах повторяет институциональную модель Х-экономики:

- ✓ институт условной верховной собственности находит свое выражение в наличии специализированных (для одного юридического лица) законодательных «верховных» актов, определяющих условия работы Фонда «Сколково». В этой связи также важно отметить, что имущество фонда находится под государственным контролем;

- ✓ наличие иерархической структуры, предусматривающей не только разделение функций и ответственности между уровнями, но также организационную и финансовую соподчиненность, что аргументирует действие института редистрибуции;

- ✓ институт кооперации отражается в структуре фонда. Кластерный принцип в направлении выбранной деятельности показывает, что элементы структуры работают не по принципу конкуренции, но консолидации усилий;

- ✓ целью создания центра разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково» является не извлечение прибыли, а создание централизованных структур, уменьшающих индивидуальные затраты на инновационные проекты, что соответствует институту Х-эффективности (то есть снижения издержек при выпуске продукта).

Заключение

Анализируя текущую ситуацию в управлении инновационной сферой российской экономики, можно сделать вывод о том, что в структуре ее институтов выделяются четкие контуры Х-матрицы. С ростом масштабов научно-инновационной сферы, ее судьбоносного значения для социальных и экономических перспектив, институты централизованного управления продолжают играть здесь значимую и ведущую роль. Об этом свидетельствуют как статистические показатели, государственные документы, программы, так и реальные факты, приведенные в данном исследовании.

Для преодоления топливно-сырьевой экспортной ориентации экономики и перехода к экономике инновационного типа, то есть к экономике знаний, современные институты централизованного управления нуждаются в дополнении их институтами Х-эффективности, направленными на обеспечение снижения издержек в слабоконкурентной институциональной среде. Более того, централизация помогает добиться необходимой пропорциональности в разных сегментах экономики и внедрении практики снижения издержек на всех уровнях инновационной экономики.

Наряду с известными рекомендациями о том, что для развития инновационного бизнеса частными предпринимателями необходимо:

- решение проблемы интеллектуальной собственности;
- поддержка малых предприятий на стадии start up;
- предоставление помещений для осуществления деятельности;
- помощь при выходе на зарубежные рынки;
- льготное налогообложение;
- обучение финансовым, маркетинговым и коммерческим аспектам деятельности в современных условиях;
- венчурные инвестиции и др.

Мы обращаем внимание на то, что совокупность институтов и инструментов должна составлять взаимосвязанную систему. Отдельные мероприятия, ценные сами по себе, повиснут в воздухе, если не рассматривать экономическую среду в целом как институциональную окружающую среду, которая должна обеспечить условия для развития инновационных процессов [7]. Но целостность среды обуславливается эффективным и сбалансированным сочетанием институтов Х-экономики и Y-экономики, при доминировании первых из них.

В свое время институты централизованного управления, характерные для модели Х-экономики, позволили нашей стране удержать лидирующие позиции в четвертом экономическом укладе. После окончания Великой Отечественной войны, несмотря на понесенные потери, СССР по ряду направлений вырвался вперед, опережая высокоразвитые державы Запада, включая США. Это относилось к таким наукоемким отраслям, как атомная энергетика, авиастроение, освоение космического пространства. Именно в те годы в стране были созданы фундаментальные научные школы, определившие развитие инновационных технологий на многие десятилетия. Следует сказать, что

существовавшая в СССР хозяйственная модель была далека от идеала и зависела от многих, в том числе и неэкономических, факторов. Но ситуация, происходившая в России 1990-х гг., и проигранный пятый технологический уклад были, на наш взгляд, одним из следствий скопированных механизмов «успешного зарубежного опыта», не принесших успеха стране. В шестой технологический уклад, который будет основываться на синтезе компьютерных технологий с нанотехнологиями и биотехнологиями, Россия может войти, используя исторически сложившиеся, но модернизированные институциональные механизмы, дополненные необходимыми альтернативными институтами, при этом в итоге получив овершенно иную институциональную конфигурацию в инновационной сфере страны, нежели при предшествующих укладах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алчиан А.А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория // Политическая экономия. 1950. № 58.
2. Балацкий Е.В. «Диссертационная ловушка» // Свободная мысль — XXI. 2005. № 2.
3. Барышева А.В. Экономика знаний — что это значит. 2009 // <http://www.nest-expert.ru/node/55>.
4. Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
5. Вольчик В.В. Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития. 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимость от предшествующего пути развития. Интернет-конференция. 2005.
6. Гапоненко А.Л. Экономика, основанная на знаниях, и перспективы экономического роста в России. Тезисы выступления 21 сентября 2004 на конференции в РАГС, посвященной ее 10-летию.
7. Голиченко О.Г. Инновационная система России: перспективы развития. 2007 // <http://www.econ.asu.ru/lib/sborn/misidr2007/pdf/stat02.pdf>.
8. Дедюкина Е.Н. Институциональные структуры экономики, основанной на знаниях: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Саратов, 2005.
9. Ермоленко В.В. Новые функции государственного управления и регулирования условиями формирования экономики знаний // Научный журнал КубГАУ. 2010. № 60(06).
10. Заключение ревизионной комиссии государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий» от 16.02.2010.
11. Инновационное развитие — основа модернизации экономики России: Национальный доклад. М.: ИМЭМО РАН, ГУ–ВШЭ, 2008.
12. Институциональных матриц теория / Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М, 2010.
13. Информационно-аналитический комплекс «Бюджетная система РФ» // <http://www.budgetrf.ru/Publications/>.
14. Иншакова А. Государственная корпорация «Роснано» VS ОАО «РОСНАНО»: вопросы правосубъектности // Власть. 2011. № 9.
15. Капелюшников Р. QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006.
16. Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10.
17. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
18. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: СО РАН, 2001.
19. Кирдина С.Г. Российские госкорпорации – ответ на глобальные экономические вызовы / Глобализация: мифы и реальность. Материалы Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2008 г. Тюмень: ТГАМЭУП, 2008.
20. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004.
21. Кирдина С.Г. X-эффективность и X-экономики: синтез теоретических подходов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2.
22. Кирдина С.Г., Малков С.Ю. Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2010.
23. Колчинский Э.И. Экономическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1.
24. Коузн Р. Зависимость от предшествующей траектории развития, причинная связь и экономическая политика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. № 4.
25. Либовиц С., Марголис С. Басня о клавишах // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006.
26. Матрица институциональная в социологии / Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003.

27. *Миронов Е.В.* Особенности исторического пути развития России // История и современность. 2011. № 1.
28. Наука, технологии и инновации России: Крат. стат. сб. / Под ред. Л.Э. Миндели. М.: ИПРАН РАН. 2007–2011 / И.В. Зинovieва, С.Н. Иноземцева, Л.Э. Миндели и др. 2011.
29. Научно-технологическое развитие Российской Федерации: состояние и перспективы / Под ред. Л.Э. Миндели. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2010.
30. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика / Под ред. А.М. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005.
31. Официальный сайт Ассоциации Государственных научных центров // <http://www.agnc.ru>.
32. Официальный сайт ОАО «РОСНАНО» // <http://www.rusnano.com/>.
33. Официальный сайт проекта «Сколково» // <http://www.i-gorod.com/>.
34. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д; Форум, 2003.
35. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
36. *Проценко Н.* Институты вышли на передовую: Владимир Путин представил двух новых игроков инвестиционного процесса // Официальный сайт ЗАО «Группа Эксперт» «Expert Online». 16.09.2011 // <http://expert.ru/2011/09/16/nstitutyi-vyishli-na-peredovuyu/>.
37. Российский инновационный индекс / Под ред. Л.М. Гохберга. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011.
38. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям, 2006.
39. *Симачев Ю.В., Кузык М.Г.* Государственные корпорации: проблемы и новые возможности. 2009 // <http://www.asv.org.ru/agency/methodological/>.
40. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996.
41. Финансирование науки и инноваций в России: состояние, проблемы, перспективы / Под ред. Л.Э. Миндели, С.И. Черных и др. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2010.
42. *Arthur W.B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.
43. *Arthur W.B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
44. *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2 // http://www.decon.unipd.it/personale/curri/birolo/materiale_corso/internet/David_QWERTY.pdf.
45. *Drucker P.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New York: Harper and Row, 1969.
46. KEI and KI Indexes (KAM 2012) // The World Bank Group // http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp
47. *Liebowitz S.J., Margolis S.E.* The Economics of QWERTY: Theory, History and Policy. N.Y. University Press, 2001.
48. *Liebowitz S.J., Margolis S.E.* The Fable of the Keys // Journal of Law and Economics. 1990. Vol. 33. № 1.
49. *Margolis S.E., Liebowitz S.J.* Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law. London, 1998.
50. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.-Y.: Northon, 1981.

ВИСКОНСИНСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ДЖОН Р. КОММОНС И ЕГО СТУДЕНТЫ¹

МАЛКОЛМ РЕЗЕРФОРД²

Пер. с англ. В.М. Ефимов

Предисловие переводчика

Перед Вами рассказ о совершенно уникальном опыте кардинального преобразования характера экономической профессии. Вместе с историко-этической школой Густава Шмоллера висконсинский институционализм Джона Коммонса представляет собой островок действительно научных исследовательских практик в море экономики как социальной философии. Дело в том, что провозглашенное Новым временем разделение между наукой и философией применительно к политической экономии не было осуществлено. Политическая экономия, а затем и экономикс, получили статус науки, оставшись политической или социальной философией, то есть наукой, равносильной естествознанию, так и не стали. Использование математического аппарата не превращает экономическую теорию в научную. Если применять критерии научности, принятые сейчас у экономистов к естествознанию, то значительную часть исследовательских практик в таких естественнонаучных дисциплинах, как химия и биология, должна была бы быть отнесена к искусству, а не к науке.

Нередко в дискурсах относительно экономической науки происходит смешение понятий нормативности и практической направленности. Так, неоклассическая экономическая теория нормативна, но не имеет практической направленности. Наоборот, школы Шмоллера и Коммонса не были нормативными, их даже часто обвиняют в том, что они чересчур описательны, но были непосредственно нацелены на социально-экономические реформы. На первый взгляд это может показаться даже парадоксальным. Однако такое соотношение нормативности и практической направленности в этих двух течениях экономической мысли легко объяснимо. Для того, чтобы предложить действенную реформу, нужно хорошо знать реформируемую действительность, иначе имеется мало шансов на успех. Напротив, задача наукообразной проповеди определённой идеологии абсолютно не требует от экономической теории тесной связи с реальностью в виде её практической направленности.

Почему такое успешное с социальной точки зрения направление, как висконсинский институционализм, возглавляемый Коммонсом, по существу перестало существовать? На мой взгляд, Малколм Резерфорд не даёт убедительный ответ на этот вопрос. Мне думается, что одной из причин была следующая: после завершения с помощью институционалистов изменений, в которых были заинтересованы правящие классы, эти последние прекратили поддержку первых и переключились на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе. Другой причиной, однако связанной с первой, было преследование институционалистов. Политические атаки на экономистов побуждали их выбирать «безопасные» области и методы исследования. С этой точки зрения, неоклассическая экономикс, в особенности в её математической форме, была такой идеальной безопасной областью. Наконец, поскольку основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т. д.), неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед институционалистами висконсинского типа. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения. По-видимому, сыграло также свою роль и предпочтение массой университетских преподавателей-экономистов лёгкости преподавания практически неизменных из года в год курсов неоклассической экономикс, постоянной адаптации курсов под исследование текущих социально-экономических проблем, которую предполагает конструктивистско-институциональный стиль обучения, а также совместным со студентами исследованиям.

В.М. Ефимов

¹ Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and His Students // Labor History. Vol. 47 №. 2. May 2006. P. 161–188.

² Malcolm Rutherford, Department of Economics, University of Victoria, PO Box 1700, Victoria, BC, Canada, V8W 2Y2. Email: rutherford@uvic.ca

В данной статье осуществлена попытка рассмотреть природу и историю институциональной экономики, которая развивалась в университете штата Висконсин. Хотя объем работ по изучению творчества Джона Р. Коммонса значителен, гораздо меньше было сделано по истории Висконсинского институционализма в целом. Изучение этой истории начинается в статье с момента найма Ричарда Т. Эли в 1892 году и других сотрудников экономического факультета в начале 1900-х годов Висконсинским университетом, вплоть до выхода Коммонса на пенсию в 1933 году. В данной работе анализируется предлагаемая в то время программа обучения, – особенно программа конца 1920-х годов, когда на факультете работал в полном составе институционалистский профессорско-преподавательский персонал, – а также области исследования и карьера бывших студентов Коммонса. В статье утверждается, что хотя Эли и сыграл свою роль в развитии Висконсинского институционализма, однако факультет приобрёл решительно институционалистский характер только после найма Коммонса и некоторого числа его студентов в качестве преподавателей-исследователей факультета. Программа обучения в конце 1920-х годов носила в значительной степени институциональный характер; в рамках данной программы Коммонс читал основной курс по ценности и оценке, особенно акцентируя внимание на таких областях, как отрасли общественного пользования, экономика труда и статистика. Неоклассическая теория была представлена в программе незначительно. Многие из учеников Коммонса сделали хорошую карьеру в академической среде, на государственной службе или в обеих сферах. Висконсинские студенты были активно вовлечены в разработку трудового законодательства, а также в развитие и функционирование системы социального обеспечения. Некоторые студенты Коммонса выбрали себе академическую карьеру, и многие из них сами стали руководителями большого количества аспирантов. Упадок институционализма висконсинского стиля после Второй мировой войны не был, как обычно предполагается, результатом массового ухода студентов Коммонса в неакадемические сферы, а был вызван рядом других факторов, включая рост влияния кейнсианской экономики и перехода того, что во многом составляло висконсинский институционализм, в новые школы трудовых отношений.

This paper seeks to provide a close examination of the nature and history of the institutional economics that developed at the University of Wisconsin. There has been a significant amount of work done on the thinking of John R. Commons, but much less on the history of Wisconsin institutionalism more generally. The paper proceeds through an examination of the development of the Department of Economics at Wisconsin from the time of the hiring of Richard T. Ely in 1892; the faculty hired to the Department from the early 1900s through to Commons's retirement in 1933; the program of instruction offered, particularly in the late 1920s when the full complement of institutionalist faculty were present; and the areas of study and later careers of Commons's graduate students. It is argued that although Ely played a role in the development of Wisconsin institutionalism, it was Commons who became the center of graduate student work, and that the Department only took on its decidedly institutionalist character after the hiring of Commons and a number of his students as faculty. The program of study in the late 1920s was very heavily institutionalist in character with Commons providing a core course on value and valuation, and a notable emphasis in the fields of public utilities, labor economics, and statistics. Very little instruction was provided in neoclassical theory. Many of Commons's students went on to notable careers in the academic world or public service or both. Wisconsin students were heavily involved in labor legislation issues, and in the development and administration of social security. But a number of Commons's students went into academic careers, and many produced large numbers of PhD students themselves. The decline of Wisconsin-style institutionalism after World War II was not, as has been suggested, a result of Commons's students moving largely into non-academic careers, but of many other factors, including the rise of Keynesian economics, and the migration of what had been much of Wisconsin institutionalism into new schools of industrial relations.

Введение

В период между двумя мировыми войнами институционализм был хорошо представлен на ведущих американских экономических факультетах. Два из четырех крупнейших экономических факультетов того времени, а именно, экономический факультет Колумбийского университета и экономический факультет университета штата Висконсин, были сильно институционалистскими, и у обоих было большое количество студентов. В Колумбийском университете в этот период было получено самое большое количество кандидатских степеней по экономике

в США, и, в то время как Висконсин в этом отношении стоял далеко позади Колумбийского университета, он был близок к Чикагскому и Гарвардскому университетам [26]³. В середине 1920-х годов в Чикагском университете также ощущалось некоторое присутствие институционализма, а Высшая школа Роберта Бругингса, в течение своей короткой жизни между 1923 и 1928 годами, была в значительной степени институционалистской. В других своих работах я рассматривал уже институционализм в Университете Бругингса, а также в Колумбийском и Чикагском университетах [51, 52, 53]. В настоящей статье я остановлюсь на Висконсинском университете и аспирантах, руководителем которых был Джон Р. Коммонс. Несмотря на наличие обширной литературы по карьере и произведениям Коммонса, об экономической науке в Висконсинском университете в целом, и, в частности, о студентах Коммонса было написано сравнительно мало [10].

После Второй мировой войны доля институционализма в рамках американской экономической дисциплины стремительно пошла на убыль. Некоторые утверждают, что висконсинскому институционализму не удалось воспроизвести самого себя, потому что выпускники экономического факультета Висконсинского университета выбирали для себя в большей степени, чем это наблюдалось в неинституционалистских школах, карьеру правительственных чиновников или работников таких учебных учреждений, которые не обладали правом присуждения учёных степеней [6]. Это было верно для школы Бругингса, где большинство из тех, которые прошли обучение по экономике, выбрали карьеру государственных служащих (многие из них работали в администрации, проводившей политику Нового курса (New Deal)), и не имели большого количества собственных аспирантов. Джефф Бидл указывает на довольно противоречивые данные относительно этого явления применительно к висконсинским аспирантам, защитившим свои диссертации в период между 1920 и 1946 годами. В этой статье я буду опираться на данные Лемпмена [37] для того, чтобы подвергнуть этот аргумент более тщательному анализу.

Книга Лемпмена идентифицирует тех аспирантов, которые работали над своими диссертациями под руководством Коммонса, а также других аспирантов с институциональными убеждениями, и, кроме того, содержит информацию об экономическом факультете Висконсинского университета, его программах и последующем трудоустройстве его выпускников. В сочетании с материалами из других опубликованных и архивных источников это может помочь воссоздать полную картину развития экономического факультета Висконсинского университета, его преподавательского персонала, предлагаемых учебных программ, выпускников факультета и их последующих карьер.

Эволюция факультета

Экономическая дисциплина в Университете штата Висконсин стартовала с приходом в 1892 году в этот университет Ричарда Т. Эли в качестве первого профессора экономики. Эли был нанят, чтобы возглавить новую Школу экономики, политологии и истории, сочетание наук в названии которой полностью соответствовало немецкой модели образования, которое и получил сам Эли. К Эли присоединился его бывший студент, историк Фредерик Джексон Тернер (Turner), который перевёлся в Висконсинский университет из Университета Джона Хопкинса, забрав с собой своего ассистента Уильяма Скотта (Scott), а также двух аспирантов, Дэвида Кинли (Kinley) и Чарльза Буллока (Bullock). Хотя Скотт был студентом Эли, он был экономистом маржиналистского толка.

Эта исходная школа, созданная Эли, просуществовала до 1900 года, когда политическая наука оформилась в виде отдельной ветви в рамках Школы экономики и политических наук, а история была отнесена к отдельной Школе истории. В результате реорганизации, имевшей место в 1903 году, были созданы отдельные факультеты экономики и политической экономии, политологии и истории внутри колледжа, специализировавшегося на предоставлении образования в области свободных искусств и наук. Место, занимаемое в университете экономической дисциплиной, значительно расширилось после 1900 года с назначением на профессорские должности Т.С. Адамса и Н.С. Тейлора в 1902 году, Джона Р. Коммонса – в 1904 г. и Е.А. Росса – в 1906 году. Адамс на очень хорошем уровне преподавал статистику; Тейлор, сам защитивший диссертацию в Висконсинском

³ Рейтинги университетов зависят от числа кандидатов на получение PhD, числа удостоенных PhD и определения того, что есть PhD по экономике. Для Бругингского университета установить рейтинг было трудно, поскольку он существовал только между 1923 и 1928 годами и присваивал докторские степени как в области экономики, так и политических наук. Тем не менее, во время своего существования экономический факультет Бругингского университета выпустил в общей сложности 66 кандидатов наук, что является высоким показателем их производства.

университете, развивал область экономики сельского хозяйства; Коммонс взял на себя серьезные научные исследования по истории труда; Росс обеспечивал рост обучения в области социологии. Аграрная экономика организационно отделилась в 1909 году в Сельскохозяйственный колледж, однако его студенты продолжали иметь возможность прослушивать курсы также и на факультете, возглавляемом Эли. Курсы по торговле по-прежнему велись преподавателями этого факультета вплоть до 1927 года, а курсы по социологии – до 1929 года [37].

До конца первого десятилетия XX в. Эли остается доминирующей фигурой в висконсинской экономике. В то время как Эли и Скотт читали основные курсы по экономической теории, Коммонс ограничивался курсами по экономике труда [37, р. 36–37]. Хотя на Эли оказала существенное влияние его связь с немецкой исторической школой, движением социального христианства и английскими работами по истории трудовых отношений Сиднея и Беатрисы Веббов, его преподавание стало очень эклектичным и опиралось на часто несовместимые источники. Эли был известен своим эмпирическим подходом и реформистскими взглядами, однако, несмотря на это, он использовал маржиналистскую теорию. Например, его курс по распределению богатства опирался на тексты Джона А. Гобсона и Дж.Б. Кларка, в результате чего студенты должны были проработать оба источника и сделать при этом свои собственные выводы⁴. Эли становился все более консервативным в своих суждениях, особенно после перенесенного им в 1894 г. обвинения в том, что он преподавал анархизм [48, р. 130–158]. Во второе издание (1908 г.) и более поздние версии его учебника «Очерки экономики» (соавторы: Аллин Янг, Т. Адамс, и Макс Лоренц) включены теория предельной полезности и теория предельной производительности. При Эли факультет развивался вполне в русле американской экономической дисциплины, как видно по защитившим там диссертации аспирантам, в числе которых – Дэвид Кинли (1893), Чарльз Буллок (1895), Бальтазар Мейер (Meyer) (1897), Б.Х. Хиббард (Hibbard) (1902), Генри Тейлор (Taylor) (1902), Аллин Янг (Young) (1902), Льюис Х. Хэйни (Haney) (1906) и Отто Лоренц (Lorenz) (1906)⁵. Конечно, эти студенты впитали в себя некоторые элементы подхода Эли и его озабоченность относительно социально-экономической политики, однако никто из них не сыграл важной роли в институционализме, в той его форме, в какой он развивался после 1918 года.

Это не умаляет вклада Эли в висконсинский институционализм. Эли был пионером в изучении американского рабочего движения, учителем Коммонса и Росса, привлечшим их на работу в Висконсинский университет. Кроме того, он разрабатывал (вместе с Хиббардом и Тейлором) область экономики сельского хозяйства, внес значительный вклад в изучение отраслей общественного пользования и их регулирования, а также был пионером в изучении права и экономики, основополагающей области висконсинского институционализма. Студенческие годы Эли прошли в Гейдельберге, проявлявшийся интерес к области права и экономики связывался с его интересами в сфере труда, отраслей общественного пользования, регулирования и землепользования. Эли надеялся создать школу юриспруденции в Висконсинском университете для совмещения изучения экономики и права. Эти планы оказались бесплодны, однако Эли помог сформировать «Юридическое философское общество» в штате Висконсин, членами которого стали главный судья штата, два члена Верховного суда, а также члены профессорско-преподавательского состава экономического, философского и юридического подразделений университета⁶. Будучи поклонником «социологической юриспруденции» Роскоу Паунда, Эли

⁴ Письмо Эли Россу, 16 декабря 1902 (Архив Висконсинского университета: Ely Papers Box 23, Folder 4). Джон А. Гобсон посетил США в 1902/1903 гг. и преподавал в Висконсинском университете между январем и апрелем 1903 г.

⁵ Кинли стал президентом Иллинойского университета; Буллок – профессором экономики в Гарварде; Мейер до 1910 был членом экономического факультета Висконсинского университета, а затем членом Межштатной торговой комиссии; Тейлор стал профессором экономики сельского хозяйства и первым заведующим такой кафедры в Висконсинском университете, а затем перешел на работу в Министерство сельского хозяйства, где организовал бюро экономики сельского хозяйства; Хиббард был с 1914 по 1940 годы профессором и заведующим кафедрой экономики сельского хозяйства в Висконсинском университете; Янг стал широко уважаемым профессором экономики в Стэнфордском, Гарвардском и других университетах, а также в Лондонской школе экономики; Хэйни – историк мысли в области экономики и организации Университета штата Техас, а позже Нью-Йоркского университета; Лоренц являлся статистиком в Межштатской торговой комиссии и изобретателем кривой Лоренца.

⁶ Письмо Эли Роскоу Паунду, 9 июня 1915 (Архив Висконсинского университета, Ely Papers, Box 51, Folder 4). Факультет права был организован в Висконсинском университете в 1848. Он стал Колледжем права в 1889 и Школой права в 1909. Висконсинский университет стал известен своим подходом к правовому обучению, получившим название «закон в действии». Уолтер Кук (Walter W. Cook), который позже станет хорошо известным правовым реалистом в Колумбийском университете и Университете Джона Хопкинса, преподавал в Висконсинской школе прав с 1906 по 1910 годы. Другой правовой реалист Уильям Андерхил Мур также некоторое время был в штате Висконсинского университета, до того как перейти в Чикагский университет.

писал Паунду в 1916 году, что он надеется сделать свою работу в области права и экономики «венцом своей творческой жизни»⁷. Паунд указал Эли на работу Хохфельда (Hohfeld) из Йельского университета, но именно Коммонс, а не Эли, принял и использовал правовую терминологию Хохфельда⁸.

Политика властей в штате Висконсин также внесла свой вклад в развитие институционализма благодаря тесной связи между университетом и висконсинскими законодателями, связи, которая получила название «Висконсинской идеи» [41]. Прогрессивные политики, в том числе Роберт М. ЛаФоллетт, искали совета у университета и его преподавателей и призвали их принять участие в работе региональных комитетов и комиссий. Основанная в 1901 году и возглавляемая Чарльзом Маккарти, Библиотека законодательного собрания штата Висконсин служила местом встречи между этими политиками-идеалистами и преподавателями. Маккарти также преподавал на факультете политических наук [41, р. 254]. Маккарти восхищался реформистской экономикой раннего Эли, однако Эли никогда не был глубоко вовлечен в висконсинскую прогрессивную законодательную программу [49].

Вскоре после прибытия Коммонса в Висконсин его фигура начала затмевать Эли на факультете; именно Коммонс и его ученики, а не Эли, превратили экономический факультет Висконсинского университета в институционалистский факультет⁹. Эли привлек Коммонса к работе над историей труда в США, большому проекту, осуществляемому «Американским бюро промышленных исследований», который был основан Эли и финансировался за счет частных пожертвований. Этот проект оказался в центре горячей дискуссии между Эли и Коммонсом относительно участия Института Карнеги¹⁰, который создал свой собственный проект по истории труда, управляемый Кэрроллом Д. Райтом. После смерти Райта в 1909 Карнеги хотел привлечь Коммонса в качестве руководителя проекта, что породило ожесточенные споры по поводу разделения ролей, выполняемых работ и вознаграждений между бюро, созданным Эли, и Институтом Карнеги. На титульных листах появившихся в 1910–1911 годах отчетов по первой части проекта под названием «Документальная история американского индустриального общества» было указано: «Подготовлен под эгидой Американского бюро промышленных исследований, в сотрудничестве с Институтом Карнеги в Вашингтоне». Отчеты по второй части проекта, под названием «История труда в Соединенных Штатах», появились в 1918 году (тома 1 и 2) и в 1935 (тома 3 и 4) году. При этом первые два тома финансировались Карнеги, а последние два – Генри У. Фарнэмом¹¹ и Висконсинским университетом.

Коммонс также участвовал лично вместе со своими студентами в опросе, проводимом в Питтсбурге и финансируемом фондом Рассэла Сейджа¹². Этот уровень внешнего финансирования был очень необычен для экономических исследований в области экономики до 1920-х годов, и именно Эли смог первоначально найти внешнее финансирование, однако Коммонс продвинулся в этом отношении гораздо дальше. Крупные суммы, полученные на эти проекты, позволили Коммонсу привлечь к участию в них студентов в таком масштабе, который был совершенно уникальным в американских экономических исследованиях того времени (см. Приложение 2). Средства фонда Карнеги также позволили Коммонсу утвердить свою независимость от Эли.

Коммонс имел также более тесные связи с прогрессивной политикой Висконсина, чем Эли. Коммонс помог разработать Закон о гражданской службе 1906 года и Закон 1907 года об Отраслях общественного пользования. Он активно участвовал в разработке законодательства о компенсационных выплатах рабочим в случае несчастных случаев на производстве, помог основать Промышленную комиссию штата Висконсин (членом которой он стал), а также разработал

⁷ Письмо Эли Роскоу Паунду, 3 апреля 1916 года (Архив Висконсинского университета Ely Papers, Box 53, Folder 6).

⁸ Существует тесная связь между реалистическим движением в праве и институциональной экономикой, в которую были вовлечены не только Коммонс и Висконсинский университет, но и Ултон Гамильтон вместе с Робертом Хейлем из Колумбийского университета. Этот вопрос обсуждается в [53, 52, 54]. Коммонс был приглашен читать лекции в Йельскую школу права на летний семестр в 1926 (Письмо Коммонса Льюеллину (Llewellyn) 15 ноября 1925 (Архив Висконсинского университета, Commons Papers, Box 13, Folder 1). Уолтон Гамильтон поступил на работу в Йельскую школу права в 1928.

⁹ И это несмотря на проблемы со здоровьем и семьей [14].

¹⁰ Архив Висконсинского университета, Commons Papers, Box 1, Folders 5 and 6.

¹¹ Генри Фарнэм из Йельского университета был ведущей фигурой в отделе экономики и социологии Института Карнеги. Этот отдел был ликвидирован в 1916 г., а его средства были переданы тем, кто был с ним связан и которые получили название «группа сотрудников». Дополнительные средства были переданы этой группе еще до публикации первого тома отчета, а группа была переименована в Совет по исследованию американской экономической истории.

¹² Этими студентами были Уильям Лэзерсон и Джон А. Финч. Финч был автором известной книги, отражающей его исследование положения рабочих сталелитейной промышленности [25].

законопроект по компенсационным выплатам по безработице¹³ [15]. При подготовке законодательства Коммонс работал с Маккарти и его сотрудниками, с преподавателями Школы права, с Американской ассоциацией трудового законодательства (среди ее основателей в 1906 г. были Эли и Коммонс) и со своими студентами¹⁴. Коммонс и Маккарти были ключевыми игроками в работе Промышленной комиссии США в период между 1913 и 1915 годами. Коммонс был ее уполномоченным, а Маккарти служил директором по исследованиям и наблюдал за работой персонала, включавшего большое количество студентов, многие из которых были студентами Коммонса (см. Приложение 2)¹⁵. Возможность проводить «исследования действием» (*action research*) привлекала студентов к Коммонсу [50, p. 9]. Напротив, многие студенты Коммонса считали, что Эли стал консервативным стариканом¹⁶.

Неудивительно, что Коммонс быстро стал центром для аспирантских исследований в области экономики в Висконсинском университете. В качестве президента Американской экономической ассоциации 1917 года он, действительно, зарекомендовал себя как один из ведущих американских специалистов в области экономики труда. Именно Коммонс со своим легионом учеников преобразовал экономический факультет. К 1918 году Эли перестал преподавать основные курсы, в то время как Коммонс начал читать основной курс по ценности и оценке – годовой курс, отражающий работу Коммонса в области права и экономики, а также его позицию относительно «разумной ценности». Отпечатанный вариант рукописи Коммонса «Разумная ценность»¹⁷ позже стала частью его книги «Институциональная экономика» [12]. Студент Коммонса Селиг Перлман (Perlman) начал работать на факультете в качестве преподавателя в 1917 году, затем к нему присоединились Мартин Глэзер (Glaeser), Дон Лекойе (Lescoghier) и Эдвин Витте (в качестве лектора 1922 до 1933 года, когда он заменял Коммонса), а в 1926 и 1927 годах – и другие бывшие студенты Коммонса: Гарольд Гровс, Пол Раушенбуш, Элизабет Брандейс (Brandeis) и Уолтер Мортон (Morton). К концу 1920-х годов на экономическом факультете Висконсинского университета работали преимущественно преподаватели, получившие образование на этом же факультете, большей частью подготовленные Коммонсом. Напротив, Эли в значительной степени вышел из жизни факультета. Его преподавательская практика и исследования все в большей степени были направлены на экономику землепользования. В 1920 году он основал Институт научных исследований в области землепользования и экономики отраслей общественного пользования. После некоторых финансовых споров с университетом, в 1925 году, в возрасте 71 года, он переехал сам и перевел свой институт в Северо-Западный университет.

Коммонс преобразовал преподавание и исследования в области экономики в Висконсинском университете. По его настоянию Университет создал школу для рабочих в рамках подразделения университета по консультированию и повышению квалификации. Коммонс служил советником в этой школе, в которой преподавало определенное количество его студентов. В рамках университета с 1927 г. по 1932 г. действовал Экспериментальный колледж, во главе с философом Александром Мейкелджоном (Meikeljohn), который до 1923 г. был президентом Амхерст-колледжа. Программа в Амхерст-колледже была по своему характеру междисциплинарной и институционалистской; в рамках этой программы Уолтон Гамильтон преподавал экономику, Кларенс Айрес – экономику и философию, а Джон Гаус – политологию. Предоставляя двухгодичную программу с углубленным изучением греческой цивилизации в первый год и американской цивилизации – во второй год, Экспериментальный колледж Мейкелджона вызывал большую полемику в университете. Пол Раушенбуш преподавал и в колледже, и на экономическом факультете¹⁸.

¹³ The Huber bill of 1921.

¹⁴ Пол Раушенбуш свидетельствует, что несмотря на его ключевые идеи относительно законодательства, Коммонса нельзя было назвать хорошим составителем законодательных проектов [50, p. 69]. Кроме Коммонса в деятельность по написанию проектов законов были вовлечены Эдвин Витте (Edwin Witte), Гарольд Гровс (Harold Groves), Пол Раушенбуш (Paul Raushenbush), Элизабет Брандейс Раушенбуш (Elizabeth Brandeis Raushenbush) и Джон Эндрюс (John Andrews).

¹⁵ В дополнение к студентам Коммонса, перечисленным в Приложении 2, Маккарти также использовал молодых экономистов, специализирующихся в области экономики труда. Списки исследователей и выполненных ими работ могут быть найдены в архиве Висконсинского университета (Charles McCarthy Papers Box 8, Folder 6, and Box 24, Folder 13). Маккарти и Фрэнк Уолш, возглавлявший Комиссию, имели разные мнения относительно ее бюджета, а также того, на чем следует сделать акцент, на слушаниях с участием Джона Д. Рокфеллера, как считал Уолш, или на исследованиях. Уолш уволил Маккарти, и Лезерсон (Leiser-son) подал в отставку. Коммонс и уполномоченный Б.Дж. Гарриман написали по этому поводу особый доклад [32, p. 131–159].

¹⁶ Архив Висконсинского университета: Saposs Papers, Box 1, Folder 1.

¹⁷ Архив Висконсинского университета: R. Commons, 'Reasonable Value.' Отпечатанная рукопись, 1925, John R. Commons Papers, Wisconsin Historical Society, Box 13, Folder 1.

¹⁸ Кларенс Айрес и Моррис Коупелэнд посетили Мейкелджона в Висконсине и преподавали в Колледже на протяжении 1928 и 1929 годов, но их контакты с Экономическим факультетом были ограничены. В это время Айрес был философом, а не экономистом. Коупелэнд имел контакты с Коммонсом и Университете Брукинса и в Висконсинском университете. Джон Гаус стал работать на факультете политологии Висконсинского университета.

Гамильтон перешел из Амхерста в Высшую школу Роберта Брукинкса в Вашингтоне [53]. Школа была тесно связана с Институтом экономики, возглавляемым Гарольдом Моултоном (Moulton). Гамильтон создал Школу Брукинкса как центр институциональной экономики. Его ученики изучали книгу Коммонса «Правовые основания капитализма» (1924), и когда Коммонс в течение шести месяцев пробыл в 1928 г. в Вашингтоне, работая над денежной стабилизацией и проектом закона, нацеленного на стабилизацию покупательной способности денег (Strong bill), он преподавал в Высшей школе Брукинкса. Несколько студентов Висконсинского университета, в том числе Уолтер Мортон, Элси Глюк (Gluck) и Пол Раушенбуш, провели определенное время в Школе Брукинкса [53]. В Школе Брукинкса в 1926–1927 годах также преподавал висконсинский философ Макс Отто. Получив в 1911 году ученую степень по философии в Висконсинском университете и преподавая там до 1947 года, Отто был важным представителем философии американского прагматизма и близким другом Джона Дьюи¹⁹.

Висконсинские экономисты также поддерживали тесные связи с Уэсли Митчеллом и Национальным бюро экономических исследований (NBER). Как президент Американской экономической ассоциации (АЕА), Коммонс принимал участие в некоторых ранних дискуссиях о создании Национального бюро экономических исследований; позднее он вошел в состав совета в качестве представителя от штата Висконсин. Висконсинские выпускники, такие как Уиллфорд Кинг (King) и Гарри Джером (Jerome)²⁰, были научными сотрудниками бюро, Кинг занимался оценкой национального дохода, а Джером – трудовой миграцией и деловыми циклами. Будучи сотрудником Висконсинского университета, Джером преподавал там статистику до своей смерти в 1938 году. Со своей стороны, Митчелл хвалил работы Коммонса, называя его книгу «Правовые основания капитализма» важным вкладом в институциональную экономику [45].

Программа Висконсинского университета по экономике

Имеется список экономических курсов, которые читались в Висконсинском университете в 1928/29 учебном году [37, р. 40–42], и более подробный список на 1927/28 учебный год в бумагах Мартина Глэзера²¹. Полный набор преподавателей-институционалистов факультета, а именно, Коммонс, Перлман, Раушенбуш, Глэзер, Гровз, Мортон, Витте, Брандейс, Лэкойе и Джером, а также Росс в сфере социологии, – все преподавали в 1927/28 либо в 1928/29 учебных годах; в дальнейшем я сосредоточусь на программе по экономике, в том виде, в котором она существовала в конце 1920-х годов.

Описание курсов для 1927/28 и 1928/29 учебных годов дается в 11 разделах: экономическая теория, экономика сельского хозяйства, бухгалтерский учет, управление бизнесом, финансы, страхование, труд, экономика землепользования (land economics), экономика отраслей общественного пользования (public utilities), социология и статистика. В рамках бакалавриата студенты экономического факультета могли специализироваться также и на социологии. Курсы бакалавриата включали стандартный вводный курс и курс «Экономика потребления», в котором делался акцент на распределении доходов, методах продаж, конфликтах интересов между потребителем и производителем, процессе потребления, уровне жизни, роли правительства и потребительском кооперативном движении. Сам Коммонс читал курс по общественной ценности (также открытый и для студентов магистратуры), основанный «прежде всего на изучении документов судебных дел, которое подразумевало связь права, экономики и психологии». В 1928/29 учебном году Пол Раушенбуш читал курс «Экономические институты», посвященный «социальному контролю бизнеса» [50, р. 4]. В частности, курсы для студентов магистратуры включали курс истории экономической дисциплины, предлагаемый Скоттом, и курс «Ценность и оценивание», предлагаемый Коммонсом, который описывался как продвинутый исследовательский курс «в области соотношения права и экономики, поднимающий различные темы и ссылающийся на авторов различных лет, покрывающий в целом развитие экономической и правовой теории и связанный с современными фазами коллективных действий». В этом курсе Коммонс развивает свои теории права и экономики, кульминацией которых является его

¹⁹ В 1912 г. была предпринята попытка увольнения Отто из Висконсинского университета как «врага религии». Отто был приверженцем унитарной церкви и пытался дать нетеистическое основание морального действия. Президент университета Ван Хайз защитил Отто. Позже в 1932 г. атаки на Отто еще больше возросли. Кеннет Парсонс (один из коллег Коммонса) сделал несколько интересных комментариев, указывающих на размах, с которым философия Дьюи преподавалась Отто и другими философами в Висконсинском университете (Kenneth H. Parsons, interview, 1976, University of Wisconsin Archives, Oral History Project).

²⁰ Кинг получил свою докторскую степень в 1912 г., но Лэмпман не сообщает, кто был его руководителем. Джером защитил диссертацию в 1918 г. в Висконсинском университете под руководством Эли.

²¹ Экономический факультет. Описание курсов, Martin Glaeser Papers, Box 2, Folder 22.

теория разумной ценности (*reasonable value*). Мартин Глэзер также читал для студентов магистратуры курс под названием «Экономические институты», в котором «рассматривался институциональный подход к экономике и его отличие от других подходов», а также изучались такие экономические институты, как «собственность и договор с акцентом на их правовую основу». В 1930-е годы в список литературы по этому курсу были включены книги «Институциональная экономика» Коммонса, а также «Современная корпорация и частная собственность» Берли и Минса [12, 4].

В рамках специализации в области аграрной экономики, также подразумевавшей акцентирование роли социальных институтов, читались курсы по сельской жизни, бухгалтерскому учету фермы, сельскохозяйственному маркетингу и социальным движениям фермеров, а также проводился семинар для студентов магистратуры по сельской социальной организации. Хиббард (Hibbard) читал продвинутый курс по сельскохозяйственной экономике. Раздел по экономике землепользования включал два курса, читаемых Хиббардом: курс «Очерки по экономике землепользования» (*Outlines of Land Economics*) и курс магистерского уровня «Проблемы земли» (преподавался Джорджем Вервайном (Wehrwein), получившим докторскую степень в Висконсинском университете в 1922). Раздел о финансах включал курсы по налогообложению и государственным финансам, которые читались Гарольдом Гровсом, и курс Уолтера Мортонса «Риск и отношение к риску» (*Risk and Risk Bearing*), включавший в числе прочих тему делового цикла как фактора неопределенности и тему «Критика ценовой системы». Гровс читал магистерский курс по государственным финансам, и его подход к государственным финансам был явно институционалистским²².

В висконсинской программе обучения имеется десять совершенно замечательных курсов по труду, которые читались Коммонсом, Перлманом, Витте, Брандейс и Лэкойе. Курс «Эволюция индустриального общества» Перлмана рассматривал «основные теории эволюции промышленного общества» начиная с дворянской системы имений до «капитализма благосостояния». Курс «Проблемы труда» Перлмана обращался к «психологии профсоюзов и капитализма, научному управлению и профсоюзному контролю занятости, профсоюзам и ассоциациям работодателей» и типам «промышленного правительства». Курс «Трудовое законодательство» Витте и Брандейса уделял основное внимание «действиям правительства по отношению к труду», законодательству, направленному на защиту работающих и его конституционность, заключению коллективных договоров и его правовому статусу, а также работе Висконсинской промышленной комиссии. Студенты Брандейс присутствовали на слушаниях и законодательных сессиях и следили за процессами разработки и принятия законов, касающихся трудовых вопросов [50, р. 15]. В рамках курса «Заработная плата и цены» Лэкойе исследовались тренды в американской заработной плате начиная с 1840 года, обсуждались теории заработной платы, различия в заработной плате, законодательство о минимальной заработной плате, правила по учету состава семьи при назначении заработной платы, вопросы влияния технологий на заработную плату, а также осуществлялся критический анализ статистики заработной платы и ее источников. Курс «Капитализм и социализм» Коммонса давал историческое и интерпретативное представление о развитии экономической и политической философий и связанных с ними организованных движений. Другие курсы Перлмана – «История американского рабочего движения» и «Иностранные рабочие движения» – отражали содержание его книги «Теория профсоюзного движения» [48]. Лэкойе читал два других курса, основанных на его книге «Рынок труда» [39]: в рамках курса «Управление трудом» рассматривались «патологические» условия в промышленности того времени, а курс «Рынок труда» был посвящён обсуждению колебаний занятости и методам смягчения безработицы. Выпускной «Семинар по труду» (Коммонса, Перлмана и Лэкойе) был предназначен для студентов, работающих над своими диссертациями, и фокусировался на истории американского рабочего движения начиная с 1896 г. Трудно представить, чтобы какой-либо другой университет мог предложить столь обширную программу обучения в области экономики труда.

Раздел учебной программы, касающийся отраслей общественного пользования, включал курс Генри Трамбауэра (Trumbower) (получил в 1924 г. кандидатскую степень в Висконсинском университете, диссертация была подготовлена под руководством Скотта) по вопросам транспорта и железных дорог. Основные курсы по экономике и регулированию отраслей общественного пользования читались Глэзером и охватывали основы экономики отраслей общественного пользования и правовые основы их регулирования. Выпускной семинар по этим вопросам проводился совместно Трамбауэром и Глэзером.

²² См. [28].

Наконец, в разделе по статистике числились девять курсов, а по математике предлагалось три курса. Как упоминалось ранее, эта область была очень сильной в Висконсинском университете вплоть до смерти Джерома в 1938 году. Вводный (преимущественно для студентов бакалавриата) курс по экономической статистике касался имеющихся статистических данных и методов анализа (средние, дисперсии, выборки, вероятность, индексы, тренды, сезонные колебания, циклы деловой активности, бизнес-прогнозирование, а также корреляция). Курсы для магистратуры включали курс Джерома «Статистические методы», «Статистический анализ циклов деловой активности», «Продвинутый курс по статистическим методам», а также «Семинар по статистическим исследованиям» и курс под названием «Методы полевых исследований», который читал Лекойе. Благодаря курсу Джерома по бизнес-циклам, который основывался на книге Митчелла «Экономические циклы: проблема и ее решение» [46], студенты получали информацию о текущих исследованиях NBER по бизнес-циклам. В этом продвинутом курсе уделялось особое внимание индексам, выборкам, вероятности, анализу временных рядов, а также ПЛС-регрессии и множественной регрессии. Семинар предназначался для желающих работать над определенным набором задач (в 1927/28 учебном году в основном это касалось изменений в производительности и экономическом благосостоянии)²³ или для тех, кто работал над прикладными диссертациями с привлечением большого объема количественных данных. Курс Лекойе по полевым исследованиям (предназначенный для магистратуры и студентов старшего курса бакалавриата) описан как рассматривающий «два или три в настоящее время продумываемых полевых исследования» и разработку «детальных планов их проведения и используемых методов исследования».

Этот список курсов иллюстрирует силу институционализма на экономическом факультете Висконсинского университета. Хотя некоторые из преподавателей факультета не были институционалистами, большая часть профессорско-преподавательского состава и большая часть предлагаемых студентам курсов были, вне всякого сомнения, институционалистскими. Даже по сравнению с Колумбийским университетом, где был существенный институционалистский блок [52], институционализм доминировал на экономическом факультете Висконсинского университета. Во многом это произошло благодаря привлечению на преподавательскую работу собственных выпускников, и в особенности – бывших студентов Коммонса. Многие курсы, посвященные экономическим и правовым институтам, обширные курсы по труду и трудовому законодательству, отраслям общественного пользования и их регулированию, по количественным методам, а также тесная связь этих курсов с прогрессивной социальной реформой, – все это свидетельствует о развитии на экономическом факультете Висконсинского университета институционального подхода к экономике в той форме, в которой он был определен в то время: как эмпирический, ориентированный на институты и связанный с социальным контролем [29]. Неоклассическую теорию, напротив, преподавал только Кикхофер (Kiekhofer), имевший незначительное влияние на студентов. В Висконсинском университете не было ничего подобного чтению курсов о теории Якобом Винером в Чикагском университете или Фрэнком Тоссигом, Аллином Янгом, а затем и Йозефом Шумпетером – в Гарвардском университете. Этим отсутствием обширного обучения неоклассической теории Висконсинский университет выделялся среди других американских университетов того времени даже больше, чем Колумбийский университет.

Висконсинский институционализм имел некоторые свои собственные черты. Его особенностями были большой акцент на экономике труда и предметах, связанных с ней, таких как полевые исследования, а также влияние присущего Коммонсу юридически-экономического анализа. Например, в тексте Глэзера по экономике отраслей общественного пользования использованы работы Коммонса по праву и экономике, вопросам оценки, а также его терминология по действующим организациям (*going concerns*), **транзакциям и переговорам (*bargains*) относительно цен и заработной платы** [27].

Студенты Коммонса

Данные о студентах Коммонса и их дальнейшей карьере приведены в трех приложениях к этой статье. В списке студентов Коммонса выделены его собственные аспиранты и некоторое количество других студентов; еще большее их число посещали его курсы и становились участниками не-

²³ См. [68] о важности этой работы по производительности труда и ее связи с дебатами по технологической безработице, в которые были вовлечены Джером, Уиллфорд Кинг, Пол Дуглас, И.И. Дэй, Томас Вудлиф, Рексфорд Тагвэлл, Сликтер, Хансен и другие.

формального исследовательского семинара, проводимого Коммонсом у себя дома по вечерам каждой пятницы. В Висконсинском университете Коммонс руководил или соруководил и довел до защиты 46 аспирантов, более 40 процентов от общего числа всех аспирантов того периода. Из них 31 защитили свои диссертации в 1926 году или позже. Никто другой на факультете не мог сравниться с Коммонсом по количеству подготовленных под его руководством диссертаций [37, р. 43]²⁴.

Аспирантов Коммонса можно разделить на три группы. Аспиранты первой группы работали с Коммонсом и/или окончили аспирантуру с кандидатской степенью, или перешли куда-то еще до 1918 года. Практически все эти аспиранты писали диссертации по экономике труда. За этот период у Коммонса защитились девять аспирантов, но многие другие перешли в иные университеты. Во второй группе находились аспиранты, получившие кандидатские степени в период с 1918 года примерно до 1925 года. Это была относительно небольшая группа из шести аспирантов, которые работали в области экономики труда, бизнес-циклов и экономической истории. Последняя, и самая большая группа, состоящая из 31 аспиранта, закончила учебу в период между 1926 годом и выходом Коммонса на пенсию в 1933 году. Они работали по более разнообразной тематике, которая включала в себя экономику труда, право и экономику, изменения в производительности, а также тарифы.

К первой группе относятся первый выпускник Коммонса Гарри Миллис (Millis) и те, кто внес значительный вклад в отчет по проекту «Документальная история американского индустриального общества» или в первые два тома «Истории труда в Соединенных Штатах», а именно Уильям Лейзерсон (Leiserson), Дэвид Сапосс (Saposs), Хелен Л. Самнер (Sumner) (Вудбери (Woodbury)), Е.Б. Миттлмен (Mittleman), Х.Е. Хоглэнд (Hoagland), Джон Б. Эндрюс и Селиг Перлман (Perlman). Другими студентами, кто внес вклад в это исследование или в работу Комиссии США по промышленным отношениям, были Фрэнсис Берд (Bird), Фрэнк Карлтон (Carlton), Ира Кросс (Cross), Фредерик Дэйблер (Deibler), Эзикел Дауни (Downey), Джон Фитч (Fitch), Самнер Сликтер (Slichter) и Питер Спик (Speek).

Примечательно, что только три из основных участников подготовки «Документальной истории американского индустриального общества» или первых двух томов «Истории труда в Соединенных Штатах», а именно, Самнер, Эндрюс и Перлман, защитили свои кандидатские диссертации в Висконсинском университете. Лейзерсон перешел в Колумбийский университет, Миттлмен – в Чикагский университет, Хоглэнд – в Колумбийский университет. Ира Кросс оставил Висконсинский университет после получения магистерской степени и уехал в Стэнфорд, а Сликтер отправился в Чикаго. Сапосс остался в штате Висконсин и работал в течение нескольких лет ближайшим помощником Коммонса, вплоть до «увольнения» в 1917 году²⁵. Позже он работал над диссертацией в Колумбийском университете, но так и не получил учёной степени. Эта замечательная диаспора первого поколения студентов Коммонса требует некоторого объяснения. Сапосс утверждал, что Эли заблокировал окончание учебы некоторым студентам Коммонса из ревности к последнему²⁶. Он, в частности упоминает Эдварда Митлмэна и Самнера Сликтера. Однако могут быть и другие объяснения. Сликтер, возможно, уехал потому, что его отец стал деканом магистратуры в Висконсинском университете, а Лейзерсону Колумбийский университет предложил больше денег, чем мог себе позволить Висконсинский университет [23, р. 11–12]. Тем не менее, утверждение Сапосса, возможно, и верно, так как количество успешно закончивших свою учебу студентов Коммонса сразу подскочило после того, как Эли ушел из Висконсинского университета в 1925 году, и ни один из выдающихся студентов Коммонса не оставил Висконсинского университета в последующие годы.

Дальнейшие судьбы и достижения некоторых из этих студентов заслуживают краткого упоминания (Приложение 3 содержит некоторые сведения о других студентах). Первым студентом-выпускником Коммонса в Университете Индианы был Гарри Миллис, который защитил кандидатскую диссертацию в Чикаго и преподавал в Стэнфордском университете в период 1903–1912 гг., прежде чем вернуться в Чикагский университет в 1916 году. Миллис занимает видное место в области труда и трудовых отношений, а также в качестве академического сотрудника и посредника переговоров между рабочими и работодателями. Между 1934 и 1935 годами и вновь с 1940 по 1945

²⁴ По сравнению с современными аспирантскими программами полное количество защищенных за этот период диссертаций является не таким уж большим, однако в то время только Колумбийский университет имел значительно больше защит, а университеты рангом ниже, чем четыре лучших, имели защит совсем мало.

²⁵ Сапосс утверждал, что был уволен под давлением Эли и президента университета Вана Хайза, которые были недовольны его деятельностью, нацеленной на развитие студенческого самоуправления. (Архив Висконсинского университета: Saposs Papers, Box 1, Folder 1). С краткой биографией Сапосса можно ознакомиться в [33].

²⁶ Интервью с Сапоссом, Архив Висконсинского университета: Saposs Papers, Box 1, Folder 1.

годы Миллис был членом Национального совета по труду (NLRB), а в последний период занимал пост его председателя. Лейзерсон также был членом NLRB в период между 1939 и 1943 годами и имел отношение к назначению Миллиса [23, р. 11–12]. Коммонс отзывался о них как о «двух из его лучших парней»²⁷.

Первыми аспирантами Коммонса, защитившими свои диссертации в 1908 году, были Джон Б. Эндрюс и Елена Самнер (Вудбери). Эндрюс был центральной фигурой в Американской ассоциации по трудовому законодательству, которая была наиболее значимой организацией, лоббирующей реформу трудового законодательства в период между 1910 годом и Второй мировой войной [8, 9]. Елена Самнер (Вудбери) написала в соавторстве с Т.С. Адамсом широко используемый учебник «Проблемы труда» (1905), и далее писала по вопросам женского избирательного права, истории женского труда в промышленности и относительно промышленных судов в Европе. В 1913 году она поступила на работу в Детское бюро, став заместителем начальника, а затем главным исследователем, и много писала о детском труде и законодательстве о детском труде [40].

Другими аспирантами, защитившими диссертации в этот первый период, были Фредерик Дэйблер, Тереза МакМахон (McMahon), Иезекииль Дауни и Селиг Перлман. Дэйблер, МакМахон, и Перлман сделали академические карьеры. Дэйблер возглавлял экономический факультет Северо-Западного университета с 1916 до 1942 г. и занимался экономикой труда и посредничеством. Диссертация Терезы МакМахон была по социологии. Она работала с Россом, а также с Коммонсом, и ее кандидатская диссертация была опубликована в виде книги под названием «Женщины и экономическая эволюция» [42]. Она отстаивала принятие закона о минимальной заработной плате и восьмичасовом рабочем дне для женщин [22]. Она отправила одного из своих лучших студентов, Эвана Клейга (Clague) в Висконсинский университет для работы над его кандидатской диссертацией. После ее выхода на пенсию в 1937 г. Витте взял ее на работу в Консультативный совет по социальному обеспечению, где она поддерживала позиции Витте. Перлман остался в Висконсинском университете, став одним из ведущих экономистов-трудоустроителей и авторитетом в области как американского, так и европейского рабочих движений. Его классический труд по теории рабочего движения появился в 1928 году. Перлман был тесно связан с Висконсинской школой для рабочих, но, в отличие от большинства своих коллег, он не имел никакого отношения к законодательству для Нового курса [67]. Дауни сосредоточилась на вопросах компенсации в случае аварий на рабочем месте, в первую очередь для Комиссии по страхованию штата Пенсильвания, вплоть до своей ранней смерти в 1922²⁸.

Наиболее заметными из тех, кто покинул Висконсинский университет, были Ира Кросс, Уильям Лейзерсон, Дэвид Сапосс и Самнер Сликтер. Кросс защитил свою диссертацию в Стэнфордском университете, после чего переехал в 1914 году в Беркли, где стал профессором, а в 1919 г. — и заведующим кафедрой. Он много писал по вопросам труда, опубликовал в 1935 г. книгу «История рабочего движения в Калифорнии» и принимал активное участие в управлении занятостью, трудовых отношениях и трудовом воспитании. К его собственным студентам относились такие экономисты-трудоустроители, как Пол Тейлор (Taylor) (получил магистерскую степень в Висконсинском университете) и Кларк Керр (Kerr)²⁹. Лейзерсон для получения докторской степени перебрался в Колумбийский университет, сохранив очень тесные контакты с Висконсинским университетом. Некоторое короткое время он был заместителем директора по научной работе Висконсинской промышленной комиссии, работал под руководством Маккарти в Комиссии США по трудовым отношениям, а также занимал преподавательские должности на кафедрах Университета Толедо, а затем в Колледже Антиох (1926–1933). Будучи профессором в Колледже Антиох, Лейзерсон в то же время был председателем комиссии штата Огайо по страхованию на случай безработицы и разработал «План Огайо» о компенсационных выплатах по безработице, который, по иронии судьбы, стал главным конкурентом «Висконсинского плана». Но основные его достижения лежали в его деятельности как посредника в области разрешения трудовых конфликтов, в качестве председателя Совета по урегулированию трудовых конфликтов в швейной промышленности Рочестера (1919–1926), Национального совета труда (1933–1934), Национального посреднического совета (1934–1939 и 1943–1944) и Национального совета по трудовым отношениям (1939–1943). После ухода со службы у Коммонса Дэвид Сапосс работал в качестве исследователя, в том числе в Межцерковном всемирном движении расследования споров относительно забастовки сталелитейщиков в 1919 году. Он преподавал в Бруквудском про-

²⁷ Архив Висконсинского университета: письмо Коммонса Лейзерсону, 15 ноября 1940 (Leiserson Papers, Box 9).

²⁸ См. [22].

²⁹ Ira B. Cross, отпечатанное интервью, хранится в специальной коллекции Вашингтонского университета.

фсоюзном колледже с 1922 по 1933 год, а также читал курсы по экономике и истории рабочего движения в Колумбийском университете в период между 1924 и 1926 годами. Его исследования фокусировались на радикальных рабочих движениях и рабочем движении во Франции [57, 58]. В период между 1935 и 1940 годами он был главным экономистом и главой исследовательского подразделения Национального совета по труду (NLRB). В 1940 году Сапосс был обвинен в том, что разделяет коммунистические идеи, и его бюро упразднили. Затем он работал в качестве исследователя в различных частных и государственных организациях. Сликтер защитил диссертацию в Чикагском университете в 1918 году и продолжил успешную академическую карьеру по экономике труда и трудовым отношениям в Корнельском университете (где он был коллегой Морриса Копелэнда (Copeland)) и в Гарвардском университете (куда к нему перешел Элвин Хансен (Hansen) в 1937 году). Он внес свой вклад в сборник статей «Тенденции в экономической дисциплине», изданный под редакцией Тагуэла (Tugwell) [63], и поддерживал увеличивающийся в то время «социальный контроль» и правительственное вмешательство в экономику [61]. Он также был ранним (еще до Кейнса) сторонником дефицита правительственных расходов во время рецессий [38].

Самыми известными из второй группы студентов являются Элвин Хансен, Дон Лекойе и Кальвин Гувер (Hoover). Можно было бы также упомянуть здесь Мартина Глэзера, хотя он получил кандидатскую степень в Гарвардском университете, потому что находился в Висконсинском университете как до, так и после своей защиты в 1925 году. Все они построили выдающуюся академическую карьеру, Хансен – в Миннесотском и Гарвардском университетах, Лекойе и Глэзер – в Висконсинском университете, а Гувер – в Университете Дьюка. В этот период Коммонс занимался монетарной экономикой и вопросами стабилизации и имел студентов, работающих по теме деловых циклов. После защиты Хансеном диссертации «Циклы процветания и депрессии, 1902–1908» последовали работы, посвященные безработице и деловым циклам, в которых он отошел от мнения своих учителей, что позже нашло отражение в широко почитаемой книге «Теория делового цикла» [31]. Последующая разработка Хансеном положений о стагнации и его принятие кейнсианских идей слишком хорошо задокументированы, чтобы говорить об этом здесь [3, 44, 38], но стоит подчеркнуть, что его версия кейнсианской экономики была очень близка висконсинскому стилю программы социальных реформ. Для Хансена «программа полной занятости» требовала «всеобъемлющей системы социального обеспечения» и адекватных общественных услуг³⁰.

Лекойе преподавал экономику труда в Висконсинском университете в течение многих лет, где подготовил свою наиболее известную книгу «Рынок труда» [39], которая во многом является американским эквивалентом книги Уильяма Бевериджа по безработице [5] с ее акцентом на виды и причины безработицы, текучесть кадров и неэффективность рынка труда. Кандидатская диссертация Гувера «Капитал и контракт в Генуе XII века» была выполнена по теме институциональной экономической истории. В Университете Дьюка он изучал экономику стран Европы и Советской России. В 1933 году он стал советником Министерства сельского хозяйства, а после Второй мировой войны принимал участие в осуществлении плана Маршалла. Глэзер направлял свои усилия на область экономики отраслей общественного потребления. Он прослушал несколько раз курс Коммонса по ценности и оцениванию и использовал концепции Коммонса в своей работе по экономике отраслей общественного потребления [27]. В период проведения политики Нового курса Глэзер работал в Управлении Теннессийской долины (Tennessee Valley Authority – TVA).

Как отмечалось выше, количество студентов, защитившихся под руководством Коммонса, подскочило после 1925 года. В период между 1926 и 1933 годами успешно защитил диссертации 31 аспирант Коммонса, слишком много, чтобы обсудить их всех в деталях. Дальнейших комментариев в статье будут удостоены только те, кто наиболее активно участвовал в разработке вопросов компенсации по безработице и социальному обеспечению: Гарольд Гровс, Элизабет Брандейс, Пол Раушенбуш, Е.Е. Витте и Артур Альтмейер (Altmeyer). Некоторое внимание также будет уделено Эдуарду Мурхаузу (Morehouse) и Анне Мэй Кэмпбелл Дэвис (Campbell Davis).

Гарольд Гровс, Элизабет Брандейс и Пол Раушенбуш занимали центральное место в разработке и окончательном принятии в 1932 г. закона штата Висконсин относительно пособий по безработице. Гровс и Брандейс писали диссертации по экономике труда; Раушенбуш тоже

³⁰ Архив Висконсинского университета: 'A Full Employment Program, 'Hansen Papers, Research Notes, Box 2. Глубокое уважение Хансена по отношению к Коммонсу можно увидеть в его заметках подготовленных к 70-летию Коммонса в 1932 ('The Contributions of Professor John R. Commons to American Economics,' Hansen Papers, Research Notes, Box 2).

работал над диссертацией, но так и не смог ее завершить. Гровс и Брандейс работали преподавателями в Висконсинском университете³¹, в то время как Раушенбуш помогал управлять системой пособий по безработице штата Висконсин. Гровс был избран в законодательный орган штата Висконсин в 1930 году, а в 1931 году представил законопроект относительно пособий по безработице, который был разработан с помощью Эдвина Витте. Пересмотренный вариант законопроекта, разработанный Гровсом, Брандейс и Раушенбушем (с помощью Артура Альтмейера), был представлен в 1932 году. Для того, чтобы каждая компания была ответственна за своих собственных безработных, законопроект Гровса предусматривал создание специального резерва работодателя, вкладывали средства в который только работодатели. Когда он был принят, то он стал первым законом о пособиях по безработице в Соединенных Штатах³².

Раушенбуш также активно участвовал в подготовке в 1934 году законопроекта Вагнера-Льюиса, направленного на поощрение принятия штатами своих законов о пособиях по безработице, через предоставление налоговых льгот, предложенных судьей Брандейсом [50, р. 193–77]. Работа над этим законопроектом была приостановлена в 1934 году в пользу работы над более широким законопроектом по социальному обеспечению. Эта работа в 1934 году была поручена Витте, которого назначили исполнительным директором и секретарем Комитета по экономической безопасности.

Витте был студентом и аспирантом Висконсинского университета, в то же время, что и Дэвид Сапосс, и знал всех тех, кто участвовал в ранней работе Коммонса по истории труда. История была его основным курсом в бакалавриате, и он был прикреплен к Коммонсу, который преподавал экономику труда. Будучи аспирантом Коммонса, Витте работал в Висконсинской промышленной комиссии, Комиссии США по трудовым отношениям, а затем с 1922 – в должности начальника Висконсинской библиотеки по законодательству, сменив на этом посту Чарльза Маккарти. Эта работа в библиотеке по законодательству вовлекла его в широкий круг вопросов, в том числе о компенсационных выплатах в связи с несчастными случаями в промышленности, рассматриваемыми Промышленной комиссией, а также о минимальной заработной плате, пенсиях и страховании по безработице. Его собственные исследования о применении судебных предписаний в трудовых спорах нашли отражение в диссертации, которую он защитил в 1927 году³³. Витте вскоре присоединился к Феликсу Франкфуртеру (Frankfurter) и Герману Олифанту (Oliphant) (соответственно из Гарвардской и Колумбийской школ права), в процессе разработки в 1932 году закона Норриса-ЛаГардиа, ограничивавшего использование договоров о найме, включающих обязательства не состоять в профсоюзе, а также практику судебных предписаний. В Висконсинском университете Витте читал лекции по экономике, политологии, социологии и праву, но стал постоянным преподавателем по экономике только после отставки Коммонса в 1933 году. Его основным вкладом в программу обучения в Висконсинском университете стал собственный курс, посвященный роли правительства в экономике [55, 56, 64].

Витте часто рассматривается как «отец» Закона о социальном обеспечении 1935 года [11, 59, 66]. Другие выпускники Висконсинского университета были также вовлечены в подготовку законопроекта, в частности, Артур Альтмейер и собственный студент Витте Уилбур Коэн (Cohen). Диссертация Альтмейера, которую он защитил в 1931 году, была посвящена изучению Висконсинской промышленной комиссии, где он служил в качестве ее секретаря в период с 1922 по 1933 год. В 1933 году он стал начальником одного из отделов Национальной администрации восстановления (NRA), затем – вторым помощником министра труда, а после этого – и председателем технического совета Комитета по экономической безопасности. После принятия Закона о со-

³¹ Брандейс была преподавателем-почасовиком и оставалась в ранге лектора до 1962 г. Позже она читала свой курс американской экономической истории. Ее первое знакомство с экономической историей имело место в Рэдклиффском университете, где, как студентка бакалавриата, она прослушала курс Эдвина Гэя. Прежде чем стать аспиранткой в Висконсине, она работала в Совете округа Колумбия по минимальной заработной плате, но закон округа Колумбия по минимальной заработной плате был объявлен в 1923 год неконституционным. Сначала она поступила в Висконсинский университет, чтобы изучать право, и познакомилась, посещая этот курс, со своим будущим мужем Полом Раушенбушем.

³² Подход Закона о пособии по безработице, который разработал Гровс, отнюдь не был всеми принят. Даже в кругу выпускников Висконсинского университета были сторонники различных подходов. Уильям Лейзерсон («Огайо план») и Джон Б. Эндрюс из Американской ассоциации трудового законодательства («Американский план») имели разные модели законов. В самом Висконсинском университете различия по этому вопросу приводили к постоянным спорам между Вальтером Муртоном, с одной стороны, и Гарольдом Гровсом и Элизабет Брандейс – с другой (Walter Morton, интервью, 1978, University of Wisconsin, Archives, Oral History Project - Архивы проекта устной истории). Вне штата Висконсин, Пол Дуглас и Эвелин Бернс предложили схемы по европейскому образцу, соответствующие резервы формировались с участием работодателей, работников и государства. Даже Витте, который детально изучал британскую систему во время своего туда визита в 1931 году, имел сомнения по поводу висконсинской схемы [59, р. 87–92; 60].

³³ Значительно переработанная версия этой диссертации была опубликована в 1932 как книга [64].

циальном обеспечении он служил в течение многих лет в качестве члена, а затем председателя Совета по социальному обеспечению [2]. Ряд других студентов Коммонса также работали по теме социального обеспечения, в том числе Эван Клейг, который стал в 1946 году уполномоченным по трудовой статистике.

Два студента выделяются своими работами, развивающими академические аспекты работы Коммонса по праву и экономике: Эдвард Мурхауз и Анна Мэй Кэмпбелл Дэвис. Ни у одного из них не сложилось долгой академической карьеры. Кэмпбелл Дэвис завершила диссертацию в 1927 году по теме «Право и экономика в товарных сделках», которая касалась маркетинговой практики и судебных решений. Перед завершением своей диссертации она приняла участие в семинаре по юриспруденции, который проводился известным правовым реалистом В.В. Куком из Университета Джонса Гопкинса³⁴. Мурхауз писал свою диссертацию на тему нормотворчества в рочестерской швейной промышленности, в то время, когда Лейзерсон занимал пост председателя Совета трудового регулирования. Часть этих исследований была опубликована в статьях, которые соответствовали идеям Коммонса о нормотворческой функции квазисудебных органов [47, 17]. Между Мурхаузом, Коммонсом и Карлом Ллевеллином (Llewellyn) из Йельской школы права также осуществлялась активная переписка о юридически-экономических рамках, развиваемых Коммонсом, в частности, концепции обычая³⁵.

В 1925 году Мурхауз переехал к Эли в Северо-Западный университет³⁶, где он работал научным сотрудником в институте Эли, а также доцентом и редактором журнала «Земля и экономика отраслей общественного потребления». Около 1927 года он и Кэмпбелл Дэвис подготовили наброски для книги материалов для преподавания курса «волевой экономики»; оба собирали и представляли описания всех судебных разбирательств, упоминаемых в книге Коммонса «Правовые основания капитализма» и в рукописи «Разумная ценность», а также дополнительные материалы. До сих пор, насколько я знаю, эта книга с описаниями конкретных случаев так и не была завершена и опубликована. Эти наброски для книги материалов содержали списки конкретных ситуаций, собранных в главах под такими названиями: «Изменения в значении слов» с разделами по собственности, свободе, а также физической, экономической и моральной власти; «Действующие организации»; «Сделки»; «Торги относительно ренты»; «Торги относительно цены»; «Торги относительно кредита»; «Торги относительно заработной платы», в том числе разделы, посвященные уставным правилам, административным правилам и внесудебным правилам переговоров по заработной плате; «Торги относительно налогов»; и «Стабилизация», в том числе разделы, посвященные общественной цели, справедливой и несправедливой конкуренции, дискриминации и вымогательству, а также разумной ценности³⁷.

В 1931 году Эли ушел из института; сам институт перестал функционировать в следующем году, когда он переехал в Нью-Йорк. Но после обсуждения получения должности по преподаванию курсов по торговле в Висконсинском университете Мурхауз оставил академический мир, чтобы принять должность главного экономиста и директора научно-исследовательского отдела Комиссии общественных служб штата Висконсин. Дэвис также оставила академическую работу, прежде чем она смогла развить идеи Коммонса по праву и экономике. Она получила в 1932 году пост-докторскую стипендию от Совета по исследованиям в области социальных наук (SSRC) для годового обучения в Англии, где она прослушала курсы по судам общего права и капитализму в Англии до 1700 года. Она покинула академический мир в 1933 году и стала заниматься юридической практикой в городе Мэдисон, специализируясь на трудовом праве и на судебных разбирательствах, касающихся гражданских свобод.

Что случилось с висконсинским институционализмом?

Немногие, если вообще таковые имеются, американские профессора экономики, в период, когда Коммонс работал в Висконсинском университете, имели столько аспирантов, как он, или имели студентов, которые оказали такое большое влияние на законодательство и государственную политику. Так что же случилось с висконсинским институционализмом, почему он впал в немилость?

³⁴ Архив Висконсинского университета: Campbell to Commons, 31 October 1926, Commons Papers, Box 3, Folder 6.

³⁵ Архив Висконсинского университета: Commons Papers, Box 3, Folder 5; Morehouse Papers, Box 1, Folder 2.

³⁶ Мурхауз женился на дочери Ричарда Т. Эли.

³⁷ Архив Висконсинского университета: Morehouse Papers, 'Materials for the Study and Teaching of Volitional Economics,' December 1927, Box 1, Folder 2.

Настоящая статья открывается этим вопросом об уменьшении роли институционализма и гипотезы, что оно связано с относительно низкой степенью воспроизводства среди выпускников Висконсинского университета. Однако его выпускники участвовали в значительной степени в разработке вопросов политики, и Коммонс воодушевлял своих студентов получать практический опыт. Однако несмотря на это, в рассматриваемый период, вплоть до выхода Коммонса на пенсию в 1933 году, большое количество аспирантов Коммонса сумели сделать академическую карьеру. Многие из них, в свою очередь, руководили аспирантами, и некоторые из них имели даже больше аспирантов, чем сам Коммонс. В книге Лэмпмена указывается, что у Витте защитилось к 1960 году 54 аспиранта, у Гровса – 48, у Перлмана – 46, у Глэзера – 27 и у Мортонса – 26 [37]. Карьеры студентов Коммонса (их список включает не только висконсинских студентов, но также Миллисс, Кросса, Гувера, Сликтера и Хансена) отличаются от карьер выпускников экономистов Бругинской высшей школы, и вероятно, выпускников других основных учебных заведений, где имелись аспирантуры по экономике. Одним из основных отличий аспирантуры Висконсинского университета от аспирантур других учреждений было то, что многие из ее выпускников были приняты на работу либо в сам Висконсинский университет, либо в такие университеты, как Гарвардский, Калифорнийский в Беркли и Северо-Западный. Это может означать, что выпускники Висконсинского университета не очень-то ценились к востоку от Гарварда. Но висконсинская привычка нанимать своих собственных выпускников перестала в последующие годы пользоваться популярностью, и университетские администраторы отказались от этой практики уже в середине 1930-х годов.

Глядя на Приложение 3, где отражено, в какие университеты бывшие студенты Коммонса поступили на работу, нужно учитывать, что Депрессия резко сократила наём во всех университетах, и на самом деле масштаб найма в университеты фактически восстановился только после Второй мировой войны. В то же время, Новый курс и расширение правительственных программ открыли альтернативные возможности для экономистов. Обучение в Висконсинском университете помогало его выпускникам занимать должности в Министерстве труда и в Управлении по социальному обеспечению, в том числе многим из тех, кто занимал академические должности, а также тем, кто их не занимал. Депрессия могла вынудить некоторых висконсинских выпускников отказаться от академической карьеры, но это было верно и для выпускников других вузов.

Реальная проблема заключается не столько в том, что случилось со студентами Коммонса, а в том, что происходило бы со студентами его студентов после окончания Висконсинского университета, когда его академический рейтинг значительно упал [6, р. 120], и большинство других экономических факультетов были меньше склонны культивировать у себя институционализм. Проследить карьеру этих студентов гораздо сложнее, однако, просматривая их список в книге Лэмпета, можно подумать, что среди них было относительно мало тех, кто чётко придерживался институционалистской ориентации, как это имело место в предыдущем поколении, или что мало кто из них подготовил к защите столько же аспирантов, как Коммонс, Витте, Перлман, Гровс или Глэзер. Окончательное отсутствие воспроизводства институциональной экономики висконсинского типа может быть связано с другими факторами, особенно со сдвигами, происходящими как на экономическом факультете Висконсинского университета, так и в экономической профессии в целом.

В конце концов, висконсинский институционализм, возможно, зависел от присутствия самого Джона Р. Коммонса и его бывших студентов. В дополнение к педагогической деятельности по экономике труда, Коммонс преподавал основные идеи в теоретических курсах и сосредоточивался на воспитании самосознания студентов во время общения с ними на вечерних семинарах по пятницам. Никто не мог выполнять все эти роли после того, как он вышел в отставку. Витте преподавал курсы по отношениям между правительством и бизнесом и роли правительства в экономике для бакалавриата, но не теоретические курсы. Традиция вечерних пятничных семинаров также завершилась после ухода Коммонса. Без Коммонса институционализм в Висконсинском университете потерял свою центральную личность, большую часть своего теоретического ядра и его социального центра. А определение, данное Витте институциональной экономике в 1954 году, как «подходу с точки зрения практических проблем», не помогло утвердить статус институциональной экономики Висконсинского университета в профессии [6, р. 120].

Начиная с 1933 года вплоть до окончания Второй мировой войны Висконсинский университет нанимал мало новых преподавателей. После войны Висконсинский университет стал значительно меньше котироваться в академическом мире, и заработная плата его преподавателей стала неконкурентоспособной. После смерти Гарри Джерома в 1938 году замены ему не нашлось, и препода-

вание статистики было передано факультету торговли. (Попытка Гарольда Гровса решить эту проблему привела в 1941 году к делу Фридмана³⁸.) Джеймс Ерли (Early) (студент Уолтера Мортон) был нанят в 1937, а Пол Эллсворт (Ellsworth) (защитил диссертацию в Гарвардском университете) – в 1943 году, но основные обновления персонала произошли только после 1947 года с наймом Теодора Моргана (Morgan) (Гарвардский университет), Юджина Ротвейна (Rotwein) (Чикагский университет), Эдвина Янга (Young) (защитился в Висконсинском университете под руководством Перлмана) и Мартина Бронфенбрэннера (Bronfenbrenner) (Чикагский университет)³⁹. Большинство из них прошли обучение за пределами Висконсинского университета, и это ознаменовало отход факультета от институционализма. Институционализм стал ограничиваться конкретными областями, в частности, экономикой труда и отраслями, производящими услуги общественного потребления, в то время как стандартная микроэкономика и кейнсианская макроэкономика стали доминировать в теоретических курсах.

Ряд других университетов подверглись некоторому висконсинскому влиянию Коммонса, в том числе Северо-Западный университет (Дейблер и Мерхаус), Калифорнийский университет в Беркли (Кросс и Тейлор) и Гарвардский университет (Хансен и Сликтер). И стоит повторить, что кейнсианство в стиле Хансена содержало большой элемент висконсинского прогрессивизма. Даже Чикагский университет был связан с Коммонсом, сначала через Гарри Миллиса, а затем через Теодора Шульца. Шульц не был институционалистом, но он уважал Коммонса, имел широкий взгляд на экономику и сыграл важную роль при приеме на работу Маргарет Рейд (Reid) в Чикагский университет (её подход, несомненно, был явно институционалистским). Но ни одно из этих мест не стало центром институционализма, так как элементы его разбавлялись ортодоксальными идеями. Это можно увидеть в следующем поколении так называемых «неоинституционалистов» экономики труда, к которым относились: Джон Данлоп (Dunlop), Кларк Керр (Kerr), Ллойд Рейнольдс (Reynolds) и Ричард Лестер (Lester). Из них трое получили кандидатские степени в Беркли и Гарварде, где они подвергались влиянию экономики труда висконсинского стиля⁴⁰, но все это было настолько смешано с элементами неоклассической экономики, что получившаяся в результате этого смешения экономика труда характеризовалась как институционалистская в значительно меньшей степени [7, 34]. Это ослабление институционалистского мышления в развитии мейнстрима послевоенных лет можно также ощутить в висконсинских работах по бизнес-циклам, циклической безработице и государственным финансам. Институционалистская работа была частично подменена и частично поглощена кейнсианским мышлением, исходящим из Гарвардского университета.

Мартин Глэзер, Рэй Пенн (Penn) и их студенты обеспечивали выживание институционалистского подхода и в Висконсинском университете, и в правительстве в области отраслей, производящих услуги общественного потребления. Но даже здесь подход Коммонса и его юридически-экономическая терминология исчезли. Дальнейшая работа в традиции Коммонса в области права и экономики была подорвана потерей Мурхауса и Дэвиса для академического мира и общим ослаблением реалистического движения в области права. Кроме того, Коммонс не излагал очень ясно свою систему мышления, и интерес к более аналитическим аспектам работы Коммонса поддерживался лишь у немногих⁴¹.

Висконсинская экономическая наука делала акцент на трудовом праве, арбитраже и посредничестве, а также на вопросах страхования от несчастных случаев на производстве и по безработице. Но после того, как Новый курс вступил в силу, обучение, исследования и работа по выработке государственной политики были перенесены с экономических факультетов во вновь созданные

³⁸ Гровс хотел привлечь Фридмана в Висконсинский университет из-за его сильных эмпирических навыков, приобретенных в значительной степени в Национальном бюро. Гровс думал, что Фридману следует вести практические занятия по статистике в Висконсинском университете, это рассматривалось как незавидное положение, отведенное для младших (или приглашенных) членов факультета. Гровс хотел, чтобы Фридман был назначен ассистентом, несмотря на то, что у него не было кандидатской степени. Результат голосования был пять голосов «против» и четыре «за», включая Гровса, Лекойе, Тейлора и Перлмана. Возможно, имело место проявление антисемитизма, Селиг Перлман, конечно, так и думал, и его отношения с противниками приема Фридмана на работу существенно охладились. Однако ясно и то, что здесь сыграла свою роль политика университета и отношения между факультетом экономики и факультетом торговли.

³⁹ Интересно отметить, что два основных центра институционализма, Висконсинский университет и Колумбийский университет, не нанимали выпускников друг друга. Тенденция в обоих университетах состояла в найме своих собственных выпускников.

⁴⁰ Ричард Лестер получил свою степень в Йельском университете, который в то время имел смешанный факультет экономики и социологии, внутри которого был отдел по трудовым отношениям.

⁴¹ Такими как Кеннет Парсонс занимающийся экономикой сельского хозяйства в Висконсинском университете, Уорреном Сэмюэлсом (которого поддерживал Витте), Алан Шмит (руководителем которого был Пенн), оба из Университета штата Мичиган, Гарри Требинг, студент Глейзера, также поступивший на работу в Университет штата Мичиган.

школы государственного управления и трудовых отношений [36, 35]. Литтауэровская школа государственной администрации Гарвардского университета была основана в 1936 году, а первая школа трудовых отношений в Корнельском университете – в 1945 году. В 1946 и 1947 годах Витте сам участвовал в организации Ассоциации по исследованию трудовых отношений и стал первым ее президентом [59, р. 218]⁴².

В конце 1930-х и в 1940-х годах экономическая дисциплина изменилась по ряду аспектов, и висконсинский институционализм не соответствовал этим изменениям. И как теория, и как практика, висконсинский институционализм был тесно связан с висконсинской традицией прогрессивизма, с упором на экономику труда и трудовое законодательство экономики, а также с уникальным влиянием Джона Р. Коммонса. Но за пределами прикладной работы, нужно признать, не так много студентов чувствовали себя в своей тарелке с юридическо-экономическим анализом Коммонса. Это сделало висконсинский институционализм уязвимым по отношению к новым тенденциям, включая формирование новой специализации в профессиональной подготовке в областях разработки политики, таких как трудовые отношения и государственное управление, принятие большей части трудового законодательства, пособий по безработице и схем социального обеспечения, что служило мотивацией для висконсинского прогрессивизма, развитие несколько улучшенной неоклассической трактовки несовершенного производства и рынков факторов производства, а также появление кейнсианской экономики. Институционалисты продолжали критиковать неоклассическую теорию, многие также выражали озабоченность относительно по большей части механистического типа кейнсианского анализа; но институционализм в Висконсинском университете столкнулся не только с альтернативными подходами внутри экономической теории, но также с новыми вопросами и проблемами, новыми политическими условиями, новыми моделями профессионального образования и обучения, что, в конечном счете, поглотило многие из ключевых компонентов традиции висконсинского институционализма.

Благодарности

Исследования для данной работы были поддержаны Советом по исследованию в области социальных и гуманитарных наук Канады. Я благодарю Дэна Бромли за его советы и помощь, а также Марка Перлмана, Уоррена Самуэlsa, Джеральда Фридмана и Брюса Кауфмана за ценные замечания, а также Лейлу Дэвис за помощь в проведении исследований.

Приложение 1. Студенты Джона Р. Коммонса

До его поступления на работу в Висконсинский университет

Harry Millis (первый студент Коммонса в Индианском университете; AM Indiana 1896, PhD Chicago 1899)

*Висконсинский университет: руководство аспирантами с годом защиты*⁴³

John B Andrews 1908

Helen L. Sumner (Woodbury) 1908

Frederick Deibler 1909

Theresa McMahon 1909

Ezekiel Downey 1913

Selig Perlman 1915

Peter Speek 1916

Francis Bird 1917

Rajani Das 1917

Alvin Hansen (руководил Эли и Паксон; Коммонс указан как соруководитель после Эли) 1918

Don Lescohier (руководил Эли; Коммонс указан как соруководитель после Эли) 1920

Ethel Dietrich 1921

⁴² В 1947 году в Висконсинском университете был создан свой собственный Центр по трудовым отношениям. Это был междисциплинарный исследовательский центр, в котором работали сотрудники юридического и экономического факультетов.

⁴³ Из [37].

Jennie Turner 1922
 Harlan McCracken 1923
 Calvin Hoover 1925
 Jacob Perlman 1926
 Stewart Scrimshaw 1926
 William Zeuch 1926
 Grace Zorbaugh 1926
 Anna Mae Campbell (Davis) 1927 (руководитель не указан, но по другим источникам им был Коммонс)
 Harold Groves 1927
 William Haber 1927
 Shichiro Matsui 1927
 Edward Morehouse 1927
 Walter Morton (соруководителем был Scott) 1927
 Edwin E. Witte 1927
 Elizabeth Brandeis 1928
 Edgar Palmer (руководил Perlman; Коммонс указан как соруководитель) 1928
 John Spielmans 1928
 Alfred Briggs (руководил Perlman; Коммонс указан как соруководитель) 1929
 Ewan Clague (соруководителем был Jerome) 1929
 Jean Davis 1929
 Meredith Givens (соруководителем был Jerome) 1929
 Elsie Gluck 1929
 John Sherman 1929
 Leonard Logan (соруководителем был Ross) 1930
 Miriam West 1930
 Arthur Altmeyer 1931
 John Ewing 1931
 Carey Ganong (соруководителем был Scott) 1931
 John Troxell 1931
 Edwin Fitch 1933
 Haldor Mohat (соруководителем был Hibbard) 1933
 Elizabeth Paschal 1933
 Gertrude Schmidt (Weiss) 1933
 Harry Weiss 1933

46 защитившихся аспирантов между 1908 and 1933,
 из них 12 женщин

У 41 аспиранта Коммонс был либо единственным, либо главным руководителем (42 аспиранта включая Anna Mae Davis)

Всего аспирантов на экономическом факультете Висконсинского университета между 1908 и 1933 гг. было 112

Другие аспиранты, которые были в тесном контакте с Коммонсом

Ira Cross (MA Wisconsin 1906, PhD Stanford 1909)
 William Leiserson (BA Wisconsin 1908, PhD Columbia 1911)
 David Saposs (BA Wisconsin 1911, магистратура в Висконсинском университете 1913–17 и аспирантура в Колумбийском университете 1924–26)
 Henry Hoagland (PhD Columbia 1917)
 Sumner Slichter (MA Wisconsin 1914, PhD Chicago 1918)
 Edward Mittleman (PhD Chicago 1920)
 Martin Glaeser (MA Wisconsin 1916, PhD Harvard 1925)
 Paul Raushenbush (BA Amherst 1920, магистратура в Висконсинском университете и аспирантура в Брукингском университете)
 Kenneth Parsons (PhD Wisconsin 1940, руководителем был Hibbard)

Другие студенты Коммонса

Frank Carlton (PhD Wisconsin 1906, руководитель не указан)
 Willford I. King (PhD Wisconsin 1912, руководитель не указан)
 Paul Nystrom (PhD Wisconsin 1914, руководителем был Scott)
 Holbrook Working (PhD Ag Econ Wisconsin 1921)
 Paul Taylor (BA Wisconsin 1917, PhD Berkeley 1922)
 E. E. Hale (MA Wisconsin 1923)
 Roy Blough (PhD Wisconsin 1929, руководителем был Kiekhofe)
 Theodore Schultz (PhD Ag Econ Wisconsin 1930, руководителем был Hibbard)
 Ellison Chalmers (William E. Chalmers, PhD Wisconsin 1933, руководитель не указан)
 Emerson Schmidt (PhD Wisconsin 1935, руководителем был Perlman)
 Ernest Schwarztrauber (PhD Wisconsin 1941, руководителем был Perlman)
 Wayne Morse (BA Wisconsin 1923, степень в области права в Миннесотском университете 1928)
 Wilbur Cohen (PhB Wisconsin 1932)
 John A. Fitch
 Bruce Knight
 Katherine Lenroot
 Florence Peterson
 Alice Shoemaker
 Maud Swett

**Приложение 2. Студенты Висконсинского университета:
участие в главных исследовательских проектах****Студенты, участвовавшие в составлении Документальной истории (1910–1911)**

Helen Sumner
 John B. Andrews
 William Leiserson (assisted Commons on Volumes 7 and 8)

Студенты, участвовавшие в питсбургском обследовании (1907–1908)

John A. Fitch
 William Leiserson

Студенты, участвовавшие в написании 1-го и 2-го томов «Истории труда в Соединенных Штатах» (1918)

David Saposs
 Helen Sumner
 Edward Mittleman
 Henry Hoagland
 John B. Andrews
 Selig Perlman

Студенты, участвовавшие в написании 3-го и 4-го томов «Истории труда в Соединенных Штатах» (1935)

Selig Perlman
 Don Lescohier
 Elizabeth Brandeis
 Philip Taft (PhD Wisconsin 1935, Perlman supervised)

Студенты, которые работали вместе с Чарльзом Маккарти и Комиссией США по трудовым отношениям, (1914–1915)

William Leiserson—заместитель директора по научной работе
 Francis Bird

Edwin Witte
 David Saposs
 Henry Hoagland
 Ira B. Cross
 Selig Perlman
 Sumner Slichter
 William Duffus (PhD Wisconsin 1920, руководил Lescohier)
 Ezekiel Downey
 Frederick Diebler
 Peter Speek

Приложение 3. Карьера студентов Коммонса

Аспиранты Коммонса (год защиты и место работы в 1936)⁴⁴

Universities
 Frederick Deibler 1909 (Northwestern)
 Theresa McMahon 1909 (Washington)
 Selig Perlman 1915 (Wisconsin)
 Francis Bird 1917 (Cincinnati)
 Alvin Hansen 1918 (Minnesota, later at Harvard)
 Don Lescohier 1920 (Wisconsin)
 Harlan McCracken 1923 (Louisiana State)
 Calvin Hoover 1925 (Duke)
 Stewart Scrimshaw 1926 (Marquette)
 Grace Zorbaugh 1926 (Ohio State)
 Harold Groves 1927 (Wisconsin)
 William Haber 1927 (Michigan)
 Shichiro Matsui 1927 (Doshiha, Japan)
 Walter Morton 1927 (Wisconsin)
 Edwin E. Witte 1927 (Wisconsin)
 Elizabeth Brandeis 1928 (Wisconsin)
 Edgar Palmer 1928 (Kentucky)
 Leonard Logan 1930 (Oklahoma)
 John Ewing 1931 (Oklahoma)

Колледжи

Ethel Dietrich 1921 (Mount Holyoke)
 William Zeuch 1926 (Black Mountain)
 Jean Davis 1929 (Wells)
 Miriam West 1930 (New Jersey College for Women)
 Carey Ganong 1931 (Kalamazoo)
 180 M. Rutherford

Правительственные и неправительственные учреждения

John B Andrews 1908 (American Association of Labor Legislation)
 Helen L. Sumner (Woodbury) 1908 (deceased, formerly with the Children's Bureau)
 Ezekiel Downey 1913 (deceased, formerly with the Insurance Commission of Pennsylvania)
 Peter Speek 1916 (Bureau of Labor Statistics)
 Rajani Das 1917 (International Labor Office)
 Jennie Turner 1922 (Vocational Education, Wisconsin)
 Jacob Perlman 1926 (Bureau of Labor Statistics)
 Edward Morehouse 1927 (Wisconsin Public Service Commission; previously at Northwestern)
 Ewan Clague 1929 (Social Security Board)

⁴⁴ Там же.

Meredith Givens 1929 (SSRC, Division of Placement and Unemployment Insurance, New York)
 Elsie Gluck 1929 (Works Progress Administration)
 Arthur Altmeyer 1931 (Social Security Board)
 Edwin Fitch 1933 (Office of Coordinator of Transportation)
 Haldor Mohat 1933 (Federal Communications Commission)
 Elizabeth Paschal 1933 (Bureau of Home Economics)
 Gertrude Schmidt (Weiss) 1933 (Department of Labor)
 Harry Weiss 1933 (Social Security Board)

Частный бизнес

Anna Mae Campbell (Davis) 1927 (law practice, Wisconsin)
 John Spielmans 1928 (independent research)
 John Troxell 1931 (Shoe Manufacturer's Board of Trade; also taught at New York University)

Другие студенты Коммонса

Harry Millis (Stanford, Chicago)
 Ira Cross (Berkeley)
 John A. Fitch (Industrial Editor of the Survey, Director of Industrial Courses, New York School of Social Work)
 William Leiserson (Antioch College, National Labor Relations Board)
 David Saposs (Brookwood College, National Labor Relations Board)
 Henry Hoagland (Illinois, Federal Home Loan Bank)
 Sumner Slichter (Cornell, Harvard)
 Edward Mittleman (Oregon Agricultural College)
 Paul Taylor (Berkeley)
 Martin Glaeser (Wisconsin)
 Paul Raushenbush (Wisconsin Unemployment Insurance Commission)
 Theodore Schultz (Iowa State, Chicago)
 Wilbur Cohen (Совет социального обеспечения)
 Katherine Lenroot (Chief, Children's Bureau)
 Wayne Morse (декан факультета права, University of Oregon)

ЛИТЕРАТУРА

1. Adams T.S., Sumner H.L. Labor Problems. New York: Macmillan, 1905.
2. Altmeyer A.J. The Formative Years of Social Security. Madison: University of Wisconsin, 1966.
3. Barber W.J. The Career of Alvin H. Hansen in the 1920s and 1930s: A Study in Intellectual Transformation // History of Political Economy. 1987. Vol. 19. № 2.
4. Berle A.A., Means G.C. The Modern Corporation and Private Property. New York: Macmillan, 1932.
5. Beveridge W.H. Unemployment: A Problem of Industry. London: Longmans, Green, 1909.
6. Biddle J. Institutional Economics: A Case of Reproductive Failure? // In From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / M.S. Morgan, M. Rutherford (eds.) Durham, NC: Duke University Press, 1998.
7. Boyer G., Smith R. The Development of the Neoclassical Tradition in Modern Labor Economics // Industrial and Labor Relations Review. Vol. 54. № 1.
8. Chasse J.D. The American Association for Labor Legislation: An Episode in Institutional Policy Analysis // Journal of Economic Issues. Vol. 25. № 3.
9. Chasse J.D. The American Association for Labor Legislation and the Institutional Tradition in National Health Insurance // Journal of Economic Issues. 1994. Vol. 28. № 4.
10. Chasse J.D. John R. Commons and His Students: The View from the End of the Twentieth Century // In The Institutional Tradition in Labor Economics / D.P. Champlin, J.T. Knoedler (eds.). Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2004.
11. Cohen W.J. Edwin E. Witte (1887–1960): Father of Social Security // Industrial and Labor Relations Review. 1960. Vol. 14. № 1.
12. Commons J.R. Institutional Economics. New York: Macmillan, 1934.
13. Commons J.R. The Legal Foundations of Capitalism. New York: Macmillan, 1924.

14. *Commons J.R.* Myself. New York: Macmillan, 1934.
15. *Commons J.R.* Unemployment: Compensation and Prevention // *The Survey*. 1921. Vol. 47. October, 1.
16. *Commons J.R., Andrews J.B.* Principles of Labor Legislation. New York: Harper, 1916.
17. *Commons J.R., Morehouse E.W.* Legal and Economic Job Analysis // *Yale Law Journal* 1927. Vol. 37. № 2.
18. *Commons J.R., Phillips U.B., Gilmore E.A., Sumner H.L., Andrews J.B.* A Documentary History of American Industrial Society. Cleveland: Arthur H. Clark, 1910–1911.
19. *Commons J.R.* and associates. History of Labor in the United States. Vols 1 and 2. New York: Macmillan, 1918.
20. *Commons J.R.* History of Labor in the United States. Vols. 3 and 4. New York: Macmillan, 1935.
21. *Cross I.B.* A History of the Labor Movement in California. Berkeley: University of California, 1935.
22. *Dimand R.W.* Theresa Schmid McMahon (1878–1961) // In *A Biographical Dictionary of Women Economists* / R.W. Dimand, M.A. Dimand, E.L. Forget (eds.) Cheltenham, England: Edward Elgar, 2000.
22. *Downey E.H.* Workmen's Compensation. New York: Macmillan, 1924.
23. *Eisner J.M.* William Morris Leiserson: A Biography. Madison: University of Wisconsin, 1967.
24. *Ely R.T., Adams T.A., Lorenz M.O., Young A.* Outlines of Economics. Rev. ed. New York: Macmillan, 1908.
25. *Fitch J.A.* The Steel Workers. Pittsburgh: University of Pittsburgh, [1910] 1989.
26. *Froman L.A.* Graduate Students in Economics, 1904–1940 // *American Economic Review*. 1942. Vol. 32. December.
27. *Glaeser M.G.* Outlines of Public Utility Economics. New York: Macmillan, 1927.
28. *Groves H.M.* Institutional Economics and Public Finance // *Land Economics*. 1964. Vol. 40. August.
29. *Hamilton W.H.* The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*. 1919. Vol. 9. March.
30. *Hamilton W.H.* The Educational Policy of «A Labor College» // *Social Forces*. 1924. Vol. 2. January.
31. *Hansen A.H.* Business Cycle Theory, Its Development and Present Status. Boston: Ginn, 1927.
32. *Harter L.G.* John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire. Corvallis, Oreg.: Oregon State University, 1962.
33. *Howlett Ch.F.* David J. Saposs // *American National Biography Online*. 2003 // <http://www.anb.org/articles/14/14-01131.html>
34. *Kaufman B.E.* The Institutional and Neoclassical Schools in Labor Economics // In *The Institutional Tradition in Labor Economics* / D.P. Champlin, J.T. Knoedler (eds.) Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2004.
35. *Kaufman B.E.* John R. Commons and the Wisconsin School on Industrial Relations Strategy and Policy // *Industrial and Labor Relations Review*. 2003. Vol. 57. October.
36. *Kaufman B.E.* The Origins and Evolution of the Field of Industrial Relations in the United States. Ithaca, N.Y.: ILR Press, 1993.
37. *Lampman R.J.*, ed. Economists at Wisconsin, 1892–1992. Madison: Board of Regents of the University of Wisconsin System, 1993.
38. *Leeson R.* The Eclipse of the Goal of Zero Inflation // *History of Political Economy*. 1997. Vol. 29. № 3.
39. *Lescohier D.D.* The Labor Market. New York: Macmillan, 1919.
40. *Lobdell R.A.* Helen Laura Sumner Woodbury (1876–1933) // In *A Biographical Dictionary of Women Economists* / R.W. Dimand, M.A. Dimand, E.L. Forget (ed.) Cheltenham, England: Edward Elgar, 2000.
41. *McCarthy Ch.* The Wisconsin Idea. New York: Macmillan, 1912.
42. *McMahon T.S.* Women and Economic Evolution. Madison: University of Wisconsin, 1912.
43. *McMahon T.S.* Social and Economic Standards of Living. Boston: D. C. Heath, 1925.
44. *Mehrling P.G.* The Money Interest and the Public Interest: American Monetary Thought 1920–1970. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
45. *Mitchell W.C.* Commons on the Legal Foundations of Capitalism // *American Economic Review*. 1924. Vol. 14. June.
46. *Mitchell W.C.* Business Cycles: The Problem and Its Setting. New York: NBER, 1927.
47. *Morehouse E.W.* Development of Industrial Law in the Rochester Clothing Market // *Quarterly Journal of Economics*. 1923. Vol. 37. February.
48. *Perlman S.* A Theory of the Labor Movement. New York: Macmillan, 1928.
49. *Rader B.G.* The Academic Mind and Reform: The Influence of Richard T. Ely in American Life. Lexington: University of Kentucky, 1966.
50. *Raushenbush P.A., Brandeis Raushenbush E.* Our «U.C.» Story. Madison: privately printed, 1979.
51. *Rutherford M.* Chicago Economics and Institutionalism // In *The Elgar Companion to the Chicago School* / R.B. Emmett (ed.). Cheltenham, England: Edward Elgar, forthcoming.
52. *Rutherford M.* Institutional Economics at Columbia University // *History of Political Economy*. 2004. Vol. 36. № 1.
53. *Rutherford M.* On the Economic Frontier: Walton Hamilton, Institutional Economics, and Education // *History of Political Economy*. 2003. Vol. 35. № 4.

54. *Rutherford M. Walton H.* Hamilton and the Public Control of Business // In *The Role of Government in the History of Political Economy* / S. Medema, P. Boettke. (ed.) Durham, N.C.: Duke University Press. Forthcoming.
55. *Samuels W.J. Edwin E.* Witte's Concept of the Role of Government in the Economy // *Land Economics*. 1967. Vol. 43. May.
56. *Samuels W.J.*, ed. Wisconsin «Government and Business» // *Research in the History of Economic Thought and Methodology*. 2004. 22-C.
57. *Saposs D.J.* The Labor Movement in Post-War France. New York: Columbia University, 1931.
58. *Saposs D.J.* Left-Wing Unionism: A Study of Radical Policies and Tactics. New York: International, 1926.
59. *Schlabach T.F. Edwin E.* Witte: Cautious Reformer. Madison: State Historical Society, 1969.
60. *Schlabach T.F.* Rationality and Welfare: Public Discussion of Poverty and Social Insurance in the United States 1875–1935. 2001 // <http://www.ssa.gov/history/reports/schlabach.html>
61. *Slichter S.H.* Modern Economic Society. New York: Henry Holt, 1931.
62. *Slichter S.H.* The Organization and Control of Economic Activity // In *The Trend of Economics* / R.G. Tugwell (ed.) Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, [1924] 1971.
63. *Tugwell R.G.* The Trend of Economics. Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, [1924] 1971.
64. *Witte E.E.* The Government in Labor Disputes. New York: McGraw-Hill, 1932.
65. *Witte E.E.* Institutional Economics as Seen by an Institutional Economist // *Southern Economic Journal*. 1954. Vol. 21. October.
66. *Witte E.E.* Old Age Security in the Social Security Act // *Journal of Political Economy*. 1937. Vol. 45. February.
67. *Witte E.E.* Selig Perlman // *Industrial and Labor Relations Review*. 1960. Vol. 13.
68. *Woirol G.* New Data, New Issues: The Origins of the Technological Unemployment Debates // *History of Political Economy*. Forthcoming.

Я.А. КРОНРОД И ДИЛЕММЫ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ (К 100-летию со дня рождения)

М.И. ВОЕЙКОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики Российской академии наук,
e-mail: mvok1943@mail.ru

В статье рассматривается научное творчество известного советского политэкономиста Я.А. Кронрода на фоне проблем советской политической экономики. Показывается противоречивый характер экономической науки советского периода и дилеммы, в которых оказывались наиболее творческие ученые. Прослеживается преемственность дискуссий по основным вопросам политэкономии от 1920-х гг. до наших дней.

Ключевые слова: политическая экономия; экономические реформы; методологические проблемы.

The article represents the survey of the scientific activity of famous Russian political economist J.A. Kronrod on the background of contradictive soviet political economy. The picture of soviet discussion in economic science and dilemmas of soviet scientists are displayed. The succession of discussions on main problems of political economy from 1920 up to our days is analyzed.

Keywords: political economy; economics reforms; methodological problems.

Коды классификатора JEL: A11, B24, B31, B41.

ПРЕАМБУЛА

Яков Абрамович Кронрод (1912–1984) – выдающийся советский экономист. Оставил заметный вклад в отечественной экономической науке по проблемам методологии политической экономики, теории способа производства, хозяйственного механизма, теории денег и цен, теории воспроизводства. Инициатор и участник многих экономических дискуссий 60–80-х гг. XX в. в нашей стране. Создал особую школу в политической экономике.

Всякий крупный экономист советского периода, а тем более такой выдающийся теоретик экономической науки, как Яков Абрамович Кронрод, неотделим от своей эпохи, своего времени, своей страны. И многие типичные черты эпохи, особенности ее идеологии, проявлялись в научном творчестве Кронрода.

Родился Я.А. Кронрод в 1912 г. в небольшом городке Алексин, Тульской области. В 1930 г. окончил среднюю школу в Москве, затем учеба на философском факультете МГУ. Параллельно с учебой с 1931 г. работа в Госплане СССР, Мособлплане и в ЦСУ СССР. С 1940 г. до конца жизни (1984) Я.А. Кронрод работал в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН).

В традициях отечественного обществознания

Почти вся творческая жизнь Я. А. Кронрода была связана с Институтом экономики АН СССР, где он сложился как ученый, вырос в лидера оригинальной научной школы советской политической экономики и где он в конце жизни был отстранен от активной научно-организационной деятельности. От творческой работы ученого отстранить невозможно. Поэтому, рассматривая научно-теоретическую деятельность Кронрода, придется постоянно обращаться и к роли Института эко-

номики (в дальнейшем ИЭ) в развитии отечественной экономической теории и политической экономики в том числе.

Институт экономики, образованный в 1930 г., пожалуй, до 60-х годов прошлого века представлял собой наиболее важное, или, главное научное учреждение, где исследовались политэкономические проблемы. Конечно, были и другие места, в основном кафедры вузов, но ИЭ являлся в этих вопросах как бы головным. Это было связано с рядом причин. Основная причина, видимо, заключалась в том, что ИЭ стал преемником Института экономики Коммунистической академии, где концентрировались исследования идеологических и методологических проблем строительства нового общества. Становление ИЭ пришлось на период формирования сталинизма как официальной идеологии под названием «марксизма-ленинизма» и большинство (или все) политэкономические исследования находились под этим воздействием. Никто из заметных исследователей не избежал в той или иной мере влияния сталинистской методологии. К сожалению, эта методология и сегодня еще прочно сидит в некоторых крепких головах.

При этом нужно учитывать один важный момент. Если сталинистская методология под названием «марксизм-ленинизм» господствовала все 1930-е гг. и дальше, то иное положение было в 20-х годах. Тогда «марксизма-ленинизма» как господствующей идеологии еще не было. Была борьба разных направлений и течений экономической мысли, хотя и в широких рамках одного и того же марксизма. Например, длительная и жесткая дискуссия между механистическим и идеалистическим направлениями в политической экономике. Все 20-е гг. работы такого крупнейшего советского политэконома, как И.И. Рубин, несмотря на то, что его периодически арестовывали, отправляли в тюрьмы и ссылки, издавались и переиздавались. Шли очень активные и интересные дискуссии по теоретическим вопросам политической экономики, в том числе и по работам И.И. Рубина. Много печатались и обсуждались такие крупнейшие советские теоретики и государственные деятели, как Н.И. Бухарин, Н.Д. Кондратьев, Е.А. Преображенский, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, А.В. Чаянов и многие другие, которые уже в 1930-е гг. были репрессированы. Не зря говорят, что это был «золотой век» советской экономической мысли. Естественно, что накопленные за 1920-е гг. знания никуда не исчезли, они сохранялись и в 30-е гг., и много дальше. В 1930-е гг. стали исчезать люди, а не знания. И естественно, что знания и идеи 20-х гг. так или иначе давали себя знать в научном творчестве отдельных ученых и в последующие годы. Относительно Кронрода можно с полной уверенностью говорить, что он в своих трудах уже в послевоенный период воспроизводил в более актуальном виде многие идеи Е.А. Преображенского и И.И. Рубина.

В этих методологических рамках разворачивались политэкономические исследования ученых ИЭ, среди которых Я.А. Кронрод занимал ведущее положение. Основное противоречие, с методологической точки зрения, в котором оказывались эти ученые, состояло в том, что, с одной стороны, нужно было активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а, с другой, нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он проходил в натуре.

Не будем забывать также, что почти все советские политэкономы исходили из необходимости улучшения не просто какого угодно общества, а именно того «социалистического общества», в котором они жили. Многие были искренне убеждены, что весь комплекс улучшений приближает существующее общество к искомому идеалу. Но особенность школы ИЭ состояла в том, что методологические рассуждения по проблемам улучшения экономической системы прежде всего выявляли характерные черты реально существовавшей системы, и на этой основе пытались уточнять или даже трансформировать идеальные представления.

Так, например, предложения по развитию товарно-денежных отношений и реформированию тогдашнего хозяйственного механизма в сторону усиления рыночных начал в советской экономике, неоднократно делавшиеся Я.А. Кронродом и его сотрудниками по ИЭ, на первый взгляд можно было трактовать как улучшение, совершенствование системы управления народным хозяйством. Они и шли под лозунгом «дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма». И действительно, эти предложения существенно улучшили бы работу хозяйственного механизма. Но на самом деле у этих предложений была более глубокая основа, которая заключалась в необходимости «легализации» реально существовавших товарных и рыночных отношений. Превращение прибыли в основной экономический показатель хозяйственной деятельности предприятия означало раскрепощение предприятий, снятие искусственных ограничений, нормализацию работы хозрасчетного предприятия на основе самоокупаемости, к чему предприятие в экономической системе было призвано изначально. Иными словами, представители реального направления стремились, прежде всего, «легализовать» реально существующие экономические отношения. Хотя, фразеологически это

не всегда или нелегко прочитывалось в текстах этих ученых. Особенно это свойственно текстам Я.А. Кронрода.

Научная проработка реальных народнохозяйственных проблем постоянно наталкивала исследователей на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и теоретического его оформления в официальной идеологической парадигме «марксизма-ленинизма». Так как политическая экономия социализма считалась преимущественно идеологическим занятием, то у тех, кто этим занимался, не могло не быть известной раздвоенности, и даже растроянности. Попробуем этот момент прояснить. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко отсюда не выпадать. За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона — народнохозяйственная практика, изучение и объяснение которой вообще-то составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту проблему по-разному.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своем творчестве отразил Я.А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы просто основной. В отличие от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или достаточно абстрактные теоретические построения марксизма, что, конечно, было много интереснее первого, Кронрод, наоборот, исходил от жизни и пытался теорию подправлять под практику. Поэтому-то он и внес много нового в политэкономическую теорию, постоянно у своих читателей вызывая сомнения в истинности официальной идеологии. В целом его теоретические построения были много ближе к практике, но при этом и дальше от сталинских политэкономических формул и догм. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений и это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами.

Две формы связи

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в тисках теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие. Может быть, он был более противоречивым, чем все остальные советские политэкономы. Это, например, хорошо видно на его конструкции двух форм народнохозяйственных связей: прямой, непосредственно планомерной, и косвенной, товарной. Здесь его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи), и планомерники. Однако лучше было бы не обвинять, а понимать — почему в этом уме сформировалась такая противоречивая конструкция. Сегодня можно все это дело представить более ясно.

Итак, теория Кронрода о двух формах связи. Вот, пожалуй, наиболее емкая цитата по этому вопросу: «Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи, т.е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредованием этого движения. Ее содержание и место определяется тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства» [6, с. 387].

Эта теория родилась не на пустом месте и имеет под собой определенные объективные основания. Суть ее можно свести к тому, что, по мере обобществления производства, чисто рыночные связи уступают место другим, по терминологии Кронрода, «непосредственно-планомерным». Кроме того, а, может быть, это главное, для модернизации экономически отсталой России была объективно неизбежной очень существенная роль государства в управлении экономикой. Было необходимо, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или гримасой сталинизма, а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап.

И естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся (уж как там получится) «непосредственно-планомерным» регулированием. То есть плановым началом. В теории догоняющего развития это составляет центральное звено.

Но есть еще и иной аспект этой темы. Интересно с точки зрения сегодняшнего дня оценить эту теорию. Конечно, можно сказать, что в то время эта теория давала возможность развивать и концепцию товарных отношений, позволяла их вводить в ткань советской экономики и т.д. Это верно. Но считать эту теорию лишь удачным тактическим ходом, думаю, будет очень узко. На мой взгляд, эти две формы связи отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще, и имеют мало связи с социализмом или капитализмом. Если уж говорить с предельной обобщенностью, то наше общество 1960-х годов скорее всего должно было в большей мере регулироваться именно рыночной, косвенной связью. Что, собственно говоря, объективно и было. А вот экономически высокоразвитые страны, наоборот, могли иметь и имели в системе своего регулирования большую роль прямой связи, чем она была свойственна нам¹.

Другое дело, что в условиях административно-командной системы прямые связи, а точнее, просто командные, признавались основными и почти единственными. Теория Кронрода создавала научный фундамент под эти командные связи, объясняла их якобы объективную необходимость для нашей слаборазвитой экономики. Но в общем-то, при последовательном развитии идея о прямой планомерной экономической связи могла входить в противоречие с реальной практикой и самого тогдашнего планирования, и просто экономического командования.

Таким образом, сама постановка Я.А. Кронрода о двух формах связи была интересна и плодотворна. Более того, можно в этой связи вспомнить известную конструкцию Е.А. Преображенского о двух регуляторах советской экономики: закона «первоначального социалистического накопления» и закона ценности (стоимости)². Но эту теорию Преображенский разрабатывал для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. Так что, в сегодняшнем понимании вопроса, две формы связи Кронрода могли бы означать переходный характер и того общества, в котором жил Кронрод. И это было много ближе к реальности, чем другие менее противоречивые конструкции. Можно также указать на то, что кронродовская конструкция двух форм связи хорошо встраивается в современную трактовку смешанной экономики.

Допустимый реформизм: вокруг 1965 года

Кронрод и до 1965 г. был хорошо известен в экономической науке. Почти все основные экономические дискуссии прочно связаны с именем Кронрода. Это имевшие широкий научный резонанс дискуссии, о товарном производстве и законе стоимости при социализме (1963), о концепциях ценообразования — «трудовая версия стоимости» (1957), о воспроизводстве и законе преимущественного роста средств производства (1958-1962), о сфере материального производства и непродизводительном труде (1953), об основном законе социализма (1961), о собственности как особом производственном отношении (1962), об экономической реформе (1964), методологические проблемы политэкономии социализма (1966) и многие другие. Легче, наверное, перечислить дискуссии, в которых Я.А. Кронрод не принимал участия. К этому времени вышли из печати многие его фундаментальные труды. Среди них: «Основы хозяйственного расчета» (1952), «Социалистическое воспроизводство» (1955), «Общественный продукт и его структура при социализме» (1958), «Деньги в социалистическом обществе» (1954 и 1960), многие статьи и выступления. Я бы сказал, что на этот период (первая половина и середина 60-х годов) приходится расцвет Кронрода (нет, не творчества — оно развивалось по восходящей до самой его смерти), а так сказать, личного успеха, карьеры, если это понятие можно применить по отношению к Я.А. Его принимают в Союз журналистов (1960), приглашают на все значимые конференции, он член редколлегий и соавтор многих авторитетных коллективных трудов и т.д. и т.п. Неизмеримо возрастает его публикационная активность.

¹ Это место, наверное, требует пояснений и аргументов. Но чтобы не отвлекаться далеко от темы, приведу в подтверждение моего тезиса лишь одно высказывание заокеанского авторитета, сегодня часто забываемого: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [1, с. 71].

² См. подробнее: [21].

В 1950-х годах Я.А. Кронрод выполнил цикл серьезных работ по теории воспроизводства, многие положения которых до сих пор плохо освоены отечественной экономической наукой. Сложность заключается в том, что наряду с консервативными взглядами (например, закон преимущественного роста первого подразделения) Я.А. отстаивал положения, которые и тогда, и теперь являются спорными. Это относится, например, к теории производительного труда и трактовке общественного продукта. Сегодня, когда волевым путем Госкомстат в исчислении валового продукта и национального дохода перешёл от метода баланса народного хозяйства, теоретические основы которого были заложены еще старыми российскими учеными и развиты Кронродом, к методу национальных счетов, потерялась объективная основа измерения роста реального сектора экономики. Остается неизвестным – растет ли в действительности общественное производство, когда валовой продукт (ВВП) увеличивается в основном за счет услуг и транзакционного сектора экономики. Например, слова, написанные Кронродом более 50 лет назад, и сегодня звучат абсолютно верно, как бы не сердились сторонники национального счетоводства: «Вне сферы материального производства функционирует значительная часть необходимого общественного труда, обслуживающая отрасли непроектируемой деятельности. Этот труд не представляет собой процесса непосредственного воздействия на материю и её силы, он не является материально-производительным трудом и поэтому не создает общественного продукта. Но он создает все духовные богатства человеческого общества и выполняет различные другие общественные функции» [12, с. 149]. И действительно, в связи с распределением духовных богатств не возникает классового конфликта, что характерно для материального продукта. Многие услуги и духовные блага не поддаются реальному экономическому измерению, что делает иллюзорным их включение в валовой продукт. Особое значение эта тема и мысли Кронрода о границах материального производства и, стало быть, общественного продукта приобретают сегодня, после мирового финансового кризиса. Отрыв финансового сектора от реального производства плохо осмыслен современной политической экономией, нет у капитализма в этом отношении четкой перспективы. Для современного понимания всего этого по необходимости нужно обратиться к учению о производительном труде и вкладу Кронрода в эту теорию.

Однако вернемся к теории реформирования экономики. Осенью 1969 г. в Институте было проведено заседание Ученого совета по обсуждению, как тогда утверждали, программы **II этапа экономической реформы**. Сейчас почти ясно, что экономическая реформа 1965 г. в целом «не пошла» не только потому, что в ней было много изъянов, но прежде всего потому, что она не была нужна тогдашнему политическому руководству страны. Но в печати продолжали обсуждать реформистские мероприятия, некоторые экономисты мечтали о ее развитии и углублении. Институт экономики еще продолжал играть ведущую роль в разработке идеологии экономической реформы³.

Наверное, к таким мечтателям можно отнести и Кронрода. С группой молодых единомышленников он подготовил доклад о развитии реформы (**II этап**) **для обсуждения на Ученом совете института**, с тем, чтобы послать эти предложения в ЦК КПСС и правительство (как тогда говорили, в директивные органы) [20, с. 138].

Эти самые «директивные органы» предложения Кронрода, как и других реформаторов, положили «под сукно», но порекомендовали дирекции Института обсудить эти предложения «как следует». К тому времени политический курс выявился уже более четко – курс на свертывание всяческих реформ, укрепление тоталитаризма, возрастающей роли КПСС и тому подобные не очень замысловатые вещи.

В целом цикле работ Я.А. Кронрода, посвященных экономической реформе, наибольший интерес и ценность представляет теоретическое обоснование проводимой тогда реформы. Среди них можно выделить такие положения, как обоснования необходимости развития товарно-денежных отношений, функционирования закона стоимости, определенной свободы хозяйствования предприятий.

Еще в 1960 г., возражая против идеи о том, что «социалистическое хозяйство не имеет специфического закона, управляющего ценами», Кронрод писал: «Тот факт, что цена есть выражение стоимости, что движение цены определяется или регулируется движением стоимости, и означает, что как в условиях товарного производства вообще, так и в условиях социалистического товарного производства в частности закон стоимости и есть закон цен, т.е. закон, регулирующий цены» [13, с. 92–93]. **И общий методологический вывод из другой работы, который и сегодня верен и актуален: «существуют некоторые объективные факторы, которые, независимо от сознания и желания, объективно вынуждают людей соотносить свою хозяйственную деятельность с экономической**

³ Об этом есть свидетельства современников, свободных от излишних симпатий как к тому политическому режиму, так, думается, и к Институту экономики АН СССР. А. Каценелинбойген писал в 1977 г.: «Институт экономики долгие годы занимался преимущественно идеологией. Однако в середине 60-х годов работники Института приняли активное участие в проводимой в стране экономической реформе. Ряд ведущих деятелей аппарата ЦК КПСС поддерживал Институт. Не будет преувеличением, если я скажу, что Институт был теоретическим штабом этой реформы ...В начале 70-х годов, когда реформа была существенно свернута, Институт экономики был подвергнут резкой критике в постановлении ЦК КПСС» [3, с. 195].

необходимостью» [7, с. 68]. Как известно, экономическая необходимость тогда (середина 1960-х гг.) состояла в развитии товарно-денежных, т.е. рыночных отношений.

Можно, конечно, у Кронрода найти массу других поучительных высказываний того периода. Но я хочу остановиться на одном положении, теснейшим образом связанном с именем Кронрода в истории советской экономической мысли второй половины XX в. Это касается теории социалистического производства как разновидности товарного производства.

Рыночный социализм

Чтобы лучше представить себе роль и место Кронрода в дискуссиях того времени, надо вспомнить расстановку теоретических сил в экономической науке. Для Москвы наиболее крупные и известные были три школы в политической экономии социализма. Ядро их составляли: в МГУ кафедра политической экономии экономического факультета под руководством Н.А. Цаголова, в Академии общественных наук при ЦК КПСС кафедра экономических наук под руководством И.И. Кузьмина и в Институте экономики АН СССР сектор общих проблем политической экономии социализма под руководством Я.А. Кронрода. Именно в дискуссиях, в полемике, а порой и в борьбе с этими школами наиболее ярко проявились полемические свойства таланта Я.А.

Если выделить самое главное или крупное разделение этих школ, как впрочем и всех советских экономистов того времени, то следует назвать отношение к «рыночному социализму», разделение на товарников и антитоварников. Конечно, прямо выражать симпатии этому рыночному социализму осмеливались очень немногие. Организованная школа или направление в экономической теории в те годы не могли брать на свои знамена рыночный социализм. Так вот, школы И.И. Кузьмина и Н.А. Цаголова к «рыночному социализму» относились явно отрицательно и критически агрессивно.

Сам Я.А. высказывался очень осторожно и отмежевывался от рыночного социализма с помощью чистых научных, можно сказать, «академических» аргументов. Возражая против противопоставления народнохозяйственного планирования и рыночной конкуренции, он писал: «Это ложная альтернатива; социалистическое планирование, как и государство, – это по внутренней своей сущности не бюрократически-иерархические, а демократические институты. Стихийный же рынок – это «демократия» неравенств, антагонизмов, расточения ресурсов, не говоря уже о том, что для процесса воспроизводства на технически прогрессивной основе он вообще отказывает» [10, с. 238]. Сегодня можно возразить, что и то государство, и то планирование, которое мы имели длительное время, как раз и были «бюрократически-иерархическими». Но было ли то государство социалистическим? Сегодня для многих отрицательный ответ на этот вопрос достаточно ясен.

В этой цитате, как и во многих других работах Я.А. Кронрода, написанных в 1970-е гг., есть два уровня восприятия. Первый и простой для простодушных политических властей: раз мы называем себя «социалистическим государством», рассуждают представители власти, то, значит, это демократический институт. Второй – для критически настроенных читателей: раз государство представляет собой бюрократическую систему, то, значит, оно по сущности своей не является социалистическим. Кронрод давал возможность каждому прочитать в своих работах, что тот мог и хотел в них найти. По тем временам это уже было немало.

В то же время Я.А. Кронрод, может быть, один из немногих, кто в «академической» науке боролся против «безрыночного социализма». Кронрод писал, что «сторонники концепции модели безрыночного социализма, цепляясь за цитаты, отрицают реальные факты социалистической действительности – товарный характер социалистического производства, реальные, экономически содержательные, связанные с законом стоимости товарно-денежные отношения и их формы – товар, деньги, цены и т.д.» [10, с. 245]. Действительно, реальные факты той экономической системы содержали полный набор рыночных категорий и их надо было «легализовать», т. е. представить в одеждах социализма. И тут, конечно, была проблема.

Теперь о социализме как разновидности товарного производства. На мой взгляд, это очень фундаментальная постановка, которая опрокидывала всю ортодоксальную марксистскую схему. Известно, что классики марксизма отрицали возможность товарного производства при социализме. Кронрод прямо объявил, что они ошибались⁴. При социализме, утверждал Я.А. Кронрод, должны

⁴ Конечно, Кронрод писал не так резко и четко. Но все же: «... политическая экономия разрабатывает вопрос о необходимости товарного производства при социализме. Иными словами, она заменяет старый марксистский тезис о несовместимости товарно-денежных отношений с экономикой социализма новым тезисом о необходимости при социализме этих отношений ...» [6, с. 122]. У активных участников дискуссий тех лет прочно отложилось в памяти, что Кронрод, как вспоминает Н.С. Шухов, «честно, смело и убедительно заявил, что в этом фундаментальном вопросе классики марксизма допустили грубую теоретическую ошибку...» [23, с. 92–93].

быть и есть товарное производство и товарно-денежные отношения [4, 6, 5, 10]. По сути дела, Я.А. Кронрод обосновал необходимость рынка при социализме, создал теорию товарного производства в социалистическом обществе. Хотел он того или нет, но он выступил наиболее глубоким теоретиком рыночного социализма в тогдашних условиях советского политического режима.

При этом надо иметь в виду, что теория рыночного социализма, как она разрабатывалась Кронродом, существенно отличалась от классической теории рыночного социализма, например, О. Ланге. Последний предполагал создание системы «теневых цен» и расчетный экономический механизм, которые бы явились аналогом или заменителем реального рыночного механизма и закона стоимости [18, с. 171–173]. Эта версия рыночного социализма в определенной степени соответствует тому, что делалось в экономико-математическом направлении, в частности, в работах Л.В. Канторовича и В.В. Новожилова. Кронрод же не предполагал чем-либо заменять закон стоимости и рынок, но лишь их ограничивал в некоторых существенных проявлениях. Если уж искать аналогии кронродовской теории рынка и товарного производства при социализме, то прежде всего надо назвать Л.Н. Юровского. Еще в статье 1926 г., прямо называя советскую экономическую систему «товарно-социалистической», он писал: «Наша хозяйственная система есть система товарно-денежного и планового хозяйства, покоящегося еще на ценностном принципе» [22, с. 513]. Но при всем при этом, надо учитывать, что и Юровский и Кронрод называли советское общество социалистическим не на основе теоретических изысканий, а по необходимости. У Юровского была задача создания для советских условий нормального экономического механизма хозяйствования, в основе которого лежат рыночные отношения и товарно-денежный механизм конкуренции. Назвать ли такое общество «социализмом», для Юровского было привходящим моментом. Для него дело было в существе, а не в названии. У Кронрода была та же самая цель, создать рыночный механизм распределения ресурсов, а назвать это общество как-то иначе, чем социализм, в тех условиях он просто не мог. Ведь в конце жизни он назвал это общество социализмом. Но дело в данном случае не в терминологии. Сегодня можно сказать, что позиция Я.А. Кронрода в известной мере близка к социал-демократической трактовке процесса социализации капиталистической экономики.

Логически развивая кронродовскую постановку о товарном производстве, можно вывести, что между капитализмом и социализмом различий меньше, чем между социализмом и коммунизмом, что социализм есть состояние, близкое к состоянию постиндустриального общества. Конечно, Я.А. именно так тогда не писал, но его теоретические построения наталкивали именно на такой вывод. Может быть, даже закономерно, что Кронрод довольно много страниц посвятил разбору и критике, правда, далеко не всегда удачной, работ представителей левого течения экономической мысли. Не случайна, наверное, и приводимая Я.А. цитата Й. Шумпетера, что «социалистическая форма общества неизбежно возникает из столь же неизбежного разложения капиталистического общества» [11, с. 72]⁵.

Но, видимо, всему свое время.

Методология того, чего не было

Очень важный и очень трудный вопрос, который определяет противоречия между реальной жизнью и экономической идеологией 1970–1980 гг., — это методология. Ведь почти все политэкономы думали, что живут в социалистическом обществе, и при этом никак не могли социалистические ценности примерить с реальной экономической жизнью. Если концентрированно говорить о самом главном и существенном в научных разработках Я.А. Кронрода, то это, безусловно, будут его поиски в области методологии экономической теории социализма. Конечно, нам сейчас легко, вернее, позволительно, говорить, что, может быть, и никакого социализма в реальности не было. Что глупо создавать методологию того, чего в реальности не было и, в принципе, быть не могло в отдельно взятой стране. Что это будет методология несуществующей реальности. Все так.

Но тогда и в тех условиях мало кто из пишущих советских обществоведов мог поставить под сомнение сами основы общества, которое считалось социалистическим. Ведь налицо было директивное народнохозяйственное планирование и государственная (общенародная) собственность на средства производства. И это считалось вполне достаточным для социалистического общества. Это сегодня мы стали умнее и нам этого уже мало. Многие задавались вопросами, искали подходы к научному

⁵ В последней книге, вышедшей только в 1992 г., Кронрод уже стал писать именно так, как это можно было ожидать, внимательно изучая развитие его взглядов: «Ассоциированный сектор развивается в ущерб частно-капиталистическому, прежде всего и в основном олигополистическому корпоративному его компоненту и компоненту крупного частного капитала. Тем самым объективно задается и генеральное направление социально-экономической эволюции — от ассоциированного олигополистического капитализма к всеобщееассоциированному строю производства. Назвать ли его социализмом, постиндустриальным обществом — это скорее вопрос терминологий» [9, с. 108].

определению тех или иных сторон этого общества. И Кронрод среди таких политэкономов был одним из наиболее творческих и глубоких ученых. Его методологические постановки позволяли пробить брешь в толще официальной апологетики, камуфляже и псевдомарксистской фразеологии.

Пожалуй, наибольшее достижение Я.А. Кронрода в разработке методологии политической экономики состоит не в решении каких-то отдельных проблем, а в том, что весь комплекс его исследований заставлял искать пути и средства к существенному реформированию сложившихся представлений об экономической теории социализма.

Какие это постановки? Их много и в разной степени они важны и существенны. Укажем, например, на такие, как трактовка основного противоречия и основного закона социализма, отличного от основного закона коммунистической фазы развития; отношения формального равенства и фактического неравенства по отношению к средствам производства; трактовка собственности как особого производственного отношения и многие другие.

С сегодняшней точки зрения, некоторые постановки Я.А. Кронрода могут показаться наивными и почти неуклюжими попытками внести хоть сколько-нибудь трезвомыслия в официальную политэкономическую фразеологию. Это все так. Но ведь как-то пробиваться к истине надо было, нужно было с чего-то и как-то начинать. Ведь многие, обильно публиковавшиеся политэкономы (но далеко, конечно, не все) никуда не пробивались, кроме как в официозную и гонорарную печать, а некоторые из них, превратившиеся в начальников, горазды были и разделаться с реально пробивающимися к научной истине.

Покажем это на одном примере. Кронрод, пожалуй, один из первых, попытался хоть немного раздробить монолит понятия «общественная социалистическая собственность». Надо сказать, что во многих словарях и учебниках политэкономики до конца 1960-х годов термин «общественная социалистическая собственность» вообще не раскрывался, а лишь указывалось, что эта загадочная собственность существует «в двух ее формах» и «... определяет характер социалистических производственных отношений, их коренные отличия и решающие преимущества по сравнению с буржуазными производственными отношениями» [16, с. 408–409].

Затем была попытка как-то раскрыть этот термин. Наибольшую популярность получила версия академика А.М. Румянцева: «Сущность отношений всенародной собственности заключается в том, что все члены общества реально относятся друг к другу как совместные собственники подавляющего большинства основных средств производства в стране. Каждый член общества, где бы он ни работал и где бы он ни находился в то или иное время, наряду со всеми другими является сохозяином этих средств, где бы таковые ни были расположены» [17, с. 88–89]. Это определение социалистической общенародной собственности почти в таком же виде просуществовало до самого последнего периода советской системы. Конечно, это определение, если брать его как очень абстрактное, трудно подвергнуть уничтожающей критике. Но можно. Так, совершенно нелепо представлять себе, что директор гигантского завода и простая уборщица являются совместными собственниками, «сохозяевами» основных средств производства. В таком абстрактном виде это определение мало что объясняет и выглядит достаточно бессодержательным. Необходимо его развертывание и конкретизация.

Кронрод и попытался предложить более содержательный подход к трактовке понятия общенародной социалистической собственности, имея в виду не абстрактное представление о социализме, а реальное, конкретное, существующее тогда общество. «Стало быть, – писал он, – всенародная собственность как основное производственное отношение социализма включает в себе внутренние противоречия – противоречия между «формальным равенством» производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения–распоряжения средствами производства — и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения — использования средств производства различными общественными группами трудящихся» [6, с. 306].

Казалось бы, очень сложная и даже витиеватая конструкция, которая могла бы дать некоторый повод для дискуссии, но не более. Дискуссия, конечно, получилась, но на русско-советский манер: односторонний разнос Кронрода. Критики били наотмашь по самым творческим местам конструкции. Так, А.И. Пашков писал, что «нельзя согласиться с утверждением автора, что при социализме экономическое равенство людей в присвоении средств производства как распоряжении ими есть всего лишь формальное равенство», что «фактическое экономическое равенство людей при социализме отрицается здесь прямо, а фактическое социальное неравенство разных групп трудящихся объясняется «спецификой» социалистической формы собственности» [15, с. 98, 99].

Вся аргументация А.И. Пашкова против формального равенства (а неравенство Пашков отрицал начисто) сводилась к тому, что Маркс и Ленин допускали неравенство лишь в распределении предметов потребления. На что Кронрод весьма логично отвечал еще в своей книге, что «распределение лишь выражает реальное положение производителей в производстве. И потому ежели бы это положение было положением фактического экономического равенства, то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением» [6, с. 306].

Так, простая и очевидная вещь, что не все люди экономически равны в тогдашнем советском обществе, не то что не могла получить научное развитие, но и была плотно раскритикована научными начальниками. И надо сказать, было за что критиковать. Ведь в те годы советская официальная идеология усиленно насаждала миф о социальной однородности советского общества, о социальном равенстве советских людей. В угоду этому мифу стали искусственно снижать дифференциацию в оплате труда. Дело дошло до того, что зарплата инженеров почти сравнялась с зарплатой рабочих. Если в середине 1950-х гг. зарплата ИТР превышала зарплату рабочих в 1,7 раза, то в середине 1980-х – только в 1,1 раза. Стремление к уравниловке в оплате труда самым негативным образом сказалось на экономическом развитии СССР в конце 1980-х гг. Кронрод показывал и доказывал, что фактическое неравенство в советском обществе есть объективная неизбежность, ибо на данной стадии индустриального развития существует неоднородность труда, которая и выступает объективной основой неравенства. «Члены общества не равны, – писал Кронрод, – они используют разные средства производства в разных условиях, затрачивая еще разные социально-экономические виды труда» [11, с. 227]. Кстати говоря, сегодня многие исследователи бьются над проблемой критерия нормального и ненормального (чрезмерного) неравенства. Кронрод же еще в 1960-х гг. показал, что объективной основой неравенства для индустриального общества является неоднородность общественного труда и нормальное неравенство должно соответствовать степени этой неоднородности. Научное положение с большим эвристическим потенциалом, выдвинутое Кронродом более 50 лет назад и жестко раскритикованное тогда в печати, сегодня представляется большой теоретической находкой.

Социализм как способ производства: дискуссия, проработка, оргвыводы

Если постараться как-то сложить все оригинальные разработки Я.А. Кронрода в области социализма, то получается нечто интересное. Сюда можно отнести товарный характер социалистического производства, регулирующую роль закона стоимости; проблему цены как балансирующего инструмента спроса и предложения; необходимость конкуренции (позднее он писал об экономическом соревновании между предприятиями); наличие фактического неравенства между участниками социалистического производства, как его объективно необходимый момент; комплекс противоречий, конституирующих и импульсирующих советское общество. Налицо почти все характеристики рыночного социализма, как эту конструкцию называли бы «ревизионисты» 60-х годов прошлого века.

Но для того, чтобы в методологическом плане обосновать рыночный социализм, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было оторвать социализм от коммунизма, довольно прочно отделить их друг от друга. И Кронрод этот шаг сделал. Я имею в виду дискуссию в январе 1971 г. о социализме как особом способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Я.А. поставил точку. Надо сказать, что после этой дискуссии и последующих административных выводов Кронрод не смог в полной мере оправиться. Он долго болел, очень переживая свое отстранение от руководства группой сотрудников, невозможность печататься и т.п.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти? Возьмем его доклад на дискуссии 1971 г. Здесь он, например, пишет о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «всеобщей общественной негосударственной... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышение его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя» [8, с. 16, 33, 41].

Однако главный вывод (или вопрос) был поставлен так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма – есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент – на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являвшийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяющих в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т.е., как этап его становления, самостоятельный способ производства?» [8, с. 6].

Казалось бы, ну и что здесь такого особенного? Где же тут ревизия, отступничество, ересь? На первый взгляд представляется какая-то очень абстрактная конструкция поиска общности и различий между социализмом и коммунизмом. Сегодня, с расхожей, бытовой точки зрения, эта схема является вообще какой-то утопической схоластикой. Но не то было 40–50 лет назад. Я уже отмечал необыкновенные умственные способности советских экономистов времени тоталитарного режима, которые за обыкновенными словами скрывали необыкновенное содержание. Другие могли читать и понимать больше того, чем мог себе позволить автор в печатном слове.

И на этот раз наиболее умные критики Кронрода все поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции Я.А. Кронрода: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социализма, и т.д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности» [14, с. 20].

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы» но, пожалуй, и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому было естественным и закономерным жесткая критика Я.А., снятие его с микроскопической административной должности заведующего сектором, резкое сужение публикационных возможностей.

Ныне значительным числом авторов признается, что социализма у нас как такового, т. е. в аутентичном марксистском понимании, не было, а если и было что-то похожее на социализм, то весьма отдаленно. У Кронрода почти невозможно встретить места, где бы он писал, что да, то общество, та экономика, которая есть в наличии, это на все 100% социалистическая экономика и желать лучшего не надо. Конечно, Я.А. исходил из того, что мы живем в социалистическом обществе в том смысле, что налицо некоторые социалистические предпосылки общественного устройства. Однако до полного социализма еще, по мнению Я.А. Кронрода, было далеко. Во всяком случае так можно заключить и из его постановки о том, что социализм в СССР еще не имеет соответствующей ему материально-технической базы и не обладает более высокой «ступенью развития общественной производительности труда» [8, с. 11]. В своей последней книге «Очерки социально-экономического развития XX века», вышедшей, как уже говорилось, после его смерти, Кронрод высказывается по данному вопросу более определенно: «Опыт социалистического общества, выдающего себя за социалистическое, а на деле являющегося строем фальшивого социализма – социалистическим, антагонистом реального социализма, породил в мировом общественном сознании незаконное отождествление социализма с социализмом и всякими его разновидностями в развивающихся странах» [9, с. 221]. Таким образом, Кронрод, разрабатывая основы перехода к социализму, его методологию и стратегию, прошел длинный и сложный путь интеллектуальной эволюции. На этом пути у него было много находок, прозрений, но и консерватизма, заблуждений. Было всего много, но путь такой он проделал.

Итоги

И только в самом конце жизни Я.А. Кронрод смог и фразеологически освободиться от многих догм советской официальной идеологии «марксизма-ленинизма». Кронрод стал Кронродом благодаря многим своим работам советского периода, в которых он не ставил под сомнение основы

идеологии «марксизма-ленинизма». Эти работы оказали громадное воздействие на всю советскую экономическую науку. Невозможно представить политическую экономию социализма без этих фундаментальных работ Кронрода. И эти же работы составляют предмет настоящего очерка: интерпретация политической экономии социализма и ее места в общественной науке советского периода. Последняя работа Я.А. Кронрода «Очерки социально-экономического развития XX века» была опубликована в 1992 г. и, естественно, на советское обществоведение никакого влияния оказать не могла, ибо само это обществоведение к этому сроку исчезло. В то же время эта работа Кронрода, на мой взгляд, явилась логическим продолжением и завершением интеллектуального развития Кронрода, теоретика и экономиста, эволюции его мировоззрения.

Пытаясь ответить на вопрос о смысле научной деятельности такого калибра ученых, посвятивших свой интеллект развитию социалистической теории, можно ответить следующее. Нет, не зря Кронрод и многие вместе с ним или отдельно потратили жизнь на развитие экономической теории социализма. Более того, ни в личном, ни в интеллектуальном плане они иначе поступить не могли. В обсуждении этого вопроса можно выделить два аспекта.

Первый, более очевидный. Кронрод и же с ним, обосновывая необходимость товарного производства при социализме, действия закона стоимости, подталкивали развертывание всякого рода экономических реформ, развитие рынка в стране. Понимание социализма в том числе, а может быть, и в первую очередь, под влиянием работ Я.А. уточнялось, углублялось: прибавлялись фазы и этапы развития социализма, социализм отделялся от коммунизма и т.п. В общем, дело шло к подготовке нового мышления, к пониманию необходимости перемен во многих сторонах жизни нашего общества. Без таких ученых, как Я.А., видимо, трудно говорить о новом этапе демократического развития страны.

Второй аспект менее очевиден. Его можно сформулировать так. Кронрод своими работами продолжил формирование особой культуры научного мышления в области экономической теории социализма. Трудно сказать, является ли это специфически русским интеллектуальным явлением, но нигде в мире мы не найдем столь мощное развитие социалистической ветви экономической теории в условиях тоталитарного режима.

В конце XIX — начале XX вв. в России сложились уникальные условия для интеллектуального и культурного развития. И в самом деле, какую бы отрасль культуры ни взять (литература, живопись, музыка, театр), нельзя ни одну страну сравнить с Россией в ее серебряный век. И наука здесь не исключение, в том числе экономическая. Именно тогда появились экономические сочинения В. Дмитриева, блестящие работы И. Кауфмана, А. Чупрова, П. Струве, М. Туган-Барановского, именно тогда сформировались А. Богданов, Н. Кондратьев, В. Новожилов, Е. Преображенский, И. Рубин, А. Чаянов и множество других. Я.А. Кронрод считал себя учеником И.И. Рубина, много о нем говорил, советовал его читать. С полным основанием можно утверждать, что Кронрод продолжал дело тех мыслителей, которых дал России ее серебряный век.

Именно в этой ситуации, именно на российской почве получили развитие и своеобразное преломление многие идеи марксизма и социализма. Социалистическим обобщениям в той или иной мере отдали дань почти все крупнейшие русские философы и экономисты. Более того, социалистическую закваску можно, наверное, считать неперенным атрибутом интеллигента. Например, П.Б. Струве так и пишет: «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления» [19, с. 151]. В 1922 г. известный русский философ эмиграции Л. П. Карсавин как-то воскликнул: «Увы, все русские интеллигенты немного социалисты» [2, с. 321]. И никто из великих российских интеллигентов не считал социалистические теории интеллектуальным недоразумением, даже если и сравнительно далеко отошел от них впоследствии.

Таких ученых, как Кронрод, следует, наверное, рассматривать как продукт отечественной интеллектуальной почвы, пропитанной марксизмом и социализмом, как закономерное явление развития русской общественной мысли. В этой связи представляется некорректной сама постановка вопроса о якобы зря потраченных годах на исследования социалистической доктрины. Я.А. Кронрод не мог поступить иначе: раз он заинтересовался социальными проблемами, то к ним можно было подходить в реальных условиях российского общества, только через марксизм, только в социалистической трактовке. Таков был императив российских общественных условий и развития общественной жизни тех лет.

Наконец, третий аспект – это наша история. Негоже забывать ее, и тем более перечеркивать. Историю экономической мысли в СССР невозможно представить без имени Я.А. Кронрода, без его трудов, его борьбы. И наше сегодняшнее отношение к идеям Я.А. Кронрода и к его личности в целом характеризует не его, а нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
2. Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994.
3. Каценелинбойген А. Советская политика и экономика. Кн. 2. Chaldize Publications, 1998.
4. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории. М.: Госфиниздат, 1960.
5. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. М.: Наука, 1970.
6. Кронрод Я.А. Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966.
7. Кронрод Я.А. О некоторых теоретических основах хозяйственной реформы // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М.: Наука, 1967.
8. Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме «Марксистско-ленинская теория развитой социалистической экономики». М.: Институт экономики АН СССР, 1970.
9. Кронрод Я.А. Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992.
10. Кронрод Я.А. Плановость и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука, 1988.
11. Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука, 1987.
12. Кронрод Я.А. Социалистическое воспроизводство. М.: Госполитиздат, 1955.
13. Кронрод Я.А. Стоимость и цена в условиях социалистической экономики // Проблемы политической экономики социализма. М.: Госполитиздат, 1960.
14. Кузьминов И.И. Очерки политической экономики социализма. От социализма к коммунизму. М.: Мысль, 1980.
15. Пашков А.И. О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме (По поводу одной концепции) // Вопросы экономики. 1971. № 11.
16. Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островитянова и др. М.: Госполитиздат, 1962.
17. Румянцев М.А. О категориях и законах политической экономики коммунистической формации. М.: Мысль, 1966.
18. Социалистическая модель О. Ланге // История экономических учений. Ч. II / Под ред. А.Г. Худокормова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
19. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М.: Мол. гвардия, 1991.
20. Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992.
21. Теория догоняющего развития Е.А. Преображенского и современность / Под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2011.
22. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.: Экономика, 2008.
23. Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация, экономическая теория / Под ред. М.И. Воейкова и др. М.: ИЭ РАН, 1996.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ ПЛЮРАЛИЗМА ПОДХОДОВ К ГОСПОДСТВУ «МЕЙНСТРИМА»?

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Байкальский государственный университет экономики и права,
e-mail: maid1960@mail.ru

Основную причину утраты историографией экономической науки своего дисциплинарного статуса автор усматривает в недостаточной рефлексии по поводу предметно-содержательных оснований и используемых дисциплиной историографических подходов. Только преодоление презентизма, характерного для построений исторической родословной, как марксистской теории в советский период, так и теорий современного неоклассического мейнстрима или неортодоксальных направлений, будет способствовать обретению дисциплиной собственного предмета и методов, отличных от современной экономической науки.

Ключевые слова: историография экономической науки; история экономической мысли; история экономической науки.

The history of economic thought has lost its status as a discipline and, according to the author, the main reason for that is insufficient reflection concerning the conceptual basis and the historiographical approaches used by the discipline. Only overcoming the presentism (whiggism), which is typical for making the historical genealogy for the Marxian economic theory in the Soviet period and also for the theories of neoclassical mainstream or heterodox theories, will conduct the discipline to get its own subject and methods that are different from modern economics.

Keywords: historiography of economics; history of economic thought; history of economics.

Коды классификатора JEL: B00, B40, N01.

История экономической мысли – уже давно и неуклонно маргинализирующаяся отрасль экономического знания. Ответственность за это вряд ли удастся возложить на одну лишь неблагоприятную «внешнюю» (идеологическую, политическую, экономическую) среду, в которой приходится существовать, а порой и просто выживать, многим отраслям социогуманитарного знания. Тем более что аналогичный процесс идет и в относительно благополучной западной науке. Основную вину за утрату дисциплинарного статуса следует возложить на нерешенность многих, прежде всего, внутридисциплинарных проблем, как социальных, так и интеллектуальных, начиная от разобщенности дисциплинарного сообщества и завершая слабой, явно недостаточной рефлексией по поводу собственных предметно-содержательных оснований и используемых историографических подходов.

Цель новая, средства старые

В своем последующем анализе обозначенных проблем оттолкнемся от предельно ясно сформулированной позиции, своими работами последних лет снискавшего авторитет и признание историко-научного сообщества, П.Н. Ключкина. По его мнению, в силу отнюдь не конъюнктурных соображений (кризис, однако), но в связи с «долгосрочным состоянием дел в отечественной науке», свое веское слово в последней должна сказать «история экономической мысли, понимаемая как научная дисциплина, а не просто коллекция фактов и сведений для повышения «общей культуры». Для полноты картины обратим внимание не только на выделенные автором курсивом слова, но и лишь на первый взгляд малозначащее уточнение: речь преимущественно идет о той части экономической науки, «которая в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого» [8, с. 155].

Сомнений в том, о какой собственно «части» науки ведется речь, не оставляют как многочисленные публикации П.Н. Ключкина, посвященные выявлению российской аналитической мыслительской традиции в теории воспроизводства и кругооборота общественного продукта [14, 15, 12, 9], так и содержание цитируемого обзора. Проблематика, обойденная вниманием отечественных историков экономической мысли, включает, помимо уже названных тем, еще и аналитический марксизм, и «темпоральную версию» Марксовой теории ценности и прибыли и другие, традиционно разрабатываемые представителями неортодоксальных ее течений.

Согласимся, прогресс экономического знания не ограничен движением к современному его мейнстриму. Если научный прогресс уподобить дереву решений, то те его ветви, что были проигнорированы в прошлом, вполне могут обеспечить движение вперед к истине, в особенности, если ныне господствующая ветвь исследований не оправдывает возлагавшихся на нее надежд в деле объяснения экономической реальности. Традиционная «ортодоксальная» историография игнорирует прошлые «развилки», способствует забвению важных идей, в силу чего и оказывается актуальным историографическое движение «назад в будущее» с целью построения исторической родословной для новой альтернативной теории. Возвратное историографическое движение ведет в данном случае не к «первому разветвлению» – неоклассической ветви науки, а к «стволу» последней¹.

Иными словами, создавая историю экономической мысли, можно отталкиваться от перспективы целого ряда представлений, взглядов или теорий, принятых в качестве стандартов суждений для их интерпретации. И необязательно «точкой возврата» в прошлое должны быть представления «победителей»: инструкции о том, как интерпретировать прошлое науки, могут давать не одни только представители мейнстрима, но и альтернативных, неортодоксальных научных направлений, будь то марксизм или неорикардизм. Создаваемая при этом история часто начинается с обсуждения текущих проблем в экономике, дающего толчок историческому движению назад во времени, чтобы возвратиться к развилке с целью поиска в прошлом «источника вырождения» экономического знания, характеризующего и современные исследования.

В свое время М. Блауг подверг критике историографическую позицию неорикардизмцев, назвав «грубым преувеличением» и «далеко идущим пересмотром всей истории экономической мысли» выделение двух «великих направлений»: одного, ведущего к современному мейнстриму; другого, неорикардизмского, идущего от Рикардо и Маркса к Сраффе и его последователям [2, с. 135]. Что заставило последних предложить риторически более изощренные историографические подходы, с одним из которых отечественный читатель смог познакомиться благодаря переводу статьи «Куда идет история экономических учений: медленно движется никуда?» Х.Д. Курца [16, с. 3–25]², в основу которой было положено президентское послание последнего Европейскому обществу истории экономической мысли [24].

Формально Х. Курц противопоставляет «виггизму» (либеральной концепции истории экономической науки)³ или презентизму традиционной историографии, изучающей прошлое экономического знания с позиций современного мейнстрима, зеркально противоположный подход исследования «современного состояния экономической науки с точки зрения ученых прошлого» [16, с. 8]. На деле же, речь идет отнюдь не об историцистском, ретроактивном подходе к познанию прошлого, а еще об одной разновидности презентистской же рациональной реконструкции, предпринимаемой с целью поиска в прошлом альтернативы.

В своем стремлении не допустить с помощью истории экономической мысли «провинциализации» экономической науки во времени, Х. Курц ратует фактически за стандартный в историографии подход, выстраивающий непрерывный, «пронизывающий» различные исторические периоды, диалог между экономистами. Меняется цель, но не средства ее достижения, и в этом смысле неорикардизмцы, предпринимающие движение назад с целью вдохнуть новую жизнь в классическое наследие, вряд ли могут считаться создателями принципиально новых историографических установок.

¹ Подробнее о «древовидных» моделях развития науки, в том числе экономической в [19, с. 40–43].

² Полный текст статьи [23, р. 463–488].

³ Название («Whig History») восходит к историкам-вигам XIX в., интерпретировавшим систему управления в средневековой Англии в свете «современности»: английская политическая история рассматривалась исключительно как прогрессивное совершенствование либеральной парламентской демократии. Во многом уничижительная характеристика «либеральная интерпретация истории», выйдя за пределы общей историографии, получила распространение и в историографии науки, где стала ассоциироваться с практикой описания процесса формирования или развития экономической теории вплоть до современного ее состояния или демонстрации связи современных идей с наследием «старых мастеров». Как результат, развитие экономической мысли приняло форму линейной прогрессии к существующим истинам.

Историография в контексте теории

«Технология» подобной реконструкции получила известность в отечественной историко-экономической науке благодаря работам того же П.Н. Клюкина, который, как и его западные коллеги, полагает, что «наложение границ исторического периода на логику развития мысли ущемляет ее права и возможности и отказывает ей в способности быть первичной реальностью» [11, с. 12]. Вследствие чего, требование непрерывности развития экономической мысли ставится выше принципа линейности, вытекающего из периодизации истории последней.

Свой подход к изучению прошлого экономического знания автор предпочитает называть «аналитической реконструкцией», противопоставляя его подходу «историографическому», который, на его взгляд, тождественен классификации исторического материала, ценой утраты его теоретического потенциала⁴. Историографический подход предполагает лишь поступательное историческое движение, которому аналитическая историография предпосылает движение возвратное с исходным пунктом в настоящем. Возвратное движение позволяет представить ту или иную теорию, концепцию, идею, метод в виде определенной мыслительной традиции, то есть сущностей важных прежде всего в их соотношении, связи с современностью, неведомыми путями избежав при этом презентистского «соблазна» – считать идеи признанного последним представителя традиции окончательной вершиной и «аршином» для измерения ее прошлого.

Преимущество подхода его автор определяет сколь витиевато, столь и образно, что не позволяет удержаться от соблазна привести обширную цитату. «Такой подход, взятый в своей абстрактной полноте, направлен на освобождение от деления истории *a priori* на предысторию (прошлое) и действительную историю, – деления, прочно восседающего в современном предубежденном уме и уничтожающего таким образом вообще всякую историю, кроме той, которая еще в памяти; он рассматривает историю не как «мертвую собаку», не как шлейф или бремя, годное для того, чтобы тащить его за собой, а при случае избавиться и вздохнуть, наконец, свободно. Он мыслит ее как пространство, которое, коль скоро в нем происходит драматическая борьба идей, делает возможным и криволинейное движение, поначалу, правда, не имевшееся в виду; это самопроизвольное отклонение атома, тем не менее, происходит, как выясняется, по внутренней логике и по принципам, по которым хранилище свободной мысли можно отличить от мечтательного мира, остающегося в вакууме» [10, с. 12–13].

Историографический подход если и обеспечивает синтез прошлого и настоящего, то не органический, а механический, «простую экстраполяцию прошлого на настоящее», пытающуюся стереть границу между ними, но не достигающую этой цели. Органический же синтез достигается благодаря возвратному движению мысли – «истории, отталкивающейся от настоящего» («подлинно исторической компоненте», «настоящей исторической ретроспективе»), которая обогащает традицию. Последнее отчетливо проявляется на этапе поступательного исторического движения, уже опосредованного предшествующим возвращением, что равнозначно «собираанию» той или иной мыслительной традиции. Автор даже предлагает «схему» поступательного движения мыслительной традиции, «формулу истории», долженствующую продемонстрировать процесс ее обогащения [13, с. 16–19; 11, с. 26–32].

Здесь, однако, следует отчетливо сознавать, какой ценой достигается это обогащение. Автор и не скрывает, что «процедура возвратного движения выявляет еще одну свою особенность: она предполагает непосредственное вмешательство исследователя в изучаемый исторический материал, достигающее до своеволия» [13, с. 19]. На деле, речь идет о конструировании традиции, осуществляемом с использованием современного категориального и понятийного аппарата, и шире — аналитического инструментария, современного «стиля мышления». Такое «свободное конструирование прошлого» историком экономической мысли, как полагает П.Н. Клюкин, оправдывается благой целью освобождения его от подгонки под настоящее. «В противном случае, что удивительно, пострадает не прошлое, а само настоящее, которое оказывается прошедшим, неспособным к движению вперед, потому что ему остается воспроизводить себя только посредством исчерпания фиксированного прошлого, т.е. посредством потребления его и эксплуатации» [11, с. 31–32].

⁴ С подобной критикой трудно согласиться из-за неправомерности отождествления историографического подхода исключительно с учетом и регистрацией экономических концепций, направлений, школ, авторов, публикаций, при отсутствии элементарных форм историографической рефлексии. Существование низшего, «фактофиксирующего» уровня в историографии науки неизбежно, как и появление работ, ограничивающихся выполнением регистрирующей функции. Хуже, когда проблема классификации экономических учений и доктрин объявляется «первой ключевой методологической проблемой, встающей перед историком экономической мысли», а решение вопроса целесообразности погружения экономической идеи в породивший их контекст или «приложения» к описанию той или иной теории ее «аналитического исследования» относится к числу дидактических, находящихся на периферии истории экономических учений как экономической науки [18, с. 156–158].

Однако, конструируя историю с использованием собственных представлений и теоретических взглядов, необходимо помнить о том, что подобная методология познания прошлого, объекта исследования, предполагает активное взаимодействие с ним исследователя исключительно на языке этого объекта, но никак не на языке исследователя. В противном случае избежать не удастся не только подгонки прошлого под настоящее, но и разрушительного в него вторжения, если только именно это, а не его познание, изначально и не было целью исследователя, движущегося «назад в будущее».

Настоящая историческая ретроспектива?

О небеспопеченности высказанных опасений, а также о принимающем порой своеобразные формы «собираании традиции» путем вмешательства в исторический материал могут свидетельствовать работы Г.Д. Гловели. Уже само направление политической экономии, именуемое им геополитической экономией, попытку осуществить реконструкцию которой как «имплицитной» тематической традиции российской экономической мысли он предпринял, является искусственно сконструированным. «Жизнью» и столь пристальным вниманием к своей родословной обязанным даже не настоящему, а будущему – перспективе его перехода «в геоэкономику как изучение условий реализации национальных интересов (включая интересы будущих поколений) в глобальной системе «много государств – один рынок» [3, с. 10].

Двигаясь «назад в будущее», автор занят поисками в прошлом, прежде всего, тех следов, что ведут к настоящему, «предвосхищают» его. Он не упускает, пожалуй, ни одного случая обнаружить у отечественных экономистов прошлого «аналитические достижения, предвосхищающие современные реальности и концепции» [4, с. 10]. Экономисты начала прошлого и позапрошлого веков в результате на десятилетия, а то и на столетие «предвосхищают» появление концепций «периферийного капитализма», «самоподдерживающегося роста», «механизма формирования устойчивой цивилизации», «экономической триполярности мира» и многих других. Новое геоэкономическое содержание обретают использовавшиеся ими понятия и категории. Реинтерпретируются, как экономико-геополитические концепции империализма русских марксистов, богдановская тектология, кондратьевская – длинных волн и т.д.

Напрасно критики подобного более чем свободного конструирования прошлого упрекают автора в отсутствии четко сформулированных теоретико-методологических оснований осуществленного исследования [5, с. 164]. Даже его приверженность хронологическому принципу изложения, насыщение работ биографическим материалом и присутствие немалой доли контекстуализма, не могут ввести в заблуждение относительно их принадлежности к крайним формам презентизма.

Быть может, беды подобного рода реконструкций коренятся в отсутствии у их авторов того, что П.Н. Ключкин называет «умением связывать прошлое и настоящее, непосредственно находить между ними общее» или «исторической способностью воображения», которой, – и с этим его утверждением трудно не согласиться, – «вряд ли можно научить в школах». Мало успокаивает то, что роль фактора, сдерживающего «игру воображения» и ограничивающего «субъективности восприятия истории», отдана им старой доброй историографии, благодаря которой и очерчивается граница области предельно допустимого применения логической реконструкции, «обретается более объективный критерий содержательного развития традиции» [11, с. 18–19]. Вот только демаркировать эту границу сама историография не в состоянии. Сделать это должен исследователь, руководствуясь при этом, наверное, еще одной способностью или «чутьем», на этот раз – к историографии.

В конечном итоге двумя этими крайне субъективными факторами определяется «успех» или, точнее, убедительность создаваемых упомянутыми авторами исторических ретроспектив, конструирующих ту или иную традицию. Их работы как раз и интересны (в разной, конечно же, степени) своей источниковедческой основательностью, обращением к неопубликованным материалам, а также присутствием значительной доли контекстуализма. Степень их убедительности или методологическая ясность заметно снижаются, когда «историческая способность воображения» неизбежно перерастает в методологический анахронизм ретроспективного прочтения текстов, а историографические «детали» обретают интерес исключительно в контексте теоретических достижений экономистов.

Презентизм – залог научности историографии?

Можно было бы уповать на ниспослание историкам мысли «исторической способности воображения» и «благодетельное» (читай – «вразумляющее») воздействие на них историографии, если бы сторонники аналитической реконструкции не стремились только за ней усматривать научный подход к познанию прошлого экономического знания, только ей делегировать право устанавливать

стандарты и наводить порядок в историко-научной области. Превращая тем самым в своеобразный «мейнстрим» предметной области историографии экономической науки, поскольку доминирование в ней презентистской методологии неизбежно ведет и к доминированию определенного видения предмета познания. Соответственно, в лучшем случае выталкивая историцистский/историографический подход за пределы этого «мейнстрима», в разряд альтернативных направлений историко-экономической науки, в худшем – оставляя на его долю ненаучное коллекционирование фактов и сведений, повышающих общую культуру экономиста.

Между тем, закрепляя дело превращения истории экономической мысли в научную дисциплину за той частью экономической науки, которая исключительно в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого, приверженцы такого «мейнстрима» фактически лишают историю экономической мысли собственного предмета и методов, отличных от современной экономической теории. История экономической мысли в этом случае – неотъемлемая часть экономической теории/теорий, что закрепляет за ней презентистскую традицию обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса.

Рациональные/аналитические реконструкции потому и оказались приоритетным историографическим направлением, что обеспечивают современное понимание старых идей и теорий, создают основание для новой теоретической работы. Истории экономической мысли, следовательно, отводится роль инструмента в строительстве современной теории, будь то мейнстрим или неортодоксальные ее направления, потребителя историко-экономического знания. В лучшем случае доводящего его до готовности в целях текущих исследований, а в некоторых – использующего лишь в качестве своеобразной «приправы»⁵ к ним, но никак не производителя нового историко-экономического знания.

Весьма типична в этом смысле, например, позиция О.Ю. Мамедова. Называя историко-экономические исследования «излюбленным занятием наших западных коллег», превратившимся у нас в «диовинку», он отнюдь не имеет в виду упадок и маргинализацию дисциплины истории экономической мысли в стране. Историко-теоретическое исследование проблемы, на его взгляд, – это один из важнейших способов обоснования последней, выступающий неперенным условием ее внутринаучной постановки, демонстрирующий исследуемую проблему как «итог внутринаучного развития экономической теории» [17, с. 8]⁶.

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма. Будь он результатом рассмотренного выше увлечения неортодоксальными направлениями, наследием марксистского периода ее бытования или «шараханья» к неоклассическому мейнстриму.

Марксистская история экономической мысли, сложившаяся в советский период, когда вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма, может служить классическим примером презентистской истории. Причем создаваться такая история могла как с акцентом на внутреннюю историю научных идей, так и путем описания исторических событий в терминах прогрессивного, поступательного развития экономической науки, их оценки с позиций презентистской перспективы⁷.

В первое постсоветское десятилетие за образец современной историко-научной методологии, способный задать траекторию движения отечественных исследований, был взят подход, отслеживающий исключительно интеллектуальное развитие предмета, неуклонное движение экономической мысли к истине – современной ортодоксии. В грехе «абсолютизации» которого покаялся его многолетний апологет М. Блауг (его учебнику надлежало выполнить функцию проводника в отечественном историко-научном сообществе новых историографических установок), отрекшийся от ставшего уже доминирующим в западной историографии подхода именно из-за скрывающегося за

⁵ Это, на наш взгляд, удачное сравнение использовала в своем президентском послании, адресованном Европейскому обществу истории экономической мысли и названном «Имеет ли история экономической мысли «серьезный» предмет?» М.-К. Маркуз для характеристики тех исследований в рамках рациональной реконструкции истории экономической мысли, авторы которых осуществляют текущий экономический анализ с использованием ссылок на авторов прошлого, добавляя, тем самым, исторический «аромат» своим моделям. Подобная «приправа» готовится зачастую без обращения к оригинальным историческим источникам и сводится к приспособлению, интерпретации оригинальных понятий, выработанных «старыми мастерами», с тем, чтобы они соответствовали нуждам современного экономического анализа. И такую «приправу» сторонники рациональных реконструкций считают «серьезным» вкладом в развитие историко-экономического знания [25, р. 110–111].

⁶ Не секрет, что значительная часть статей, появляющихся на страницах западных специализированных историко-экономических периодических изданий, представляет собой вводные главы теоретических работ их авторов, посвященные «историографии проблемы».

⁷ На презентистский характер методологии советской истории экономических учений еще в 1989 г. обратили внимание В.А. Жамин и Я.И. Кузьминов, подчеркнув, что «притягательной чертой подобного метода исторической критики является исключительная простота в обращении: вместо того, чтобы исследовать уникальные исторические условия создания того или иного произведения, достаточно “приложить” его к Марксу» [7, с. 9–10].

ним презентизма, стремления «наряжать прошлые идеи в современные одежды». В результате чего история экономической мысли в современных ее образцах превратилась в рассказ о технических достижениях в моделировании, в своеобразную «технократическую» его версию [21; 20].

Освобождение от интеллектуальной зависимости в развитии предмета экономической теории/теорий, отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических достижений или интерпретатора «старых» неизбежно ведет к противоположному полюсу оппозиции «презентизм – историзм», к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственно/собственной истории мысли (а не пред-, недо- или псевдоистории, как ее именуют оппоненты), с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней⁸.

Новый историографический подход или иная дисциплина?

Восстановление подлинного смысла научной идеи или концепции должно вестись с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру науки (в котором на определенном этапе начинает играть свою важную роль научное экономическое сообщество) и миру идеологии [1, с. 8]⁹. Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институциям или месту, где знание было произведено. Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов.

Конечные цели исследований, ориентированных в большей мере на историографические, нежели телеологические или доктринальные критерии, являются уже не теоретическими или педагогическими, а эмпирическими. Основанные на архивных разысканиях их авторов, а не только на идеях, изложенных в канонических текстах, они ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров» [6, с. 47].

Задачу добиться баланса между исторической работой по исследованию дисциплинарных практик и теоретической работой по интерпретации научных экономических текстов ставит в качестве основной историко-научный (history-of-science, history-as-science-studies) историографический подход, предложенный в последнем десятилетии минувшего века группой ведущих североамериканских историков экономической мысли (Э.Р. Вайнтрауб, Ф. Майровски, Д.У. Хэндс и др.).

Своеобразным манифестом его сторонников, настаивающим на совпадении дисциплинарных методов и стандартов исследовательской работы и оценки ее результатов с теми, что выработаны и используются историками науки (естествознания), стала статья М. Шабас [26]. Автор констатировала факт существования конфликта между дисциплиной, именуемой ею «историей экономической науки» (history of economics)¹⁰, и экономической наукой. «Экономисты, настаивая на развитии технического инструментария, утратили способность мыслить исторически и, таким образом, больше не будут стремиться к близости с историей эко-

⁸ В своем президентском послании М.-К. Маркуззо констатировала, что рациональные реконструкции утратили в современной западной истории экономической мысли былой статус легитимного и respectable способа создания историко-экономических работ, что обеспечило более высокую степень ее дисциплинарной автономии, правда, ценой некоторого отчуждения историков экономической мысли от сообщества экономистов [25, p. 111].

⁹ Отсылая читателя к краткому этому тексту, который вполне мог бы претендовать на роль манифеста сторонников исторической реконструкции или историцистского/контекстуалистского подхода в отечественной историко-экономической науке, отметим некоторую двусмысленность даваемого его автором определения ее задачи (восстановление утраченных смыслов знания), под которым охотно «подписались» бы и противники контекстуализма. Например, самая обширная их группа, занятая исключительно поиском более полного и правильного «понимания» идей экономистов прошлого – толкованием или интерпретацией их текстов в свете современных экономических познаний толкователей.

¹⁰ Исследователи нередко вкладывают различный смысл в понятие «история экономической науки» (history of economics). Одни полагают, что оно должно обозначать исключительно «господствующую» историю экономической дисциплины (mainstream history of the economic discipline), другие – «научный» период ее истории. При этом «история экономической мысли» (history of economic thought) рассматривается как название более плюралистического подхода к прошлому дисциплины, изучающего историю «донаучного» периода, взгляды экономистов «второго», «третьего» ряда, неортодоксальные течения и т.д. Однако, чаще понятия «история экономической науки» и «история экономической мысли» все же используются как синонимы, что демонстрирует, например, М. Блауг на страницах своего учебника. Между тем, переводчики его книги на русский язык, при попустительстве научных редакторов издания, допустили серьезную ошибку, переведя «history of economics» как историю экономики (history of economy или economic history) и отождествив тем самым две разные дисциплины.

номической науки или, по крайней мере, с нелиберальной (non-Whiggish) историей экономической науки. Историки должны будут смириться с этим концептуальным барьером, отделяющим их от экономистов. На мой взгляд, им надлежит оформить развод и заключить союз с историками науки» [26, р. 197].

Речь, следовательно, идет не просто о появлении еще одного подхода к изучению истории экономической мысли, а о размежевании двух разделов дисциплины как логическом результате процесса преодоления ее презентистской ориентации¹¹, поляризации историографических позиций, стремлении к «методологической ясности» (М. Блауг). Понятия «история экономической мысли» и «история экономической науки» уже не воспринимаются как синонимы, они соотносятся с определенными историографическими подходами, что можно расценивать как свидетельство процесса самоидентификации отдельных историко-экономических субдисциплин.

В отличие от истории экономической мысли, теснейшим образом связанной с современной экономической теорией/наукой, ведущей рассказ об интеллектуальном ее развитии, осуществляющей рациональную реконструкцию старых идей (их (ре)интерпретацию), результаты которой кладутся в основание текущих исследований, история экономической науки преследует собственные дисциплинарные – историко-научные – цели, решает иные задачи. Как замечает в этой связи Э.Р. Вайнтрауб, «я не думаю, что в мою задачу как историка входит спорить с экономистами о правильном способе производства экономического знания или о том, идет ли мейнстрим науки в верном или неверном направлении. Моя задача как историка заключается в том, чтобы создавать истории экономической науки, а не реконструировать дисциплину экономикс. Историческая реконструкция – написание историй экономической науки с учетом непредвиденных обстоятельств времени и места, личности и контекста – является трудной и одновременно важной задачей историка экономической науки» [28, р. 280].

В решении этой задачи сторонники подхода солидарны, пожалуй, пока лишь в одном – в противопоставлении презентизму объективного, непредвзятого подхода к историографическому материалу. Историки экономической науки предлагают поставить во главу угла оценки создаваемых реконструкций историографические критерии. Историк экономической науки, оправдывая присутствие слова «история» в названии дисциплины, должен не довольствоваться интерпретацией уже известных текстов, а быть нацелен на архивный поиск, привлечение альтернативных источников исторической информации, демонстрировать своими работами владение исследовательскими навыками и ремеслом историка. «[С]тандарты, по которым должна быть оценена отдельная работа в области истории экономической науки, совпадают с теми, по которым оцениваются исследования в истории физики или истории молекулярной биологии; определенно, это стандарты, принятые профессиональными историками для оценки исторических работ» [29].

Новый подход в историографии экономической науки не нашел пока широкого отклика у представителей историко-экономического сообщества [22], поскольку историко-научные исследования и их результаты далеко не всегда повествуют о героической прогрессивной борьбе против «темных сил времени и невежества». Из-за этого представители мейнстрима (как экономического, так и историко-экономического) рассматривают исторические реконструкции как критику, бросающую вызов эпистемологической власти господствующей науки, связывают историю экономической науки с иноверием, относят к неортодоксальным научным направлениям. Со всеми вытекающими из этого последствиями в виде сокращения учебных программ, финансирования, ограничения в доступе в профессиональные экономические издания и т.д. [27].

Кроме того, отвергая презентистскую установку на построение непрерывности развития экономической науки (достигаемой во многом благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов), историко-научный подход, настаивая на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии, неизбежно ставит на повестку дня немало вопросов, находившихся и находящихся вне поля зрения традиционной историографии. Например, вопрос об оптимальной единице историографического анализа науки, на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены как интеллектуальные, так и социальные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки актуализирует проблему поиска предпочтительных методов, которые следует применять для ее изучения и т.д. То есть вопросов и проблем, лишаящих исследователей комфортной жизни толкователей или интерпретаторов классических текстов.

Обсуждение перечисленных проблем, решение которых может способствовать выработке собственных методов и стандартов историографии экономической науки, использованию эвристического потенциала, заложенного в историко-научном подходе, представляет собой тему отдельного разговора, выходящего за рамки настоящей статьи.

¹¹ Показательно, что широкое обсуждение основных параметров историко-научного подхода развернулось в рамках дискуссии в Интернете на «форуме» Общества истории экономической мысли (The History of Economics Society Website) в 1996 г. по теме «Либеральная (презентистская) история экономической науки мертва – что теперь?» [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьин О.И.* Развитие экономической мысли: исторический контекст // История экономической мысли: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
3. *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия в России. От дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2009.
4. *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия как традиция российской экономической мысли: Автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / М.: Институт экономики РАН, 2009.
5. *Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.* Геополитическая экономия России (о книге Г.Д. Гловели «Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.)») // Пространственная экономика. 2010. № 2.
6. *Дин Ф.* Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2002.
7. *Жамин В.А., Кузьминов Я.И.* Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / Под ред. В.А. Жамин. М.: Экономика, 1989.
8. *Клюкин П.* Серия «Антология экономической мысли» и новое издание «Капитала» К. Маркса // Вопросы экономики. 2010. № 11.
9. *Клюкин П.Н.* Генетический принцип в исследовании наследия Е.Е. Слуцкого и его основные результаты // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения: Избранное. М.: Эксмо, 2010.
10. *Клюкин П.Н.* Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
11. *Клюкин П.Н.* Конъюнктурный институт в новых исторических координатах («экономическая мысль – хозяйственная система») // Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института / Науч. ред. и сост. П.Н. Клюкин. М.: Экономика, 2010.
12. *Клюкин П.Н.* Кругооборот общественного продукта в русскоязычной «традиции Туган-Барановского»: Н.И. Бернштейн и Л.В. Курской // Финансы и бизнес. 2009. № 4.
13. *Клюкин П.Н.* Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ) // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
14. *Клюкин П.Н.* Ревизия неорикардianской теории ценности и распределения: новые свидетельства и горизонты // Вопросы экономики. 2007. № 5.
15. *Клюкин П.Н.* Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2008. № 2.
16. *Курц Х.Д.* Куда идет история экономических учений: медленно движется никуда? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2008. № 3.
17. *Мамедов О.Ю.* Самые сложные проблемы – внутринаучные! // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 1.
18. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009.
19. *Полетаев А.В.* Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
20. *Blaug M.* No History of Ideas, Please, We Are Economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15. № 1.
21. *Blaug M.* On the Historiography of Economics // Journal of the History of Economics. 1990. Vol. 12. № 1.
22. *Emmett R.B.* History of Economics and History of Science. A Comparative Look at Recent Work in Both Fields // Research in the History of Economic Thought & Methodology / J.E. Biddl, R.B. Emmett (eds.). 2010. Vol. 28-A.
23. *Kurz H.D.* Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? // European Journal of the History of Economic Thought. 2006. Vol. 13. № 4.
24. *Kurz H.D.* Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? // http://www.eshet.net/src/Presidential_address_Kurz.pdf.
25. *Marcuzzo M.C.* Is history of Economic Thought a «serious» subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2008. Vol. 1. № 1 // <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>.
26. *Schabas M.* Breaking Away: History of Economics as History of Science // History of Political Economy. 1992. Vol. 24. № 1.
27. *Weintraub E.R.* Economic Science Wars // Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 29. № 3.
28. *Weintraub E.R.* Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science // Journal of the History of Economic Thought. 2001. Vol. 2.
29. *Weintraub E.R.* What Defines a Legitimate Contribution to the Subdiscipline «History of Economics?» // History of Economics Society Mail List. 1996 // http://www.eh.net/HE/hes_list/Editorials/weintraub.php.
30. *Whig History of Economics Dead – Now What?* // http://www.eh.net/HE/hes_list/index.php.

СКОЛЬКО СТОЯТ ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И УСТАРЕВШАЯ ИЗБЫТОЧНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКИМ КОМПАНИЯМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, И РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ В ЦЕЛОМ (На примере административной практики органов росфиннадзора)

С.В. НАУМОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ, филиал в г. Волгограде,
E-mail: postmastersn@yahoo.com

ТERRA ECONOMICUS

✧

2012 Том 10 № 2

В настоящей статье рассмотрено несоответствие практик регулирования российского бизнеса российскими административными органами (на примере административной практики органов РОСФИНАДЗОРА) задачам модернизации всей системы управления экономикой в РФ, выявлены внутрисистемные несовершенства в административной практике, генерирующие убытки для наиболее активной предпринимательской части экономики РФ и российского общества в целом, предложены решения по защите российского бизнеса от таких административных несовершенств.

Ключевые слова: отчетность при осуществлении валютных операций по внешнеэкономическому контракту; репатриация валютной выручки; законодательство РФ о валютном регулировании и валютном контроле; резиденты и нерезиденты как участники валютных правоотношений.

The article focuses on the inconsistency between the regulatory practices applied by the Russian administrative bodies (case study: the administrative practices of the Russian Federal Service of the Financial and Budgetary Control) with regard to the Russian businesses and the goals of modernizing the whole RF economy management system. It also reveals some internal imperfections within such administrative practices, that generate losses for the most active entrepreneurial sector of the RF economy and for the Russian society on the whole, and proposes solutions to protect the Russian businesses from such administrative imperfections.

Keywords: reporting on currency transactions under a foreign-economic contract; repatriation of foreign currency revenue; legislation of the Russian Federation on currency regulation and control; residents and non-residents as participants of currency-law relations.

Коды классификатора JEL: K2, E61.

«Мы должны целиком и полностью вытравить из нашей практики методы формального, бюрократического руководства, мы должны объявить самую решительную борьбу бюрократизму во всех его проявлениях. В этой борьбе мы должны учесть, что бюрократизм принимает у нас подчас сложные и самые разнообразные формы».

С.М. Киров

В течение длительного времени¹ в масштабах РФ все территориальные управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (далее – РОСФИНАДЗОР) проводят проверки российских компаний (резидентов), осуществляющих внешнеэкономическую деятельность с

¹ Автором исследован период с 2008 по 2012 гг. (по состоянию на 31.03.2012), а фактически проблема существует более длительный период времени.

иностранными партнерами (нерезидентами), на предмет выявления формальных, как правило, несущественных несоответствий в ведении документации по таким сделкам: контракт на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг), паспорт сделки в уполномоченном банке, справки о подтверждающих документах, справки о поступлении валюты, товарные накладные, счета-фактуры, акты о выполнении работ (оказании услуг), деловая корреспонденция и т.д. Компании-резиденты, в документах которых по результатам проверок обнаружены формальные несоответствия, привлекаются к суровой административной ответственности: штрафы за каждое нарушение начинаются от 40 тыс. руб. и могут по отдельным видам нарушений достигать до 100% от суммы валютной выручки по контракту. При этом с формальной точки зрения повышенная активность органов РОСФИННАДЗОРА в проведении проверок резидентов продиктована исключительно заботой о государственных интересах. Вместе с тем, законодательство РФ о валютном регулировании и валютном контроле в ряде случаев сформулировано неполно и неопределенно, а общие нормы законодательства РФ об административных правонарушениях, содержащиеся в КоАП РФ, не дают ответа на многие практические вопросы. Объективно складывающиеся на таком фоне противоречия в правоприменительной практике создают основу для различных форм административного давления и конфликтных практик со стороны органов РОСФИННАДЗОРА в отношении проверяемых резидентов.

Масштаб данной проблемы измеряется тысячами судебных дел в год [10]. Резиденты, оспаривая административные постановления в судебном порядке, органы РОСФИННАДЗОРА, защищая собственные решения также в судебном порядке, и судебные органы вплоть до высших инстанций совместно вынуждены тратить тысячи человеко-дней квалифицированного труда для разрешения споров, которые не имеют никакой общественной пользы, лучше сказать, формируют общественный убыток, так как в массе своей споры резидентов с органами РОСФИННАДЗОРА по признакам совершения формальных административных правонарушений, предусмотренных ст. 15.25 КоАП РФ, вызваны устаревшей избыточной регламентацией², неустраняемыми противоречиями в законодательстве РФ и необоснованным вмешательством административных органов в договорные отношения и экономическую деятельность частных лиц.

В системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности законодательство о валютном регулировании и валютном контроле выполняет, безусловно, важную функцию. Однако стремление государства придать внешнеэкономическим процессам статус правовой определенности одновременно задает и массу практических вопросов о целях, уровне детализации, качестве, стоимости регулирования и т.д.

Применительно к практике государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в РФ государство, с одной стороны, пытается создавать условия для более интенсивной работы российских компаний (резидентов) с партнерами из других стран, тем самым способствуя быстрому росту экономики РФ в целом, а, с другой стороны, стремясь ограничить неуправляемое выведение капитала за рубеж, государство предусматривает ряд ограничений в законодательстве о валютном регулировании и валютном контроле, выполнение которых часто становится проблемой для всех без исключения российских компаний-экспортеров.

Одной из таких проблем, как пишет Т. Граль, является крайне жесткая ответственность за неполучение на свои банковские счета иностранной валюты или валюты РФ, причитающейся за переданные нерезидентам товары, выполненные для нерезидентов работы, оказанные нерезидентам услуги либо за переданные нерезидентам информацию или результаты интеллектуальной деятельности [3].

Кроме того не менее суровая ответственность предусмотрена и за несвоевременное оформление и представление в уполномоченный банк паспортов сделок и других документов при осуществлении валютных операций по внешнеэкономическому контракту.

Безусловно, любое государство вправе и обязано формировать определенный порядок для ведения компаниями-резидентами внешнеэкономической деятельности. Однако такой порядок, в свою очередь, также должен основываться на нормах права более высокого иерархического уровня. В любом случае созданный и поддерживаемый государством порядок должен обладать свойством правовой определенности. Другими словами, каждый субъект внешнеэкономической деятельности должен иметь возможность, опираясь на сформулированные государством требования, получить непротиворечивые ответы на вопросы, регулярно повторяющиеся в процессе ведения внешнеэкономической деятельности, в том числе в процессе формирования установленной государством отчетности.

² Заметно устаревшей регламентацией, отдельные элементы и принципы которой были разработаны еще для целей системы административного контроля и надзора за внешнеэкономической деятельностью предприятий, действовавшей в СССР, и не изменились до настоящего времени.

Проблемы, с которыми сталкиваются российские компании (резиденты) при применении норм законодательства РФ о валютном регулировании и валютном контроле на практике, лучше всего показать на конкретном примере.

Организация А (резидент по законодательству РФ о валютном регулировании и валютном контроле) и организация Б (нерезидент по законодательству РФ о валютном регулировании и валютном контроле) находятся в договорных отношениях. Организации работают, платят налоги, зарплату персоналу, делятся прибылью с акционерами. Резидент А оказывает услуги на территории РФ для нерезидента Б. Факт оказания услуг стороны удостоверяют соответствующими актами (подтверждающими документами – в терминах законодательства РФ о валютном регулировании и валютном контроле).

В соответствии с действующим порядком отчетности по внешнеэкономическим сделкам резидент А исправно представляет справки о подтверждающих документах с приложением копий самих подтверждающих документов в уполномоченный банк, который ведет паспорт данной сделки. Кроме этого, при расчетах нерезидента Б за полученные услуги резидент А представляет в уполномоченный банк справки о поступлении валюты (валюты РФ или иного государства согласно условиям внешнеэкономического контракта).

Данные справки являются предметом повышенного внимания при проверках со стороны органов РОСФИННАДЗОРА. Почему?

В Кодексе об административных правонарушениях РФ предусмотрена ст. 15.25. Данная статья применяется органами РОСФИННАДЗОРА очень формально, так как формулировка статьи 15.25 КоАП РФ в совокупности со ст. 2.1 КоАП РФ и формулировками Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» позволяет практически безнаказанно обвинять компанию-резидента в административных нарушениях. Что означают, например, оценочные положения Закона о необходимости принятия резидентом ВСЕХ зависящих мер по соблюдению административных правил? Доводил ли когда-либо РОСФИННАДЗОР официально до сведения компаний-экспортеров исчерпывающий перечень ВСЕХ зависящих мер, за неисполнение которых чиновники РОСФИННАДЗОРА на протяжении многих лет выписывают штрафы, ссылаясь на это формальное основание? Между тем, штрафы за нарушение ст. 15.25 КоАП РФ, повторим, весьма и весьма суровые. Так, нерезидент Б может несвоевременно рассчитаться с резидентом А по внешнеэкономическому контракту, а согласно действующей правоприменительной практике, которую защищает в арбитражных судах РОСФИННАДЗОР, виновным необходимо признавать резидента А и, соответственно, штрафовать резидента А на сумму от $\frac{3}{4}$ до 100 % от несвоевременно полученной выручки по внешнеэкономическому контракту. Штрафы назначаются даже в случаях, когда на момент проверки расчет между резидентом А и нерезидентом Б фактически произведен и со стороны нерезидента Б есть объяснение причин, по которым расчеты по сделке между А и Б не могли быть произведены раньше. На практике – это многомиллионные штрафы. По наблюдениям многих авторов [1, 3, 4, 10], данная проблема существует и, на наш взгляд, уже давно могла бы привлечь внимание ответственного законодателя, но по разным причинам этого не происходит. Следствием рекордов по собираемости административных штрафов является иная реальность – значительная часть российских компаний после проверок РОСФИННАДЗОРА вынуждена либо прекращать деятельность, либо даже не пытается думать о налаживании новых деловых отношений с иностранными партнерами, так как даже крупные холдинги не всегда способны выстроить системы внутреннего контроля за движением отчетных справок и денежных средств по внешнеэкономическим сделкам в строжайшем соответствии с установленными в праве РФ требованиями, которые зачастую очень вольно интерпретируются чиновниками РОСФИННАДЗОРА.

Причин такого состояния дел несколько: это и недостаточная квалификация со стороны персонала обслуживающих банков, когда сотрудники банков, зачастую без опыта работы во внешнеэкономической деятельности, берут на себя смелость консультировать клиентов на основании противоречивых инструкций; и недостаточная квалификация собственного персонала компаний-резидентов; и банальное несовершенство построенных систем внутреннего контроля, когда нерезидент Б не платит, просит подождать резидента А, а резидент А соглашается на отсрочку платежа без требования от нерезидента Б формальных изменений во внешнеэкономическом контракте, так как сохранение успешно развивающегося бизнеса в РФ дорогого стоит. Также не переоценивать безупречность и самих административных правил, установленных в праве РФ. Иногда даже десятикратное прочтение отдельных правил не совсем

безграмотными исполнителями не прибавляет никакого понимания, что же конкретно требует исполнять тот или иной административный орган³. Для того, чтобы построить внутренние системы контроля и непрерывно следить за формированием никому по существу не нужных справок-пустографок, требуются кадры с повышенной квалификацией, которых у малых или средних предприятий, как правило, нет в достаточном количестве. Органы РОСФИННАДЗОРА знают это и в своих административных постановлениях чем только не обосновывают значимость своей работы якобы для государства и общества⁴. Вместе с тем, масштабное административное преследование российских компаний-резидентов в сугубо узковедомственных интересах того или иного органа исполнительной власти за формальные незначительные нарушения действующих норм и правил может погубить не только сферу частной предпринимательской инициативы, но и попытки государства построить качественно новую экономическую систему, в которой государственные служащие должны быть заинтересованы помогать развиваться предприятиям-налогоплательщикам, а не чинить им искусственные проверки в целях «подловить» предприятие на невыполнении той или иной второстепенной формальной обязанности.

О масштабности административного преследования компаний-резидентов со стороны органов РОСФИННАДЗОРА свидетельствует количество (по несколько тысяч в год!) дел⁵, ежегодно рассматриваемых на уровне первых, апелляционных, кассационных и надзорных инстанций в системе арбитражных судов РФ, предметом спора в которых являются, как правило, общественно неопасные малозначительные и/или невиновные нарушения подзаконных нормативных актов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность.

Как мы покажем ниже, одним из доказательств такого необоснованного вмешательства органов РОСФИННАДЗОРА в договорные отношения и экономическую активность частных лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность в соответствии с правом РФ, является достаточно высокая удельная доля обращений российских компаний (резидентов) в арбитражные суды с заявлениями о признании незаконными административных постановлений органов РОСФИННАДЗОРА в отношении определенных составов правонарушений, образующих в совокупности статью 15.25 КоАП РФ, удовлетворенных арбитражными судами в пользу российских компаний (резидентов) по одному или одновременно нескольким правовым основаниям:

а) **отсутствие события правонарушения**, т.е. отсутствие объективной стороны правонарушения в поведении российской компании (резидента);

б) **отсутствие вины**, т.е. отсутствие субъективной стороны правонарушения в формально противоправном поведении российской компании (резидента);

в) **истечение срока давности** (один год) для привлечения к административной ответственности со дня совершения административного правонарушения;

³ Например, правильно определить признаки противоправного неисполнения резидентом обязанности «обеспечить получение от нерезидента валютной выручки в сроки, предусмотренные внешнеэкономическим контрактом» (п. 1 ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле») и признаки противоправного неисполнения резидентом обязанности «получить от нерезидента валютную выручку в установленный срок» (ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ), т.е. правильно определить, чем смысл в выражении «обеспечить получение выручки» отличается от смысла в выражении «получить выручку», долгое время не могли даже многие судьи арбитражных судов – делали многочисленные ошибки в обосновании судебных решений по данной категории административных дел. В этой связи Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ потребовалось в 2009 и 2010 гг. дважды разъяснять в своих постановлениях, какой правильный вывод необходимо делать нижестоящим арбитражным судам из системного анализа названных правовых норм.

⁴ Например, во многих постановлениях РОСФИННАДЗОРА можно встретить следующее универсальное обоснование законности административного решения: «Целью Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» является обеспечение реализации единой государственной валютной политики, а также устойчивости валюты РФ и стабильности внутреннего валютного рынка РФ как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества. Существенная угроза охраняемым государством общественным отношениям по осуществлению валютного контроля заключается в пренебрежительном отношении резидента (нарушителя) к требованиям публичного права, к исполнению своей публично-правовой обязанности – обязанности исполнять требования валютного законодательства РФ. О высокой степени общественной опасности посягательств на интересы государства в области реализации единой государственной валютной политики, обеспечения устойчивости валюты РФ и стабильности внутреннего валютного рынка, свидетельствует значительный размер штрафа и длительный срок давности привлечения к административной ответственности. Безразличное отношение резидента к исполнению своих обязанностей в сфере валютного регулирования представляет собой существенную угрозу охраняемым правом общественным отношениям. Правонарушение в виде нарушения валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования посягает на установленный порядок осуществления валютных операций, цель установления такого порядка – обеспечение экономической безопасности РФ, а также защита внутреннего рынка РФ».

⁵ Эта статистика находится в открытом доступе, например, в справочной правовой системе Консультант плюс, а также ее можно получить из первичного источника официальной информации: база данных Высшего Арбитражного Суда РФ, электронная картотека арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru/>.

г) **нарушение установленного законом порядка привлечения к административной ответственности;**

д) **освобождение от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения.**

Характерной особенностью данной категории административных дел (ст. 15.25 КоАП РФ) является чрезмерный формализм в применении законодательства РФ со стороны органов Росфиннадзора, вынуждающий субъектов внешнеэкономической деятельности искать защиту в судах РФ, апеллируя, прежде всего, к здравому смыслу и целям применения права, которое, как известно, в долгосрочной перспективе не может выступать надежным прикрытием антисоциальных чиновничьих поступков. Однако, практически во всех случаях, Росфиннадзор пытается оправдать свой формализм высокой степенью общественной опасности посягательств на интересы государства в области реализации единой государственной валютной политики, обеспечения устойчивости валюты РФ и стабильности валютного рынка. Но так ли это на самом деле? Решения арбитражных судов в пользу организаций, добросовестно исполняющих многочисленные и противоречивые обязанности в данной сфере правового регулирования, со всей очевидностью свидетельствуют об обратном.

На наш взгляд, удивительно, что чиновники Росфиннадзора не спешат вносить коррективы в административную практику своего ведомства даже после официальных разъяснений Высшим Арбитражным Судом РФ правовых позиций по сложным вопросам применения административного законодательства РФ.

При рассмотрении дел на уровне первичных административных инстанций, например, крайне редко принимается во внимание анализ правовых норм, устанавливающих в праве РФ обязанности и ответственность резидента за невыполнение обязанности, содержащейся в п. 1 ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», который дан Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ. Так, в одном из постановлений Президиума ВАС РФ дано повторное, предельно четкое разъяснение порядка применения статьи 15.25 КоАП РФ⁶.

«... В силу пункта 1 части 1 статьи 19 Федерального закона от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон о валютном регулировании, Закон) при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты, если иное не предусмотрено данным Законом, обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Согласно части 4 статьи 15.25 КоАП РФ невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по получению на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающихся за переданные нерезидентам товары, выполненные для нерезидентов работы, оказанные нерезидентам услуги либо за переданные нерезидентам информацию или результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц и юридических лиц в размере от трех четвертых до одного размера суммы денежных средств, не зачисленных на счета в уполномоченных банках.

Системный анализ названных правовых норм позволяет сделать вывод о том, что получение резидентом валютной выручки с превышением срока, предусмотренного контрактом, по причине несвоевременной оплаты нерезидентом, **при отсутствии фактов противоправного поведения резидента, препятствующего получению валютной выручки на свои банковские счета в уполномоченных банках**, не образует объективной стороны состава правонарушения, установленного частью 4 статьи 15.25 КоАП РФ».

Однако даже после повторного официального разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ о порядке применения норм административного законодательства РФ органы Росфиннадзора ничего по существу не изменили в практике контроля валютных операций, совершаемых российскими компаниями (резидентами), что подтверждается устойчивым сохранением высокого уровня

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 30.03.2010 №15970/09 по порядку применения ст. 15.25 КоАП РФ было вынесено высшей судебной инстанцией по разрешению данной категории споров повторно после разъяснения правовой позиции ВАС РФ по аналогичному вопросу годом ранее в постановлении Президиума ВАС РФ от 28.04.2009 №15714/08.

количества исков российских компаний (резидентов) к органам РОСФИННАДЗОРА с требованием об отмене необоснованных административных постановлений⁷.

В общем виде выявленные проблемы мы формулируем следующим образом.

1. В современных условиях действующее законодательство РФ о валютном регулировании и валютном контроле является неэффективным и концептуально устаревшим инструментом государственного регулирования внешнеэкономической деятельности российских компаний-резидентов, в капитале которых государство не принимает никакого участия. Многие нормы не пересматривались в течение многих лет либо, если и пересматривались, то формально и несистемно. С каждым годом, с учетом принимаемых новых норм, они мешают тем, кто еще способен работать в этих условиях, все больше и больше. На федеральном уровне нет инициативы разобраться, действительно ли новые составы правонарушений и суровые штрафы способствуют решению проблемы, или, наоборот, усложняют систему, делая область правового регулирования любых доходных видов предпринимательской деятельности заведомо недоступной для понимания и правильного исполнения.

2. Никакой, даже самый подробный закон не может действовать автоматически, т.е. без людей. Люди принимают законы и люди должны следить, чтобы законы не вступали в противоречие со здравым смыслом. Следовательно, действия должностных лиц в органах власти, наделенных ответственными полномочиями, должны оцениваться регулярно и объективно в рамках вневедомственного контроля. Ведомственный контроль не дает никаких значимых результатов. Количество контролирующих лиц умножается, их компетенция зачастую не на должном уровне. В сложившейся системе власти РФ недостаточно организационных звеньев, непрерывно и эффективно действующих в интересах модернизации системы административных норм и правил.

3. Решение накапливающихся в системе противоречий только через суд – изначально неверное направление. Суды перегружены разрешением споров, которые, в принципе, не должны выходить на уровень судебных разбирательств. Исполнительная власть на всех уровнях проявляет неспособность предметно, по делу вести диалог с представителями компаний, а представители компаний не считают возможным тратить дорогое время на просвещение представителей власти по элементарным вопросам, так как общая тенденция показывает, что внутри административных органов на руководящих позициях практически нет способных работников, объективно заинтересованных в генерировании общественно-полезных изменений в системе в целом.

4. Кадры, как и в прежние времена, решают все, а обученные, квалифицированные и ориентированные на созидание кадры могут решать еще больше. Однако, существующая система подбора и воспитания кадров во внутриведомственных административных элитах не способна расставить на командные высоты людей, любящих Россию больше, чем собственный капитал.

Несмотря на то, что история мировой экономики наглядно подтверждает малопродуктивность, а чаще и контрпродуктивность административных методов регулирования деятельности экономических субъектов, данные методы невозможно полностью игнорировать в системе государственного управления, особенно на современном этапе развития российского общества. Вместе с тем, последнее не означает, что эффективность деятельности административных органов не может быть оценена вовсе, в том числе методами экономического анализа, хотя бы и с условно принятой точностью в расчетах, учитывая в данном случае повышенную сложность предмета и целей оценки.

При этом мы понимаем, что проблема низкой эффективности государства (в данном случае государства, представленного органами РОСФИННАДЗОРА) не сводится к проблеме отдельных государственных служащих. Бессистемная замена одних госработников на других принципиально ничего не может усовершенствовать. Таким образом, это ложная проблема и ложная цель. Реальная проблема низкоэффективного управления состоит в низкоэффективной системе правил ведения общих дел. Совершенствование данной системы есть настоящая цель и надежный показатель последовательности любых государственных реформ [8].

Объем данной статьи, к сожалению, не позволяет дать количественную и качественную характеристику административной практики органов РОСФИННАДЗОРА по каждому из десяти федеральных судебных округов, действующих в системе арбитражных судов РФ (Волго-Вятский округ, Восточно-Сибирский округ, Дальневосточный округ, Западно-Сибирский округ, Московский округ, Поволжский округ, Северо-Западный округ, Северо-Кавказский округ, Уральский округ, Центральный округ). Однако, учитывая, что выявленные в результате исследования тенденции и закономерности не зависят от территориальных границ конкретных судебных округов, полагаем, что полный

⁷ См. данные Высшего Арбитражного Суда РФ, зарегистрированные по данной категории споров в электронной картотеке арбитражных дел <http://kad.arbitr.ru/>.

анализ административных споров, рассмотренных арбитражными судами первой, апелляционной и кассационной инстанции (каждое дело проанализировано по всей иерархии инстанций) в двух из десяти федеральных судебных округов, а именно в Восточно-Сибирском и Центральном арбитражных округах⁸, достаточно объективно формирует общее представление о масштабе исследуемой проблемы и направлениях ее решения.

За период с 2008 по 2012 гг. (по состоянию на 31.03.2012) в арбитражных судах Восточно-Сибирского и Центрального арбитражных округов рассмотрено **2464** спора между компаниями (резидентами), осуществляющими внешнеэкономическую деятельность, и органами РОСФИННАДЗОРА по всем составам правонарушений по ст. 15.25 КоАП РФ (часть 1, часть 2, часть 3, часть 4, часть 5, часть 6), т.е. в среднем арбитражные суды всех инстанций данных арбитражных округов рассматривали ежемесячно **не менее 48 дел** данной категории споров. Учитывая, что после первой инстанции достаточно большое количество дел данной категории споров рассматривалось в установленном порядке и вышестоящими судами (арбитражными судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанции), общее количество рассмотрений **2464** споров составляет существенно большую величину – **3920**. Со стороны компаний (резидентов) в судебных заседаниях участвовало **1179** представителей при рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции, **500** представителей – в апелляционной инстанции и **106** – в кассационной инстанции. Со стороны органов РОСФИННАДЗОРА в судебных заседаниях участвовало **1299** представителей при рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции, **433** представителя – в апелляционной инстанции и **113** – в кассационной инстанции. Общее количество судей всех инстанций, вовлеченных в судебные процессы, в результате которых было рассмотрено **2464** дела, составляет **2534** судей по первой инстанции, **1049** судей по апелляционной инстанции, **279** судей по кассационной инстанции и **58** судей по надзорной инстанции. При этом также важно учитывать, что каждое судебное заседание протоколировали и технически обеспечивали секретари судебных заседаний, а при подготовке дела помощь судьям оказывали штатные помощники судей. Таким образом, если за основу расчетов количества затраченных человеко-дней принять норматив **5 дней**, который предусмотрен законодательством РФ для составления судебного акта судьями арбитражных судов, и этот же норматив **5 дней** применить к временным затратам представителей компаний (резидентов) и органов РОСФИННАДЗОРА на минимально необходимую подготовку к судебным заседаниям, тогда общее количество человеко-дней, потраченных со всех сторон на участие в судебных заседаниях, в которых рассматривались дела данной категории споров, составит **37750** человеко-дней⁹. Это тридцать семь тысяч семьсот пятьдесят человеко-дней безыдейно потраченного квалифицированного труда! В масштабах страны такого рода потери превышают сотни тысяч человеко-дней. На наш взгляд, государству РФ, российским компаниям, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность, и обществу в целом нужно вдуматься в эти цифры и постараться решить очевидный вопрос – действительно ли в новой экономике XXI века экономические успехи государства могут настолько серьезно зависеть от масштаба и формальной полноты административного контроля и надзора за внешнеэкономической деятельностью частных лиц?

По результатам рассмотрения споров компаний (резидентов) с органами РОСФИННАДЗОРА в **1244** случаях, что составляет 50 % от общего количества дел, компании (резиденты) смогли защититься от необоснованных административных постановлений органов РОСФИННАДЗОРА о привлечении компаний (резидентов) к административной ответственности.

Общая сумма административных штрафов, изначально наложенных на компании-резидентов чиновниками РОСФИННАДЗОРА по итогам административных проверок за указанный выше пери-

⁸ Восточно-сибирский арбитражный округ. Федеральный арбитражный суд ВСО (официальный сайт - <http://fasvo.arbitr.ru/>) осуществляет проверку решений, принятых арбитражными судами Забайкальского края, Иркутской области, Красноярского края, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Республики Хакасия и судебных актов арбитражных апелляционных судов, образованных в данном судебном округе (3-й и 4-й арбитражные апелляционные суды).

Центральный арбитражный округ. Федеральный арбитражный суд ЦО (официальный сайт - [сайт - http://fasvo.arbitr.ru/](http://fasvo.arbitr.ru/)) осуществляет проверку решений, принятых арбитражными судами Белгородской области, Брянской области, Воронежской области, Калужской области, Курской области, Липецкой области, Орловской области, Рязанской области, Смоленской области, Тамбовской области, Тульской области и судебных актов арбитражных апелляционных судов, образованных в данном судебном округе (19-й и 20-й арбитражные апелляционные суды).

⁹ Эта величина затрат рассчитана без учета временных затрат помощников, секретарей и других технических исполнителей, а также без учета временных затрат со стороны компаний-резидентов и органов РОСФИННАДЗОРА на досудебной стадии урегулирования формальных по существу разногласий, противоречиво и неполно урегулированных в нормах законодательства РФ о валютном регулировании и валютном контроле. И это, повторим, величина затрат только по 2 из 10 федеральных судебных округов в системе арбитражных судов РФ, проанализированных в ходе настоящего исследования.

од составила **738 539 910 руб. 46 коп.**, т.е. в среднем **299 732 руб. 10 коп.** номинальной суммы административного штрафа в расчете на одно судебное дело. При этом сумма административных штрафов по административным постановлениям, оставленным в силе (т.е. по 50% дел от общего количества дел), составила **343 996 511 руб. 80 коп.**, соответственно, сумма денежных средств, сохраненных в бюджетах компаний (резидентов) составила **394 543 398 руб. 66 коп.**, т.е. в стоимостном выражении соотношение доходов в бюджет, причитающихся от административных штрафов, и возвратов из бюджета по результатам судебного оспаривания необоснованных постановлений органов РОСФИННАДЗОРА составляет **46,6%** к **53,4%**. Это свидетельствует о высокой доле необоснованных претензий к российским компаниям (резидентам) со стороны чиновников органов РОСФИННАДЗОРА по результатам административных проверок.

Если анализировать данную категорию арбитражных дел более детально по структуре дел, то на часть 1 ст. 15.25 КоАП РФ приходится **129** споров, на часть 2 – **0** споров, на часть 3 – **0** споров, на часть 4 – **225** споров, на часть 5 – **99** споров, на часть 6 – **2011** споров.

Наиболее частыми бесспорными основаниями для отмены незаконных и необоснованных административных постановлений судьи арбитражных судов указывали в своих судебных актах следующие основания (в порядке убывания, начиная с основания, наиболее часто цитируемого в судебных актах):

- 1) освобождение от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения – **774** случая прямого цитирования в судебных актах данного основания;
- 2) отсутствие события правонарушения, т.е. отсутствие объективной стороны правонарушения в поведении российской компании (резидента) – **648** случаев;
- 3) нарушение установленного законом порядка привлечения к административной ответственности – **244** случая;
- 4) отсутствие вины, т.е. отсутствие субъективной стороны правонарушения в формально противоправном поведении российской компании (резидента) – **117** случаев;
- 5) истечение срока давности (один год) для привлечения к административной ответственности со дня совершения административного правонарушения – **28** случаев.

Можно ли при таком положении дел российским компаниям (резидентам) или их зарубежным партнерам что-то серьезно планировать при ведении на территории РФ внешнеэкономической деятельности? На наш взгляд, нет¹⁰.

В публикациях по исследуемой проблематике есть очень точные оценки¹¹ сложившейся весьма нездоровой ситуации в области валютного контроля, осуществляемого силами чиновников РОСФИННАДЗОРА:

1. Как показывает практика, предусмотренные санкции могут быть не адекватны тяжести совершенных правонарушений. Нередки случаи, когда сумма валютной операции, отчетность по которой представлена с нарушением порядка или срока, имеет небольшой размер, при этом размер штрафа, полагающегося за этот проступок, будет многократно превышать сумму самой операции, что представляется несправедливым и способствует дискредитации валютного контроля как государственной функции.

2. Незначительными зачастую являются нарушения, допускаемые при оформлении паспортов сделок, при этом тяжесть наказания не всегда соответствует их общественной опасности.

3. У органов РОСФИННАДЗОРА есть возможность по своей инициативе применять в особых случаях ст. 2.9 КоАП РФ (малозначительность), но, как показывает практика, освобождение от административной ответственности по ст. 15.25 КоАП РФ за малозначительностью имеет место не часто.

4. Законодателю необходимо пересмотреть меру административной ответственности по ряду норм КоАП РФ, так как существующие санкции не всегда способствуют достижению целей административного наказания. Излишне суровое наказание за мелкие нарушения валютного законода-

¹⁰ Результаты настоящего исследования позволяют увидеть конкретные системные проблемы в сложившейся практике государственного регулирования экономики и частично объяснить причины отнюдь не объективного характера, удерживающие Россию на 120-м месте в глобальном рейтинге стран по условиям ведения бизнеса. В феврале текущего года в ту пору премьер-министр РФ Владимир Путин говорил о том, что перед Россией стоит задача в ближайшие несколько лет войти в число стран с наиболее привлекательным деловым климатом и подняться на 20-е место со 120-го по условиям ведения бизнеса. На наш взгляд, без концептуального пересмотра административного законодательства РФ в экономической области и одновременно с этим целей и задач административной практики органов государственного управления преодолеть путь в 100 ступеней вверх практически невозможно.

¹¹ Даже со стороны представителей главного надзорного органа в РФ (прокуратуры), как, например, в работе помощника Дмитровского городского прокурора Московской области, советника юстиции Л.Д. Вильде [2].

тельства будет лишь провоцировать недовольство со стороны участников валютных сделок и явится дополнительным аргументом для сторонников отмены валютного контроля.

5. Явным недостатком статьи 15.25 КоАП РФ является несоответствие отдельных ее положений отраслевому валютному законодательству.

6. До настоящего времени не осуществлено, в связи с чем очевиден вывод об отсутствии, надлежащего мониторинга валютного и связанного с ним административного законодательства, что может иметь негативные последствия в ходе правоприменения.

7. В целях укрепления законности и правопорядка в валютной сфере существует необходимость совершенствования действующего административного законодательства.

На наш взгляд, обобщенные в ходе исследования исходные данные, количественная и качественная характеристики административной практики органов РОСФИННАДЗОРА по составам правонарушений, предусмотренных ст. 15.25 КоАП РФ, указывают на необходимость кардинальных изменений административной практики органов РОСФИННАДЗОРА, в том числе путем разработки изменений в соответствующие положения действующего законодательства РФ о валютном регулировании и валютном контроле. Однако, очевидно, что до начала разработки конкретных изменений в отраслевом экономическом законодательстве РФ, на уровне Правительства РФ должны быть выработаны общие цели и принципы, по которым в ближайшее время сможет работать новое правительство.

В результате проведенного исследования нами сделан ряд наблюдений, из которых следует, что вероятность защиты компании (резидента) от необоснованных требований со стороны РОСФИННАДЗОРА выше в тех случаях, когда компания (резидент) изначально при формировании системы управления внешнеэкономической деятельностью предусматривает подсистему упреждающего внутрикорпоративного контроля за внешнеэкономическими сделками.

В качестве необходимых элементов такой подсистемы желательно предусмотреть следующие **организационные решения**:

1) наличие в компании, как минимум, одного специалиста, владеющего проблематикой вопросов, урегулированных в базовом Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле»;

2) наличие разработанного положения (рабочей инструкции, или карты процесса) о порядке согласования в компании внешнеэкономических контрактов, которым предусмотрено, что ни один контракт компании с действующими или потенциальными иностранными партнерами не должен заключаться без согласования его условий со специалистом, ответственным в компании за обеспечение соответствия деятельности компании (в части ведения внешнеэкономической деятельности) требованиям законодательства РФ о валютном регулировании и валютном контроле;

3) наличие в системе документооборота компании правил обособленного учета входящей и исходящей корреспонденции по внешнеэкономической деятельности и исполнительной документации по внешнеэкономическим контрактам;

4) наличие в компании регулярно проверяемого (не реже чем 1 раз в месяц) свода требований законодательства РФ к порядку оформления и представления в уполномоченный банк паспортов сделок и других документов при осуществлении валютных операций по внешнеэкономическому контракту;

5) наличие в действующей системе менеджмента качества самостоятельного процесса по осуществлению внутрикорпоративного контроля за внешнеэкономическими сделками, взаимосвязанного с другими процессами СМК, и максимально приближенных к практике работы компании критериев качественного исполнения данного процесса (для возможности проведения независимого аудита созданной подсистемы).

Анализ арбитражных дел по спорам с органами РОСФИННАДЗОРА, завершенных в пользу компаний (резидентов), также позволяет обобщить меры, которые компаниям (резидентам) желательно предпринимать **на стадии подготовки внешнеэкономического контракта**:

1) перед подписанием внешнеэкономического контракта необходимо проверить надежность иностранного делового партнера, его финансовое положение, кредитную историю, коммерческую репутацию, учредительные документы, разрешительную документацию (при наличии) и полномочия лиц, представляющих компанию-нерезидента в планируемой внешнеэкономической сделке;

2) предусмотреть на стадии переговоров и прописать во внешнеэкономическом контракте четкий исполнительный механизм всей сделки;

3) предусмотреть во внешнеэкономическом контракте формы расчетов, которые максимально могут снизить риск неисполнения нерезидентом обязанности по оплате товаров (работ, услуг) в соответствии с условиями контракта;

4) согласовать в качестве существенного условия планируемой сделки условия внешнеэкономического контракта, регулирующие различные способы обеспечения исполнения обязательств компанией-нерезидентом в соответствии с правом, которое стороны согласовали в качестве регулирующего права для конкретной внешнеэкономической сделки (например, условие о банковской гарантии, залоге, поручительстве, задатке и др. способах обеспечения исполнения обязательств);

5) предусмотреть в условиях внешнеэкономического контракта положения о неустойке (штрафах, пени) за просрочку исполнения денежных обязательств со стороны компании-нерезидента (наличие такого условия в контракте позволяет более эффективно формировать правовую позицию для защиты компании-резидента от необоснованных требований органов РОСФИННАДЗОРА в судебном порядке);

6) исключить из условий внешнеэкономического контракта любые положения, регулирующие право компании-нерезидента на проведение зачета во взаиморасчетах по внешнеэкономической сделке (поскольку правила о зачете денежных обязательств при совершении валютных операций в иностранной валюте или в валюте РФ существенно по-иному урегулированы в законодательстве РФ о валютном регулировании и валютном контроле, чем в аналогичном законодательстве большинства экономически развитых стран);

7) проверить наличие в проекте внешнеэкономического контракта всей информации, необходимой для заполнения паспорта сделки по факту заключения данного контракта, и в случае отсутствия полноты сведений своевременно запросить у иностранного контрагента копии необходимых документов (как правило, это очень важно для начала работы с компаниями-нерезидентами, не имеющими постоянного представительства на территории РФ).

Проведенное исследование указывает, на наш взгляд, на актуальную научную проблему межотраслевого характера. В современном Государстве Российском давно наступил тот момент, когда принятие органами государственной власти все более новых нормативных требований, указаний, инструкций и т.д., сочетающееся с нарастающим объемом неустраняемых противоречий с ранее принятыми нормативно-правовыми актами, не приводит к ожидаемому повышению эффективности государственного регулирования крупных экономических процессов. С одной стороны, это свидетельствует о значительной утрате механизмов мотивации персонала органов государственной власти к полезной долгосрочной системной работе. С другой стороны, говорит о снижении управленческого аппарата уровня концептуального понимания направлений модернизации всей системы управления в РФ, в том числе и из-за недостатка четкой формализации конкретных проблем, требующих точного оперативного решения.

Анализ конкретной административной практики, непосредственно влияющей на качество инвестиционного климата в РФ, показывает, что выявленная проблема является весьма актуальной. И не только в части несовершенств в административной практике органов РОСФИННАДЗОРА. По нашему убеждению, экономическая наука современной России должна сегодня не только признать нарастающий объем противоречий между формально установленными целями и фактическими результатами деятельности государственных органов, регулирующих крупные экономические процессы, но и выработать концептуально иные принципы моделирования государства (как системообразующего экономического субъекта) в новом экономическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев В. Ответственность за нарушения в области валютного регулирования // Бухгалтер и закон. 2010. № 10.
2. Вильде Л. Вопросы совершенствования нормы об административной ответственности за нарушение валютного законодательства и актов органов валютного регулирования // Налоги. 2011. № 25.
3. Градь Т. Экспортеры в группе риска! // Консультант. 2010. № 21.
4. Кожина А. Нормы валютного регулирования и валютного контроля // Клуб главных бухгалтеров. 2010. № 11.
5. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И.Л. Бачило и др.; Под общ. ред. Н.Г. Салищевой. М.: Проспект, 2011.
6. Куликов А. Резиденты и нерезиденты как участники валютных правоотношений // Финансовое право. 2011. № 4.
7. Липатов Э.Г., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Административная ответственность: учебно-практическое пособие / Под ред. С.Е. Чаннова. М.: Волтерс Клувер, 2010.
8. Наумов С.В. Совершенствование государственного и муниципального управления на основе плана экономии общественных затрат. Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2004.

-
9. *Нечипоренко Е., Сараев Д.* Административная ответственность за нарушение валютного законодательства // Финансовая газета. 2006. № 25–26.
 10. *Паневина Е.* Репатриация валютной выручки // ЭЖ-Юрист. 2010. № 47.
 11. *Шохина Э.* Валютное законодательство: проблемные аспекты // Внешнеторговое право. 2010. № 2.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ ШТРАФОВ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.В. ШМАКОВ,

кандидат экономических наук,
Новосибирский государственный технический университет,
e-mail: a.shmakov@mail.ru;

С.П. ПЕТРОВ,

аспирант,
Новосибирский государственный технический университет,
e-mail: petrov.s.p@mail.ru

В статье предлагается подход к определению оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства, основанный на анализе стимулов хозяйствующих субъектов к нарушению данного законодательства; подход апробируется на примере субъектов нефтяной отрасли РФ.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; воздействие антимонопольного законодательства на стимулы хозяйствующих субъектов; оптимальная величина штрафа.

The article proposes approach to identification of the optimal value of fine for the violation of antitrust law, based on the analysis of incentives of economic entities to violate the law; this approach was tested on the example of the entities of oil industry of Russian economic.

Keywords: antitrust law, the influence of the antitrust law on the incentives of economic entities, the optimal value of fine.

Коды классификатора JEL: E61, K21, L20, L40.

1. Постановка проблемы

Принимая решение о нарушении антимонопольного законодательства хозяйствующие субъекты руководствуются принципом сравнения величин ожидаемой выручки от такого нарушения с величиной ожидаемых от него издержек, включающей санкции за нарушение законодательства. Санкции, таким образом, выполняют экономическую функцию сдерживания деятельности хозяйствующих субъектов, направленной на нарушение антимонопольного законодательства.

На практике величина установленных штрафов зачастую не выполняет в полной мере функцию сдерживания, воздействуя на мелкий бизнес, но практически не влияя на систему стимулов крупных хозяйствующих субъектов. При сложившемся положении высока доля повторных нарушений антимонопольного законодательства РФ хозяйствующими субъектами. Например, в 2009 г. доля повторных нарушений в общем количестве нарушений по ст. 10 и 11 (злоупотребление доминирующим положением, сговоры и согласованные действия) ФЗ РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [8] составила 32,7%. В целом в 2007-2009 гг. треть всех нарушений со стороны хозяйствующих субъектов носила характер повторного нарушения, из них более половины приходилось на действия естественных монополий [6, с. 194–195]. Все это обуславливает актуальность определения оптимальной величины санкций за нарушение антимонопольного законодательства, способствующих достижению общественной эффективности.

Цель работы: сформировать подход к определению оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства.

2. Воздействие штрафов за нарушение антимонопольного законодательства на стимулы хозяйствующих субъектов

Для определения оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства предлагается модель поведения хозяйствующего субъекта в условиях регулирования его деятельности антимонопольными органами.

Предпосылки модели:

1. Базовой целью антимонопольного законодательства является предотвращение потерь общественной эффективности в результате деятельности хозяйствующих субъектов, связанной с ограничением конкуренции. Данные потери могут выражаться в росте цен на продукцию, в снижении дифференциации предложения и увеличении вероятности появления товарного дефицита, в росте Х-неэффективности, в снижении затрат на НИОКР и т.д. [1] В данной работе мы ограничим понятие потерь общественной эффективности от нарушения антимонопольного законодательства превышением цены продукции относительно конкурентного уровня.

2. Хозяйствующий субъект принимает решение о нарушении норм антимонопольного законодательства, сравнивая ожидаемую рентабельность в случае нарушения антимонопольного законодательства с учетом санкций (ER) и нормальный уровень рентабельности при соблюдении антимонопольного законодательства (R). Если показатель ER превышает R , принимается решение о нарушении норм антимонопольного законодательства. Если показатель ER оказывается ниже R , хозяйствующий субъект соблюдает нормы антимонопольного законодательства.

3. Вероятность наказания нарушителя нормы антимонопольного законодательства (p) зависит от интенсивности нарушения, выражающейся через величину возникающего вследствие нарушения превышения фактической рентабельности над нормальным уровнем (k). Чем больше показатель k , тем выше вероятность обнаружения нарушителя, при этом темп прироста величины p при росте показателя k имеет возрастающий характер.

4. Модель ориентирована на анализ воздействия штрафных санкций, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях РФ для юридических лиц. Возможность применения иных санкций, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, не рассматривается.

5. Функции ожидаемых частных издержек нарушения антимонопольного законодательства (TC_M), ожидаемой частной выручки от нарушения антимонопольного законодательства (TR_M) и издержек общества от нарушения антимонопольного законодательства (TC_S) зависят от интенсивности нарушения, определяемого через параметр превышения фактической рентабельности над нормальным уровнем (k), т.е. $TC_M = f(k)$, $TR_M = g(k)$, $TC_S = z(k)$:

5.1. Функция ожидаемых частных издержек нарушения антимонопольного законодательства зависит от величины санкций за нарушение. В случае отсутствия санкций $TC_M = 0$ для любого k . В случае наличия санкций $TC_M \geq 0$. Поскольку при росте показателя k вероятность обнаружения нарушителя возрастает, $TC_M'(k) > 0$. Поскольку темп прироста вероятности при росте показателей k имеет возрастающий характер, $TC_M''(k) > 0$. При отсутствии нарушения санкции не применяются и $TC_M(0) > 0$.

5.2. Функция ожидаемой частной выручки хозяйствующего субъекта от нарушения антимонопольного законодательства зависит от параметра k . При отсутствии нарушения выручка от него равна нулю, $TR_M(0) > 0$. Поскольку при росте параметра k увеличивается вероятность обнаружения нарушения, темп прироста ожидаемой предельной выручки от нарушения антимонопольного законодательства снижается, т.е. $TR_M'(k) > 0$. При этом предельная выручка от нарушения антимонопольного законодательства при увеличении параметра k может принимать как положительные, так и отрицательные значения.

5.3. Функция издержек общества от нарушения антимонопольного законодательства возрастает при росте параметра k , поскольку доля выигрыша потребителя, присваиваемого хозяйствующим субъектом, растет, т.е. $TC_S'(k) > 0$.

Прежде всего, формализуем указанную выше базовую цель антимонопольного законодательства (предпосылка 1). Нарушение хозяйствующим субъектом антимонопольного законодательства и осуществление мер, ограничивающих конкуренцию, приводит к двум эффектам:

- 1) росту доходов нарушающего законодательство хозяйствующего субъекта (сумма А);
- 2) увеличению издержек общества, связанных с ограничением конкуренции (сумма В).

Для оценки эффективности мер антимонопольного регулирования воспользуемся критерием Калдора-Хикса: «Предложение об изменениях в экономике следует принимать, если те, кто станет состоятельнее вследствие изменений, склонны [способны – прим. авт.] настолько компенсировать потери тех, кто стал менее состоятельным вследствие изменений, что последние будут в том же положении, что и до изменений, а первые улучшат свое положение» [9, с. 108].

Использование данного критерия позволяет утверждать, что в случае, если выгоды хозяйствующего субъекта от нарушения антимонопольного законодательства превышают общественные издержки от такого нарушения ($A > B$), деятельность хозяйствующего субъекта целесообразна и использование санкций необоснованно. Если же выгоды хозяйствующего субъекта не покрывают издержек общества от нарушения антимонопольного законодательства ($A < B$), то нарушения должны пресекаться посредством использования санкций к нарушителям [10, 11].

Использование данного критерия позволяет также сформировать подход к определению оптимального размера санкции (в нашем случае штрафа) к нарушителю норм антимонопольного законодательства. Оптимальная величина штрафа должна создавать у хозяйствующих субъектов стимулы к такому уровню нарушения антимонопольного законодательства, при котором максимизируется чистая общественная выгода, т.е. частная выручка нарушителя за вычетом издержек общества, включающих, в том числе, издержки нарушителя.

$$TR_M - TC_s \rightarrow \max \quad (1)$$

На рис. 1.1 оптимальный уровень нарушения антимонопольного законодательства соответствует значению k^{**} .

Между тем, интересы хозяйствующего субъекта, не учитывающего создаваемые им отрицательные внешние эффекты, требуют установления в результате нарушения антимонопольного законодательства такого уровня превышения фактической рентабельности над нормальным уровнем, при котором максимизируется его чистая выгода, т.е. частная выручка нарушителя за вычетом его частных издержек.

$$TR_M - TC_M \rightarrow \max \quad (2)$$

В случае если штрафные санкции законодательством не предусмотрены, частные издержки хозяйствующего субъекта от нарушения антимонопольного законодательства равны нулю, и фактически достигаемый хозяйствующим субъектом уровень превышения рентабельности над нормальным уровнем составит k^* (рис. 1.1). Поскольку $k^* > k^{**}$, имеет место превышение уровня нарушения антимонопольного законодательства относительно эффективного с общественной точки зрения.

Использование штрафа за нарушение антимонопольного законодательства приводит к повышению ожидаемых частных издержек хозяйствующего субъекта от нарушения, и линия TC_M стремится к линии TC_s (рис. 1.2). Оптимальные штрафные санкции должны создавать у хозяйствующего субъекта стимулы к сокращению показателя k^* до социально желаемого уровня k^{**} через интернализацию внешних эффектов. Оптимальной следует считать величину штрафа, при которой разница между ожидаемыми частной выручкой и частными издержками монополиста достигает максимума при социально желаемом уровне нарушения антимонопольного законодательства, задаваемом через параметр k^{**} . При этом будет выполняться условие: $TR'_M = TC'_M = TC'_s$. Таким образом, оптимальная величина штрафа определяется как разность между предельными общественными и предельными частными издержками монополиста при оптимальном с общественной точки зрения параметре $k = k^{**}$.

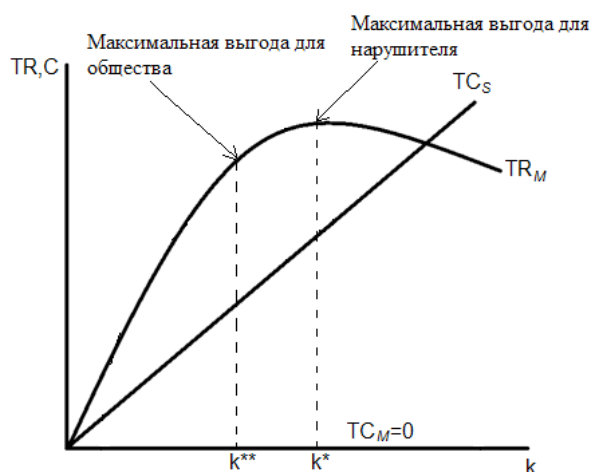

Рис. 1.1. Несовпадение оптимального уровня нарушений антимонопольного законодательства с позиций общества и нарушителя при отсутствии штрафных санкций

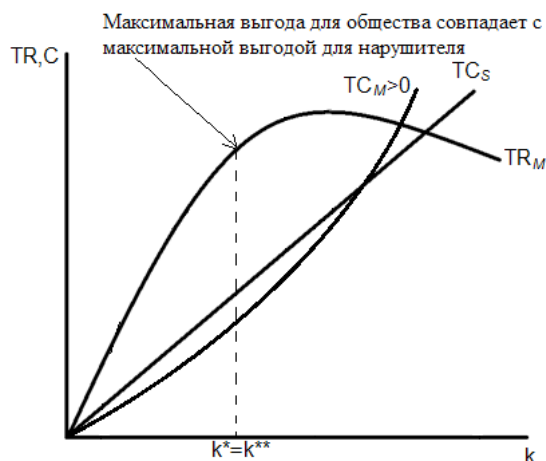

Рис. 1.2. Формирование стимулов нарушителя к достижению общественно оптимального уровня нарушений антимонопольного законодательства с использованием штрафных санкций

Для определения оптимальной величины штрафа необходимо конкретизировать вид функций TR_M , TC_M , TC_S , зависящих от параметра k . Для описания вероятности наказания нарушителя, увеличивающейся возрастающими темпами при росте k , воспользуемся β -распределением¹. Плотность распределения зависит от накопленного уровня рентабельности ($k_l \in [0; 1]$), который определяется как:

$$k_l = [(1 + k)_0] \cdot R + [(1 + k)_{-1}] \cdot R + \dots + (1 + k_{-l}) \cdot R$$

где k_l — накопленный уровень l предшествующих значений рентабельности.

Тогда плотность распределения вероятности наказания нарушителя имеет вид:

$$f(k_l) = \left(\frac{1}{B(\alpha; \beta)} \cdot [k_l]^{\alpha-1} \cdot (1 - k_l)^{\beta-1} \right)$$

где $B(\alpha; \beta) = \int_0^1 [k_l]^{\alpha-1} \cdot (1 - k_l)^{\beta-1} dk_l$ — бета-функция.

Определим функцию распределения вероятности наказания нарушителя, проинтегрировав плотность распределения на интервале $[-\infty, k_l]$:

$$p(k_l) = \int_{-\infty}^{k_l} f(k_l) dk_l$$

Рассмотрим функцию ожидаемой частной выручки от нарушения антимонопольного законодательства (TR_M). Для определения средней выручки хозяйствующего субъекта, соблюдающего антимонопольное законодательство, умножаем показатель среднего уровня издержек в отрасли на нормальный уровень рентабельности ($R \cdot C$). Поскольку выручку от нарушения антимонопольного законодательства хозяйствующий субъект определяет как сверхрентабельность, умножаем полученное значение на показатель превышения рентабельности свыше нормального уровня ($k \cdot R \cdot C$). Поскольку выручка от нарушения антимонопольного законодательства будет получена субъектом только в том случае, если он не понесет наказания, умножаем полученное выражение на коэффициент $(1 - p(k_l))$:

$$TR_{\text{EMBED Equation.3}} = (1 - p(k_l)) \cdot k \cdot R \cdot \bar{C} \quad (3)$$

где $TR_{\text{EMBED Equation.3}}$ — ожидаемая частная выручка от нарушения антимонопольного законодательства; $p(k_l)$ — вероятность наказания за нарушение антимонопольного законодательства.

¹ Следует отметить, что проверка гипотезы о соответствии функции распределения вероятностей наказания нарушителя β -распределению с заданными нами параметрами не является целью данной работы. Уточнение функции распределения не повлияет на базовый подход к определению оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства, но является основополагающим для определения величины штрафа в практических целях. Следовательно, следующим этапом на пути определения оптимальной величины штрафа является оценка вероятности наказания за нарушение антимонопольного законодательства и уточнение функции распределения вероятностей наказания нарушителя.

ства; k — доля прироста рентабельности сверх нормального уровня в случае нарушения антимонопольного законодательства; R — нормальный уровень рентабельности; $\bar{C}$ — средний уровень издержек фирмы в отрасли.

Рассмотрим функцию ожидаемых частных издержек нарушения антимонопольного законодательства (TC_M). Издержки хозяйствующего субъекта от нарушения антимонопольного законодательства определяются величиной штрафных санкций, установленных антимонопольным законодательством ($q \cdot RV$), которые определяются как доля (q) полученной нарушителем выручки от реализации товара (RV), на рынке которого совершено правонарушение. Поскольку издержки от нарушения антимонопольного законодательства ложатся на нарушителя только в случае, если он понесет наказание, умножаем полученное выражение на коэффициент $p(k_i)$:

$$TC_{\text{EMBED Equation.3}} = p(k_i) \cdot q \cdot RV \quad (4)$$

где $TC_{\text{EMBED Equation.3}}$ — ожидаемые частные издержки нарушения антимонопольного законодательства; $p(k_i)$ — вероятность наказания за нарушение антимонопольного законодательства; q — доля выручки, уплачиваемая в качестве штрафа за нарушение антимонопольного законодательства; RV — сумма выручки от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение. Для оценки величины RV используется показатель среднего уровня выручки в отрасли за рассматриваемый период нарушения ($RV = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n \frac{\sum_{i=1}^m \text{BOP}_{ij}}{m}$, где BOP_{ij} — выручка от реализации товаров на данном рынке компанией j в период i).

Рассмотрим функцию издержек общества от нарушения антимонопольного законодательства (TC_S). В данной работе мы ограничили понятие потерь общественной эффективности от нарушения антимонопольного законодательства превышением цены продукции относительно конкурентного уровня, приводящим к перераспределению выигрыша потребителей в пользу фирмы-нарушителя. Размер превышения цены продукции относительно конкурентного уровня можно оценить с помощью индекса Лернера:

$$L = \frac{P - MC}{P}$$

где L — индекс Лернера, P — цена, устанавливаемая фирмой, MC — предельные издержки.

Поскольку в условиях совершенной конкуренции $MC = AC = P_k$ и $TR_{mon} = (1 + k) \cdot TR_k$, преобразуем индекс:

$$L = \frac{P - MC}{P} = \frac{P - AC}{P} = \frac{P - AC}{P} \cdot \frac{Q}{Q} = \frac{P \cdot Q - AC \cdot Q}{P \cdot Q} = \frac{TR_{mon} - TR_k}{TR_{mon}} = \frac{(1 + k) \cdot TR_k - TR_k}{(1 + k) \cdot TR_k} = \frac{k \cdot TR_k}{(1 + k) \cdot TR_k} = \frac{k}{1 + k}$$

где P_k — цена конкурентной фирмы; TR_k — выручка конкурентной фирмы; TR_{mon} — выручка фирмы-монополиста.

Индекс Лернера показывает, что превышение цены продукции фирмы-нарушителя относительно конкурентного уровня составляет $\frac{k}{1 + k}$. Следовательно, издержки общества от нарушения антимонопольного законодательства составят:

$$TC_S = \frac{k}{1 + k} \cdot P \cdot Q \quad (5)$$

где P — цена, установленная нарушителем антимонопольного законодательства; Q — количество проданного блага; k — доля прироста рентабельности сверх нормального уровня в случае нарушения антимонопольного законодательства.

Оптимальная величина штрафа должна создавать у хозяйствующих субъектов стимулы к достижению социально желаемого уровня нарушения антимонопольного законодательства. Для определения оптимального с точки зрения общества уровня нарушения антимонопольного законодательства, подставим в целевую функцию (1) полученные нами функции (3) и (5):

$$\pi_{TR} \downarrow M - \pi_{TC} \downarrow S = (1 - p(k_i)) \cdot k \cdot R \cdot \bar{C} - k/(1 + k) \cdot P \cdot Q_{max} \quad (6)$$

Для определения оптимального с точки зрения хозяйствующего субъекта уровня нарушения антимонопольного законодательства, подставим в целевую функцию (2) полученные нами функции (3) и (4):

$$\pi[TR]_{\downarrow M} - \pi[TC]_{\downarrow M} = (1 - p(k, l)) \cdot k \cdot R \cdot C - p(k, l) \cdot q \cdot RV_{max} \quad (7)$$

Определение оптимального уровня штрафа за нарушение антимонопольного законодательства осуществляется в два этапа:

Этап 1. В соответствии с целевой функцией (6) мы рассчитываем оптимальную с точки зрения общества величину превышения рентабельности над нормальным уровнем (k^*), которая находится так:

$$k[[TR]_{\downarrow M} - TC_S] = \max_k \left[(1 - p(k, l)) \cdot k \cdot R \cdot C - \frac{k}{1+k} \cdot P \cdot q \right] \quad (8)$$

Этап 2. Для того чтобы стимулы хозяйствующих субъектов к нарушению антимонопольного законодательства, заданные целевой функцией (7), совпадали со стимулами общества, необходимо посредством штрафа скорректировать величину ожидаемых частных издержек нарушителя антимонопольного законодательства таким образом, чтобы оптимальная с точки зрения нарушителя величина превышения рентабельности сверх нормального уровня совпала с оптимальной величиной сверхрентабельности с точки зрения общества ($k^* = k^{**}$). Исходя из данного требования определяется оптимальная величина штрафа (q^*):

$$\pi[TR]_{\downarrow M} - \pi[TC]_{\downarrow M}(q^*) = \max_q [\pi[TR]_{\downarrow M} - \pi[TC]_{\downarrow M}(q)] \text{ при } k \rightarrow k^* \quad (9)$$

3. Определение оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства в нефтяном секторе экономики РФ

Существующая система санкций за нарушение антимонопольного законодательства базируется на Кодексе об административных правонарушениях РФ [7]. Рассмотрим содержание ключевых статей, регулирующих размер санкций (табл. 1).

Проведем апробацию предложенной в данной работе модели оценки эффективности штрафов за нарушение антимонопольного законодательства на примере нефтяного сектора России при заданной функции распределения вероятностей². Для проведения расчетов используем финансовую отчетность крупнейших нефтяных компаний: ОАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «Газпром нефть», ОАО «Нефтяная компания «Роснефть», ТНК-ВР.

Таблица 1

Санкции за нарушение антимонопольного законодательства в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях РФ

1. Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (ст. 14.31)
Штраф = q Если $RV \leq 0,75TRV$, тогда $\begin{cases} q = [0,01; 0,15] \\ 100\,000 \leq q \cdot RV \leq 0,02 \cdot TRV \end{cases}$ Если $RV > 0,75TRV$, тогда $\begin{cases} q = [0,003; 0,03] \\ 100\,000 \leq q \cdot RV \leq 0,02 \cdot TRV \end{cases}$ где TRV — сумма выручки от реализации фирмой всех товаров. RV — сумма выручки от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение. Пояснение: — если выручка правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, меньше 75% совокупного размера выручки правонарушителя от реализации всех товаров, то штраф составляет от 0,01 до 0,15 размера выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение; — если выручка правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, больше 75% совокупного размера выручки правонарушителя от реализации всех товаров, то штраф составляет от 0,003 до 0,03 размера выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение; — при этом размер штрафа не должен превышать 0,02 совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров, но не может быть менее 100 000 рублей.

² Отметим, что задачей данного раздела является именно апробация модели, а не оценка системы санкций за нарушение антимонопольного законодательства для нефтяной отрасли с целью предоставления практических рекомендаций относительно величины штрафа. На практический результат существенное влияние окажет выбор функции распределения вероятностей наказания за нарушение антимонопольного законодательства. Для расчета оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства в практических целях требуется проведение оценки вероятности наказания нарушителя, проверка гипотезы о соответствии функции распределения β -распределению и, возможно, уточнение функции распределения вероятностей наказания нарушителя.

Окончание табл. 1

2. Ограничение конкуренции, координация экономической деятельности (ст. 14.32)												
Штраф = q												
Если $RV \leq 0,75TRV$, тогда $\begin{cases} q = [0,01; 0,15] \\ 100\,000 \leq q \cdot RV \end{cases}$												
Если $RV > 0,75TRV$, тогда $\begin{cases} q = [0,003; 0,03] \\ 100\,000 \leq q \cdot RV \end{cases}$												
где TRV — сумма выручки от реализации фирмой всех товаров. RV — сумма выручки от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение.												
Пояснение: — если выручка правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, меньше 75% совокупного размера выручки правонарушителя от реализации всех товаров, то штраф составляет от 0,01 до 0,15 размера выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение; — если выручка правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, больше 75% совокупного размера выручки правонарушителя от реализации всех товаров, то штраф составляет от 0,003 до 0,03 размера выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение; — при этом размер штрафа не может быть менее 100.000 рублей.												
3. Недобросовестная конкуренция (ст. 14.33)												
Особый случай. В случае незаконного использования результатов интеллектуальной собственности:												
Штраф = $q \cdot RV$, тогда $\begin{cases} q = [0,01; 0,15] \\ 100\,000 \leq q \cdot RV \end{cases}$												
Пояснение: — в случае совершения действий, классифицируемых как недобросовестная конкуренция, штраф составляет от 100 000 руб. до 500 000 руб.; — если в оборот введен товар с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг, то штраф составляет от 0,01 до 0,15 размера выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение. При этом размер штрафа не может быть менее 100 000 рублей.												

Определим значения нормального уровня рентабельности, средних величин выручки и издержек в отрасли на основе финансовой отчетности рассматриваемых фирм за период 2002–2010 гг. (табл. 2).

Таблица 2

**Величина чистой прибыли, издержек и выручки российских нефтяных компаний
в 2002–2010 гг., млн долл. [2–5]**

Год	Лукойл			Газпром Нефть			Роснефть			ТНК-ВР		
	Чистая прибыль	Издержки	Выручка	Чистая прибыль	Издержки	Выручка	Чистая прибыль	Издержки	Выручка	Чистая прибыль	Издержки	Выручка
2010	9006	93423	104956	3433	28114	32772	10672	49584	63047	6269	36382	44646
2009	7069	71305	81083	3081	20737	24166	6519	37698	46826	5270	27926	34753
2008	9144	93971	107680	4697	27621	33870	11215	55986	68991	5645	43512	51886
2007	9511	68820	81891	4143	17869	21767	12883	38495	49216	5342	31219	38926
2006	7484	57632	67684	3660	15806	20176	3533	27495	33099	6629	29028	35512
2005	6443	46879	55774	2805	11543	14585	4159	18341	23951	4744	15869	30025
2004	4248	27811	33845	2046	6247	8886	837	4056	5275	4006	9501	17097
2003	3701	17712	22118	2278	4872	6717	386	2922	3641	2802	7612	12020
2002	1843	12787	15334	1159	3384	4777	324	2266	2679	1544	5892	9125

Среднее значение рентабельности в отрасли (R) составляет 18,32%. Средняя величина выручки для нефтяных фирм (RV) составляет 36 355,444 млн. долл. Средняя величина издержек фирмы в отрасли C составляет 29 731,028 млн. долл.

Результаты расчета вероятности наказания нарушителя в случае нарушения антимонопольного законодательства в зависимости от превышения рентабельностью нормального уровня в соответствии с предложенной моделью представлены в табл. 3. В качестве распределения вероятностей наказания использовано β -распределение с параметрами $\alpha = 10$, $\beta = 2$ и $k_i \in [0;1]$.

Таблица 3

Вероятность наказания нарушителя в случае нарушения антимонопольного законодательства в зависимости от превышения рентабельностью нормального уровня

Превышение рентабельностью нормального уровня (k)	0,000	0,020	0,077	0,134	0,183	0,231	0,308	0,352	0,395	0,482	0,500
Вероятность поимки нарушителя ($p(k_i)$)	0,000	0,016	0,027	0,042	0,060	0,084	0,139	0,182	0,232	0,365	0,397

Учитывая то, что основную часть выручки представленные нефтяные компании получают от реализации нефтепродуктов ($RV > 0,75TRV$), а также размеры прибыли данных компаний (табл. 2), наиболее реалистичным с точки зрения действующего законодательства РФ будет использование для нефтяной отрасли РФ штрафа в размере $q = 0,03$ (табл. 1).

Определим ожидаемые частные выгоды от нарушения антимонопольного законодательства (формула 3), а также ожидаемые издержки нарушения антимонопольного законодательства (формула 4) для $q = 0,03$. Определим также величину общественных издержек от нарушения антимонопольного законодательства (формула 5). Результаты представлены в табл. 4 и на рис. 2.

Таблица 4

Определение оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства

k	TR_M , млн долл.	TC_S , млн долл.	$TR_M - TC_S$, млн долл.	Штраф в соответствии с КоАП РФ ($q = 0,03$)		Оптимальная величина штрафа ($q = 0,1$)	
				TC_M , млн долл.	$TR_M - TC_M$, млн долл.	TC_M , млн долл.	$TR_M - TC_M$, млн долл.
0,000	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
0,020	107,18	106,78	0,39	17,45	89,73	58,17	49,01
0,077	408,02	389,36	18,66	29,45	378,57	98,16	309,86
0,134	699,11	643,52	55,58	45,81	653,30	152,69	546,41
0,183	936,81	842,44	94,37	65,44	871,37	218,13	718,68
0,231	1152,34	1021,94	130,40	91,62	1060,72	305,39	846,95
0,308**	1444,20	1282,38	<u>161,82</u>	151,60	1292,60	505,34	<u>938,86</u>
0,352	1568,08	1417,88	150,20	198,50	1369,58	661,67	906,41
0,395*	1652,08	1542,04	110,04	253,03	<u>1399,05</u>	843,45	808,64
0,482	1666,84	1771,22	-104,38	398,09	1268,75	1326,97	339,87
0,500	1641,95	1815,31	-173,36	432,99	1208,96	1443,31	198,64

Оценку эффективности действующей системы санкций и определение оптимального уровня штрафа за нарушение антимонопольного законодательства при заданной функции распределения вероятностей проведем в два этапа (табл. 4):

Этап 1. В соответствии с условием (8) оптимальная с точки зрения общества величина превышения рентабельности над нормальным уровнем (k^{**}), составит 0,308. При достижении уровня $k^{**} = 0,308$ целевая функция $TR_M - TC_S = 161,82$ млн долл. достигает максимума, и, следовательно, выполняется требование общественной эффективности.

Этап 2. Однако расчеты показывают, что при размере штрафа $q = 0,03$ максимальный выигрыш монополист получает при значении $k^* = 0,395$, большем, чем общественно эффективный уровень

$k^{**}=0,308$. Следовательно, при действующей системе штрафов фирмы нефтяной отрасли будут склонны нарушать антимонопольное законодательство сверх оптимального для общества уровня.

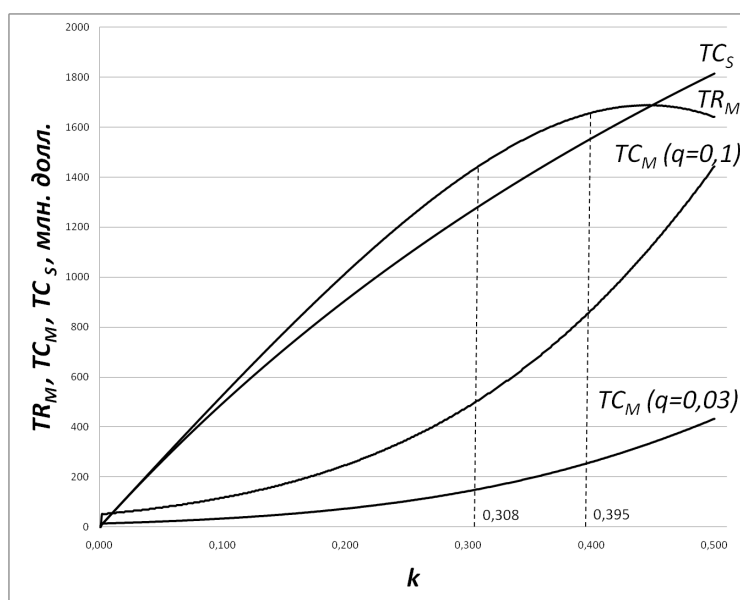

Рис. 2. Определение оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства

Оптимальная величина штрафа при заданных условиях составляет $q^*=0,1$. При данной величине штрафа выполняется условие (9), и целевая функция $TR_M - TC_M = 938,86$ максимизируется при достижении социально эффективного уровня $k^{**}=0,308$. То есть оптимальный для фирмы уровень нарушения антимонопольного законодательства совпадает с общественно эффективным уровнем нарушения антимонопольного законодательства.

Требуется еще раз подчеркнуть, что данные расчеты нельзя использовать в качестве практической рекомендации по установлению оптимальной величины штрафа в размере 0,1 объема выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, поскольку оценка вероятности наказания нарушителя антимонопольного законодательства нуждается в уточнении. В случае завышения нами вероятности наказания нарушителя данная величина штрафа является недостаточной, в случае занижения – избыточной.

4. Рекомендации

В заключение хотелось бы остановиться на практической ценности проведенного исследования. Несмотря на то, что на данном этапе мы не даем практических рекомендаций относительно установления конкретного размера штрафа, регламентируемого Кодексом об административных правонарушениях РФ, нельзя сказать, что практические рекомендации отсутствуют как таковые:

1. При совершенствовании системы санкций за нарушение антимонопольного законодательства требуется реализация предложенного в данной работе подхода к установлению оптимальной величины штрафа, основанного на необходимости создания у хозяйствующих субъектов стимулов к такому уровню нарушения антимонопольного законодательства, при котором максимизируется чистая общественная выгода.

2. Система эффективных штрафов нуждается в большей гибкости. Поскольку, помимо выручки от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, в какой-то степени учтенной в существующей системе штрафов, размер эффективного штрафа будет зависеть от величины оборота и уровня рентабельности компаний, данные показатели должны учитываться при определении размера штрафа.

3. Поскольку оптимальный уровень штрафа зависит от вероятности наказания нарушителя, эффективность системы штрафов будет зависеть от качества работы Федеральной антимонопольной службы РФ (ФАС). При изменении эффективности функционирования ФАС изменяется и вероятность наказания нарушителя, следовательно, система санкций также должна корректироваться.

4. Для определения оптимальной величины штрафа за нарушение антимонопольного законодательства в практических целях требуются оценка вероятности наказания нарушителей и уточ-

нение функции распределения вероятностей наказания нарушителей. Это, в свою очередь, может потребовать совершенствования системы сбора первичной информации, необходимой для расчета данных вероятностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основания антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. 2007. № 1.
2. Годовая финансовая отчетность компании ОАО «Газпром нефть» за 2004–2010 гг. // <http://ir.gazprom-neft.ru/reports/financial-reports/>.
3. Годовая финансовая отчетность компании ОАО «ЛУКОЙЛ» за 2004–2010 гг. // <http://www.lukoil.ru/new/finreports/2011>.
4. Годовая финансовая отчетность компании ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» за 2004–2010 гг. // http://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/.
5. Годовая финансовая отчетность компании ТНК-ВР за 2004–2010 гг. // <http://www.tnk-bp.ru/investors/reports/>.
6. Князева И.В., Лукашенко О.А. Трансформация антимонопольной политики в политику защиты конкуренции в современных экономических условиях. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ф3 РФ № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. (в редакции от 02.04.2012) // <http://base.garant.ru/12125267/>.
8. О защите конкуренции. Ф3 РФ № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г. (в редакции от 06.12.2011) // <http://base.garant.ru/12148517/>.
9. Шмаков А.В. Экономический анализ права. М.: Магистр, 2011.
10. Evans D., Padilla J. Designing Antitrust Rules for Assessing Unilateral Practices: A Neo-Chicago Approach // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. № 1.
11. Kaplow L., Shapiro C. Antitrust // NBER Working Paper Series. 2007.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

А.Ю. АРХИПОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: pror_ec@sfedu.ru;

А.А. СЕМИН,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: kafedra209@mail.ru

В статье рассматриваются механизмы обеспечения устойчивости предпринимательской структуры под воздействием неблагоприятных факторов внешней среды. Особое внимание уделено проблематике формирования и функционирования адаптивной системы управления бизнесом.

Ключевые слова: предпринимательство; риск; внешняя среда; адаптивная система управления бизнесом.

The paper focuses on methods of achieving sustained entrepreneurial structures under unstable environment conditions. Distinctive features of entrepreneurship identified reflect the unstable and hostile nature of the external environment. The authors have analyzed the formation and functioning of adaptive business administration system.

Keywords: entrepreneurship; risk; external environment; adaptive business management system.

Коды классификатора JEL: M10, F18.

Отличительной чертой современной экономики является все возрастающая динамика внешней среды функционирования бизнеса и усложнение механизмов ее влияния на деятельность предпринимательских структур. При этом под внешней средой системы (предпринимательской структуры) понимается совокупность объектов, институтов, находящихся за пределами системы, изменение ключевых свойств которых может трансформировать состояние системы [7, с. 180].

Международные исследования внешней среды субъектов предпринимательской деятельности направлены, прежде всего, на оценку институционального контекста предпринимательства – законодательства, инфраструктуры, рынков, государственной политики, социально-культурных стереотипов и т.д. Так, согласно методике GEM, к внешним базовым условиям развития предпринимательских структур следует относить определенный уровень макроэкономической стабильности, общего образования, здравоохранения, правовой системы, а к так называемым внешним факторам повышения эффективности бизнеса – развитие финансовый рынок и рынок труда, технологическую подготовленность, высшее профессиональное, дополнительное и бизнес-образование [11, с. 4]. Индекс легкости ведения бизнеса учитывает налоговую ситуацию, доступность кредитов, требования к контрактам, юридические процедуры, связанные с открытием/закрытием бизнеса, регистрацией имущества, приемом на работу сотрудников [13]. Несмотря на значительные межстрановые различия в исследуемых показателях, глобальные тенденции связаны с необходимостью учета все большего количества экзогенных переменных предпринимательской деятельности.

В нестабильной внешней среде механизм влияния риска и неопределенности, являющихся характерными чертами бизнеса, на процесс принятия управленческих решений предприниматель-

ской структурой существенно усложняется, так как спрогнозировать поведение рынка и рыночных факторов с высоким уровнем достоверности не представляется возможным.

Во многом это обусловлено так называемой рефлексивностью рынков, под которой понимается процесс, при котором цены формируются в основном представлениями участников рынка о будущей тенденции либо к росту, либо к падению.

Следует также отметить, что даже события местного значения в условиях глобальной экономики и информационного взаимодействия приводят к взаимопроникновению рисков в мировом масштабе. Таким образом, современная экономика характеризуется переходом от аккумуляции к мультипликации риска [8, с. 166–167].

Неслучайно сегодня, говоря о риске, исследователи выделяют ряд его специализированных значений, среди которых можно вычленил следующие [3, с. 24]:

- 1) нежелательный случай, который может произойти либо не произойти;
- 2) причина нежелательного события, которое может произойти либо не произойти;
- 3) вероятность нежелательного события, которое может произойти либо не произойти;
- 4) статистический показатель вероятности наступления нежелательных событий;
- 5) понятие, обозначающее факт того, что решение принято при условиях известных вероятностей.

По мнению Л.С. Сосненко и Б.А. Матвеева, риск можно определить как возможность наступления одного или нескольких случайных событий, являющихся причиной отклонения полученного результата или наблюдаемого экономического показателя от ожидаемого значения [10, с. 36].

При принятии управленческих решений, обусловленных необходимостью учета фактора риска, возникает проблема выбора варианта из некоторой совокупности возможностей при неопределенности последствий, т.е. в условиях неполного знания. Однако проблема заключается в том, что знание в принципе не может быть полным.

Американский экономист Ф. Найт, который обосновал различие между дефинициями «неопределенность» и «риск», указывал на измеряемость риска, подчеркивая, что вероятность наступления некоторого неблагоприятного события может быть количественно установлена, в отличие от собственно неопределенности, которая подразумевает невозможность измерения в отношении будущих событий [11, с. 62].

Именно потому, что неопределенность и риск как имманентные условия функционирования бизнеса усугубляются еще и ростом степени нестабильности внешней среды предпринимательской деятельности, обеспечение эффективности управления предпринимательской структурой приобретает особенно важное значение.

Отличительной чертой системы управления предпринимательской структурой в условиях нестабильной внешней среды является то, что для поиска оптимального решения необходимо получение одновременной информации от всех подсистем предприятия, что иллюстрирует рис. 1.

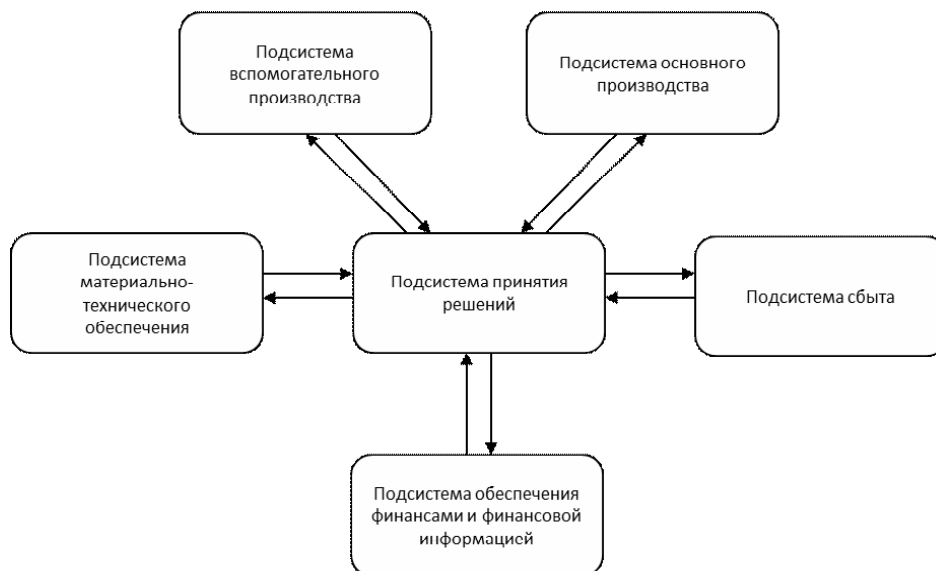

Рис. 1. Информационное взаимодействие подсистем предпринимательской структуры

В условиях нестабильной внешней среды обостряется конкурентная борьба, что заставляет систему управления предпринимательской структурой отличаться определенными конкурентными преимуществами. При этом обеспечение конкурентных преимуществ через оптимизацию системы управления за счет обеспечения более эффективного функционирования всех элементов данной системы, а также обеспечения взаимодействия между ними выступает в качестве важнейшего фактора устойчивости предпринимательской структуры к колебаниям внешней среды.

При этом система управления является экономико-институциональной формой осуществления предпринимательской деятельности, с помощью которой предприниматель обеспечивает движение имеющейся у него комбинации ресурсов как инструмента достижения определенных целей. От того, как организована система управления, в значительной степени зависит успех предпринимательской структуры. В этой связи проведение организационных изменений является ключевым аспектом процесса реагирования предпринимательской структуры на изменения, происходящие во внешней среде (рис. 2).

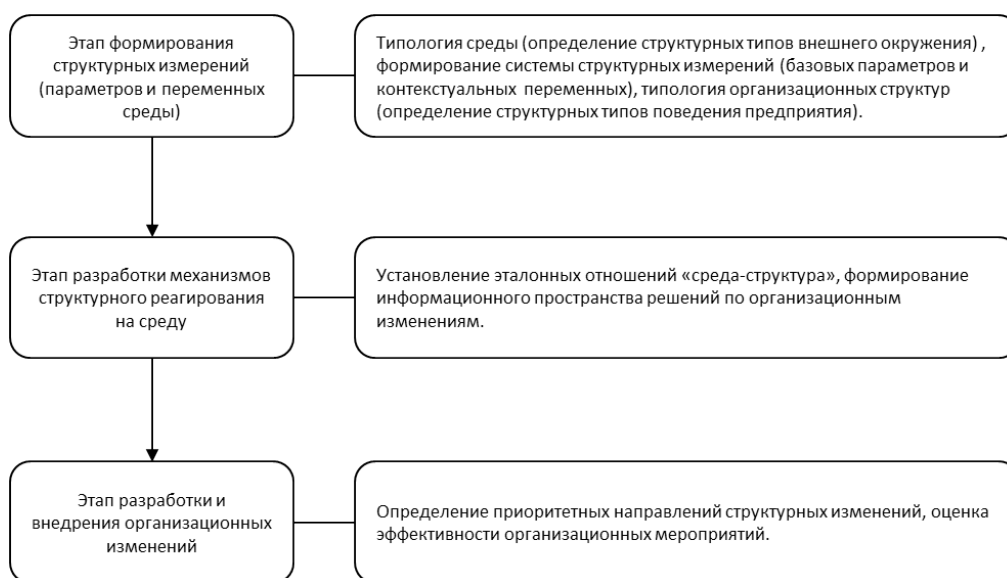

Рис. 2. Механизм реагирования предпринимательской структуры на изменения во внешней среде [9, с. 73]

Отметим, что типология построения внутриорганизационных связей в предпринимательской структуре позволяет выделить механистический и адаптивный подходы к формированию оргструктур. В современной экономической системе эффективность предпринимательских единиц, основанных на механистическом подходе, снизилась. Иерархичность данной системы, чрезмерная регламентация должностных обязанностей и полномочий, наличие внутривнутриструктурных противоречий предопределяют неэффективность процесса управления в предпринимательских структурах указанного типа. В условиях нестабильной внешней среды эффективность деятельности предпринимательских структур механистического склада заметно упала, а система управления, построенная на данной основе, оказалась неспособна реагировать на колебания внешней среды.

Цель адаптивной системы управления состоит в своевременном устранении или, по крайней мере, уменьшении негативного воздействия различных возмущений во внешней среде предпринимательской структуры.

Адаптивная система более успешно преодолевает кризисы, обусловленные трансформацией внешней среды. Она отличается многообразием видов составляющих ее элементов, гибкостью отношений и связей, децентрализованным принятием решений и ориентацией на внешнюю среду. В этой связи подобная система намного в меньшей степени нуждается в корректировке, более успешно достигая цели, стоящие перед предпринимательской структурой.

Адаптивная структура базируется на принципиально новом, по сравнению с устоявшейся практикой, подходе к организации взаимодействия с внешней средой. Основные особенности функционирования данной системы управления состоят в следующем:

- интегративным элементом деятельности предпринимательской структуры выступает ее стратегия;
- сотрудники адаптивной структуры перманентно готовы к трансформационным изменениям;

- не предусмотрена четкая очерченность обязанностей сотрудников организации, присущих каждой должностной единице;
- изменение текущих задач предпринимательской структуры приводит к корректировке должностных обязанностей ее сотрудников;
- консультативный характер взаимодействия иерархических уровней предпринимательской структуры;
- горизонтальная организация взаимодействия сотрудников предпринимательской структуры;
- ведущая роль группового взаимодействия сотрудников и их групповой ответственности.

Намного большая динамичность адаптивных структур, объясняемая отсутствием процедуры согласования принимаемых решений, позволяет предпринимательской структуре более оперативно реагировать на изменение характеристик внешней среды. Предпринимательские структуры, в этой связи, могут намного быстрее переориентироваться на решение наиболее актуальных в текущий момент времени задач. При этом, по мнению Л.В. Верменниковой, модель адаптивной системы управления должна включать отдельную одноименную подсистему, направленную на реализацию стратегии адаптации, а также вовлечение клиента в процесс обеспечения конкурентоспособности предпринимательской структуры [2].

Касаясь второго элемента подсистемы, подчеркнем, что клиент для адаптивной организации выступает как индивидуальный заказчик, оказывающий значительное влияние на важнейшие аспекты создания и реализации продукции.

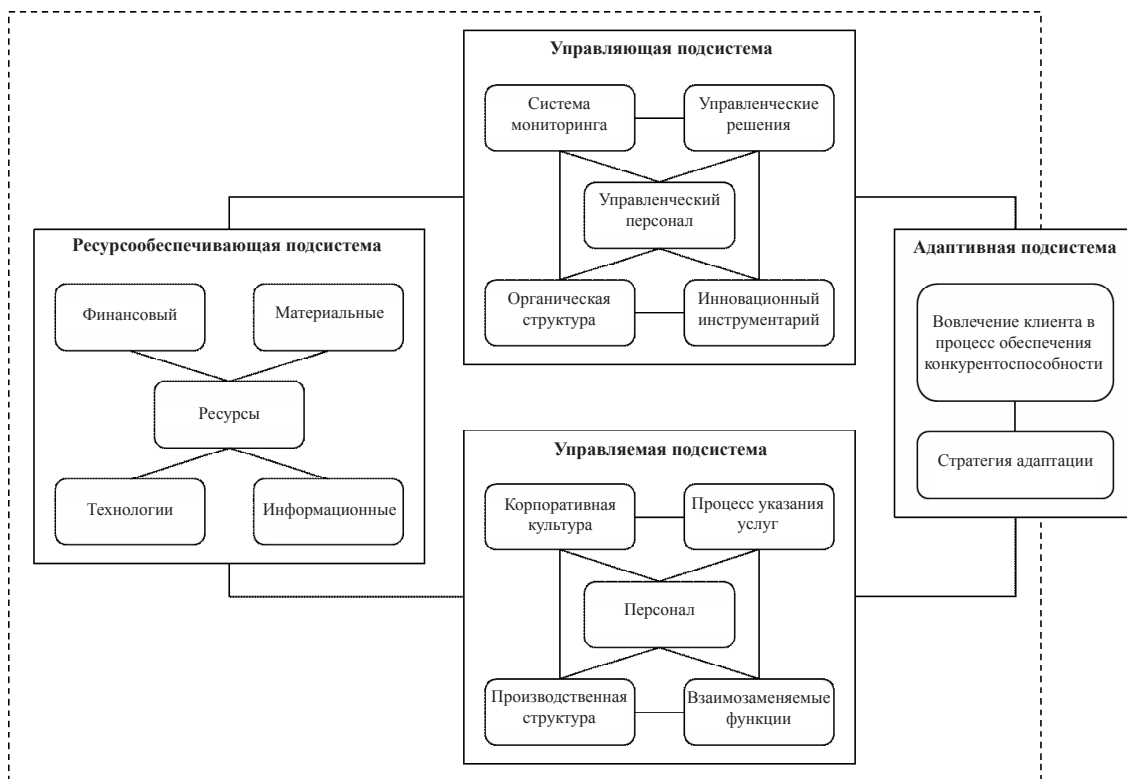

Рис. 3. Схема системы адаптивного управления предпринимательской структурой [2, с. 135]

Для качественного управления взаимоотношениями с клиентами адаптивной организации необходимы следующие частные стратегии [1, с. 84]:

1. Рыночная стратегия: организация каналов взаимодействия с клиентами, набор конкурентных преимуществ, организация клиентской службы.
2. Стратегия управленческого имиджа: цели в области финансов, цели в сфере стратегических приоритетов, цели инфраструктурного развития.
3. Стратегия управления: структура управления, организация процесса принятия решений, механизм финансирования деятельности.
4. Стратегия организации бизнеса: стратегия развития оргструктуры, кадровая стратегия, территориальная стратегия, информационная стратегия.

В качестве факторов, определяющих эффективность адаптивной системы управления, можно выделить следующие:

- ◆ подготовка и принятие решений, адекватных условиям внешней среды;
- ◆ улучшение процессов информационного обеспечения принятия управленческих решений;
- ◆ сокращение административно-управленческого персонала и, как следствие, сокращение затрат;
- ◆ освобождение значительного числа сотрудников от выполнения рутинной работы;
- ◆ сокращение сроков согласования управленческих решений.

При этом важнейшим условием эффективной работы адаптивной системы управления является встраивание в нее элементов риск-менеджмента как механизма снижения воздействия нестабильной внешней среды.

По мнению Ю. А. Костиной, систему риск-менеджмента можно охарактеризовать как дополнительный инструмент постоянного совершенствования действующей системы менеджмента предприятия, направленный на повышение качества выполняемых работ и результативности системы менеджмента в целом [5, с. 68].

Работу по управлению рисками необходимо организовывать независимо от других функциональных подразделений предпринимательской структуры с прямым подчинением высшему руководству. Только автономность позволит службе риск-менеджмента обеспечивать устойчивость бизнес-процессов компании.

В адаптивных системах управления информация об изменениях внешней среды и порождаемых ими факторах риска практически сразу обрабатывается и используется для принятия управленческих решений в соответствии с нижеприведенной схемой (рис. 4).

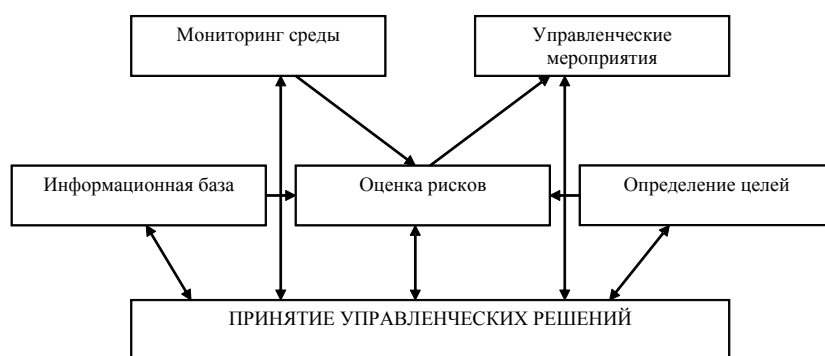

Рис. 4. Модель механизма принятия решений в рамках адаптивной системы управления предпринимательской структурой

Объектом управления в процессе функционирования показанного механизма выступает процесс принятия управленческих решений в условиях нестабильной внешней среды. Сбор необходимой для принятия решений информации и проводимый на ее основе анализ состояния внешней среды приводят к формированию информационной базы накопленного опыта управления, текущего состояния предпринимательской структуры и действующих на нее возмущений. Затем после анализа выявленных рисков происходит принятие управленческих решений, которые корректируются в соответствии с трансформацией условий внешней среды. Координацию совместного функционирования всех элементов системы принятия решений осуществляет уполномоченный менеджер. Он же, при необходимости, корректирует данные, хранящиеся в информационной базе.

В управляемой подсистеме адаптивной организации центральным звеном является персонал, или человеческий капитал организации. Личностные, профессиональные, интеллектуальные способности, а также способности к саморазвитию и обучению персонала являются определяющими для адаптивных предпринимательских структур.

В основе управления персоналом адаптивной организации лежит концепция интрапренерства, суть которой заключается в развитии предпринимательской активности внутри организации, которую можно представить как сообщество предпринимателей, новаторов и творцов.

Дух творчества, постоянный поиск новых возможностей, коллективное самообучение, партнерство и доверие побуждают работников к самореализации, новаторству и сотрудничеству в рамках собственной организации. Особенностью интрапренерства является ориентация на демократичный, а не на принудительный механизм управления, на интеграцию предпринимательских инициатив с планами корпоративных стратегий.

В этой связи отметим, что эффективность внедрения адаптивных систем наблюдается только тогда, когда к их использованию относятся не как к организационной, а как к стратегической задаче. Совершенствование системы управления, как и реинжиниринг бизнес-процессов, становятся логическим завершением трансформации организационной структуры предприятия, воплощая на практике принципы адаптивности.

Эффективная система управления адаптивного типа должна, на наш взгляд, оперативно реагировать на изменения, происходящие во внешней среде, осуществлять оперативное регулирование и контроль динамики показателей эффективности управления предпринимательской структурой, организовывать эффективное взаимодействие подсистем предпринимательской структуры в целях оптимизации используемых ресурсов и достижения поставленных целей и, наконец, быстро адаптироваться и переносить накопленные знания и опыт управления в новые условия, определяемые внешней средой.

В этой связи важнейшим элементом функционирования адаптивного менеджмента предпринимательской структуры в рамках нестабильной внешней среды является система организационно-структурного реагирования, направленная на актуализацию организационного потенциала предприятия, выраженную в структурном преобразовании приоритетных направлений его реализации. Такая актуализация рассматривается как механизм поддержания устойчивого режима функционирования предприятия в ответ на возмущающие действия факторов внешней среды. Модель структурного реагирования выступает в качестве основы проектирования организационной структуры предпринимательской структуры, адекватной изменениям внешней среды [6, с. 25].

К перспективным формам развития адаптивной системы управления как инструмента противодействия нестабильной внешней среде путем снижения присущих ей рисков сегодня следует отнести создание интегрированных сетей, представляющих собой открытые структуры распределенного типа. Они базируются на объединении ряда предпринимательских структур в единую сеть, позволяющую эффективно использовать совокупные ресурсы и возможности участников сети.

В данной структуре иерархические принципы ее построения заменяются гетерархическими принципами. Сетевым структурам также присущ переход от адаптации к заданному состоянию к расширению набора средств функционирования. Сетевые структуры способны эволюционировать, меняя при этом не только внутреннюю структуру, но и внешнюю среду в соответствии со своими целями.

Таким образом, подводя итог проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что формирование адаптивной системы управления предпринимательской структурой позволяет значительно снизить риски ее функционирования в условиях нестабильной внешней среды. Во многом это достигается за счет более качественного информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений, а также организации более тесного взаимодействия с важнейшими клиентами предпринимательской структуры через вовлечение их в процесс обеспечения ее конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердина Е.С. Основные положения и элементы клиент-ориентированной стратегии банка // Финансы и кредит. 2007. № 15.
2. Верменникова Л.В. Сущность и основные элементы системы адаптивного управления предприятием сферы услуг // Terra Economicus. 2010. № 3. Ч. 3.
3. Григорьев А.В. Онтологический аспект понятия «риск» // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. № 9.
4. Костина Ю.А. Особенности формирования системы риск-менеджмента в инфраструктурных компаниях // Финансы и кредит. 2010. № 4.
5. Костина Ю.А. Сущность системы риск-менеджмента, ключевые элементы и этапы формирования // Финансы и кредит. 2011. № 14.
6. Мартынов Л.М. Концепция адаптивного управления наукоемкими и высокотехнологичными предприятиями в современной бизнес-среде // Проблемы экономики. 2011. № 2.
7. Нагорянская Н.В. Основы формирования адаптивного управления промышленным предприятием // Экономика строительства и городского хозяйства. 2008. Т. 2. № 3.
8. Семин А.А. Качество институциональной среды бизнеса в обеспечении устойчивого развития предпринимательства в России // Экономика устойчивого развития. 2012. № 9.
9. Соколов Д.В., Мартынов Л.М., Морозов А.Н. Управление организационными изменениями. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008.
10. Сосненко Л.С., Матвеев Б.А. Содержание понятий «риск» и «рискованность» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 29.
11. Эжиев И.Б. Теоретические подходы к исследованию проблемы риска // Власть. 2010. № 2.
12. Donna J. Kelley, Singer S., Herrington M. Global Entrepreneurship Monitor. Global Report 2012 // www.gemconsortium.org/.
13. Peng M.W., Wang D., Jiang Y. An institution-based view of international business strategy: a focus on emerging economies // Journal of International Business Studies. 2008. Vol. 39.
14. World Bank. Doing Business 2012: Doing business in a more transparent world. Washington, DC: World Bank, 2012.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ В 2005–2008 ГГ.*

Г.И. ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
Новосибирский государственный технический университет,
e-mail: khaning@academ.org

О.И. ПОЛОСОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
e-mail: plsv@ngs.ru;

Н.В. КОПЫЛОВА,

Центр корпоративного учета и отчетности Желдоручет —
филиал ОАО «Российские железные дороги»,
e-mail: inat_@mail.ru

Авторами предложен ряд альтернативных по отношению к официальным оценок развития российской промышленности с 2005 по 2008 гг.

Ключевые слова: динамика развития российской промышленности; альтернативные оценки развития промышленности.

The number of alternative indices of Russian industry evolution are suggested by the authors as the different toward the official ones. The period under discussion covers 2005 up to 2008.

Keywords: dynamics of Russian industry development; alternative industry development indices.

Коды классификатора JEL: L60, L70, L90, C00.

Мы продолжаем наши альтернативные оценки развития российской промышленности [13, 14]. Из экономии места не станем снова излагать используемые в этих целях методы. В части динамики промышленной продукции они подробно изложены в вышедшей недавно нашей книге — учебном пособии [17, с. 46–110]. Там же изложены результаты этих оценок за 1996–2003 гг. Методы и результаты за конец 90-х и начало нулевых годов альтернативных оценок рентабельности промышленной продукции изложены нами в ряде статей и в части 3 вышеупомянутого учебного пособия [16]. Тем не менее, напомним для читавших наши предыдущие статьи в ЭКО и проинформируем не читавших их ранее, что оценки динамики опираются на достоверные в российской статистике натуральные показатели объема производства промышленной продукции и соотношения динамики важнейших из них и объема железнодорожных перевозок с динамикой промышленной продукции в США на аналогичном уровне развития промышленности. Что касается рентабельности продукции, то важнейшее отличие наших оценок от официальных связано с определением восстановительной стоимости основных фондов и пересчетом в связи с этим объема амортизационных отчислений.

Для анализируемого периода результаты расчета альтернативных оценок (по 3 из 4 методов) динамики промышленной продукции в сопоставлении с оценками Госкомстата РФ представлены в табл. 1. Расчеты по одному методу (дефлятирование объема промышленной продукции) ввиду их трудоемкости не производились.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00318а.

Таблица 1

**Альтернативные оценки динамики промышленной продукции в сопоставлении
с оценками Госкомстата РФ (в % к предыдущему году)**

Показатели	2005	2006	2007	2008	2008/2004	Среднегодовая за весь период
1 метод	102,3	104,1	105,4	97,9	109,9	102,4
2 метод	101,4	101,1	101,5	102,5	106,6	101,6
4 метод	104,3	103,1	102,5	96,9	106,8	101,7
Средняя	102,7	102,8	103,1	99,1	107,9	101,9
Госкомстат РФ	105,1	106,3	106,3	102,1	121,2	104,9
Разница (официальная – альтернативная оценка)	+2,4	+3,5	+3,2	+3,0	+13,3	+3,0

Примечание: Метод 1 — условно-трудоу; метод 2 — соотношение между электровооруженностью и производительностью труда США; метод 4 — на основе динамики промышленного железнодорожного транспорта.

Несколько обстоятельств обращают на себя внимание при анализе таблицы 1. Во-первых, значительный разрыв между альтернативными и официальными оценками. Во-вторых, близость всех примененных оценок за весь период, что усиливает уверенность в их достоверности. В-третьих, крайне скромная величина среднегодовых темпов роста за весь период – лишь 1,9%. Здесь, конечно, сыграл роль кризис 2008 г., который, однако, в промышленности сказался лишь в 4 квартале года. Но он был весьма скромным и в предкризисные годы, что развеивает иллюзии о больших успехах российской экономики в этот период, порожденными действительно быстрым ростом уровня жизни населения в связи с огромными доходами от углеводородного экспорта. Этот факт является весьма показательным в силу того, что промышленность РФ еще далеко не достигла уровня последнего предкризисного 1987 г. и в ней поэтому сохранялись как будто огромные резервы восстановительного периода, особенно в обрабатывающей промышленности.

Наиболее важной причиной крайне медленного роста промышленности в данный период, по нашему мнению, является огромная конкуренция импорта промышленных товаров. Российская обрабатывающая промышленность вследствие недостаточной конкурентоспособности и завышенного курса рубля при данной конкурентоспособности оказалась не в состоянии выдержать конкуренцию с импортом. За 2004–2008 гг. импорт по методологии платежного баланса (в основном, промышленный) РФ вырос колоссально: с 98,7 млрд долл. до 291,8 млрд долл. [7, табл. 24]. Как мы покажем ниже, у российской промышленности, особенно обрабатывающей, не было достаточных средств для повышения своей конкурентоспособности путем технического перевооружения.

О структурных сдвигах в промышленной продукции в 2004–2008 гг. говорят данные об индексах отдельных отраслей промышленности, исчисленных по 1 методу (табл. 2).

Таблица 2

Альтернативные оценки динамики отдельных отраслей промышленности

Виды экономической деятельности	2004/2008	Росстат	Разница между данными Росстата и авторов
1. Добыча полезных ископаемых			
1.1. Добыча топливно- энергетических полезных ископаемых	1,077	1,077	0,0
1.2. Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	1,07	1,07	0,0
Индекс по добывающему производству	1,081	1,081	0,0

Окончание табл. 2

Виды экономической деятельности	2004/2008	Росстат	Разница между данными Росстата и авторов
2. Обрабатывающее производство			
2.1. Пищевых продуктов и табака	1,167	1,249	0,082
2.2. Текстильные и швейные	0,882	0,868	-0,014
2.3. Кожа, изделия из кожи и обувь	1,247	1,248	0,001
2.4. Обработка дерева	1,164	1,195	0,031
2.5. Целлюлозно-бумажное	1,12	1,163	0,043
2.6. Кокс и нефтепродукты	1,184	1,176	-0,008
2.7. Химическое	1,038	1,108	0,07
2.8. Резиновых и пластмассовых изделий	0,973	2,17	1,197
2.9. Прочих неметаллических продуктов	1,199	1,258	0,059
2.10. Металлургическая	1,081	1,20	0,119
2.11. Машины и оборудование	1,306	1,404	0,098
2.12. Электрооборудование	0,921	1,571	0,65
2.13. Транспортные средства	1,269	1,219	-0,05
Итого по обрабатывающему производству	1,167	1,259	0,092
3. Производство электроэнергии, воды и газа	1,055	1,045	-0,01

Примечание: Обращаем внимание на то, что расчет производился по 1 методу и поэтому не сопоставим с окончательными оценками по промышленности в табл. 1.

Сравнение динамики отдельных отраслей промышленности по альтернативным оценкам показывает, что в данный период не произошло серьезных изменений к лучшему в структуре промышленности. Обрабатывающая промышленность в целом росла незначительно быстрее добывающей и производства электроэнергии, воды и газа. Заметно выделяется только рост производства машин и оборудования и транспортных средств (в последней отрасли – преимущественно за счет строительства сборочных предприятий иностранными фирмами). Очень сильно выросло производство продукции железнодорожного машиностроения (локомотивы, грузовые вагоны). В то же время снизилось производство электрооборудования. Довольно быстро росло и производство пищевых продуктов в связи с ростом сельскохозяйственного производства и, особенно, импортом сельскохозяйственного сектора.

Что касается сравнения динамики по данным Росстата и наших оценок, то обращает на себя внимание тот факт, что в четырех видах экономической деятельности наши оценки были выше. В остальных – наши оценки были ниже, иногда незначительно, нередко очень значительно, как, например, в производстве электрооборудования, резиновых и пластмассовых изделий. Возможно, что иногда это было связано с невключением в наш индекс ряда важных производств, данные о которых в натуральном выражении не публикуются и, насколько нам известно, даже не собираются статистической службой России, как, например, по электронной и приборостроительной, а также всей оборонной промышленности, что в условиях сильной инфляции открывает значительные возможности для вздувания их роста.

Перейдем к оценке динамики эффективности производства. Начнем с динамики производительности труда. Для этого исчислим сначала динамику занятости в промышленности. Данные о численности промышленно-производственного персонала по крупным видам экономической деятельности в промышленности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Численность промышленно-производственного персонала по видам экономической деятельности в промышленности (в млн чел.)¹

Виды экономической деятельности	2004	2008
1. Добыча полезных ископаемых	1,088	1,044
2. Обрабатывающее производство	11,787	11,191
3. Производство и распределение электроэнергии, воды и газа	1,9	1,884
Итого	14,775	14,119
Индекс к 2004 г.	-	0,955

Расчет динамики производительности труда в промышленности РФ за 2004–2008 гг. по альтернативной оценке представлен в таблице 4.

Таблица 4

Динамика производительности труда в промышленности РФ за 2004–2008 гг. по альтернативной оценке²

Показатели	2004/2008
1. Индекс промышленной продукции	1,079
2. Индекс занятости в промышленности	0,955
3. Индекс годовой производительности труда(1:2)	1,13

Как видим, развитие промышленности носило ярко выраженный интенсивный характер, поскольку весь прирост продукции был получен за счет роста производительности труда. Однако значение этого факта ни в коем случае не следует преувеличивать. Так всегда бывает в восстановительный период, когда имеются большие резервы использования имеющейся рабочей силы за счет ее более полной загрузки. Не следует забывать, что продукция промышленности РФ еще далека от докризисного уровня.

Вместе с тем, среднегодовые темпы прироста производительности труда в промышленности в этот период были меньше, чем в 2001–2003 гг.: немногим более 3% вместо 4% [17, с. 140]. Реальные темпы прироста производительности труда в этот, как и в предыдущий период, могли быть еще ниже в связи с тем, что официальные данные о занятости не включают нелегальную занятость, которая быстро росла в этот период во всей экономике, хотя как раз в промышленности ее доля была значительно ниже, чем во многих других отраслях экономики (по некоторым оценкам, не более 8% всей занятости).

Для определения динамики производительности труда по отраслям промышленности и одновременно уточнения динамики продукции по отраслям промышленности рассчитаем динамику производительности труда по отраслям промышленности РФ в 2005–2008 гг. Результаты расчета представлены в табл. 5.

Таблица 5

Динамика производительности труда по отраслям промышленности РФ за 2005–2008 гг.³

Виды экономической деятельности	Индекс промышленной продукции	Индекс занятости в отраслях промышленности	Индекс производительности труда
1. Добыча полезных ископаемых. Из них:	1,081	0,945	1,14
1.1. Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	1,077	0,919	1,172
1.2. Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	1,07	1,04	1,029
2. Обрабатывающие производства. Из них:	1,167	0,92	1,27

¹ Источник данных о занятости в промышленности: [7].

² Источник: табл. 1 и 3.

³ Источники: табл. 2 и расчеты авторами динамики занятости в отраслях промышленности по данным табл. 4.1 в справочниках [3, 4].

Окончание табл. 5

Виды экономической деятельности	Индекс промышленной продукции	Индекс занятости в отраслях промышленности	Индекс производительности труда
2.1. Пищевые продукты	1,217	0,915	1,33
2.2. Текстильное и швейное производство	0,746	0,704	1,059
2.3. Производство кожи и обуви	1,247	0,9	1,38
2.4. Обработка дерева	1,164	0,951	1,22
2.5. Целлюлозно-бумажная промышленность	1,12	1,05	1,066
2.6. Кокс и нефтепродукты	1,190	0,874	1,36
2.7. Химическая промышленность	1,038	0,887	1,17
2.8. Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,973	1,189	0,818
2.9. Прочих неметаллических продуктов	1,238	1,033	1,2
2.10. Metallургическое производство	1,081	0,935	1,156
2.11. Производство машин и оборудования	1,308	0,781	1,69
2.12. Производство электрооборудования	0,921	0,897	1,03
2.13. Производство транспортных средств	1,262	0,957	1,318
2.14. Прочие производства	-	1,214	-
3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,055	0,978	1,078

Обращает на себя внимание большой разрыв в размерах изменения производительности труда по отраслям промышленности. В ряде отраслей он был близок к среднему размеру по всей промышленности. В некоторых отраслях — значительно выше среднего. В некоторых — значительно ниже среднего. При этом изменения тесно связаны с размерами изменения объема продукции по отраслям. Наиболее быстро производительность труда росла в наиболее быстро растущих отраслях, намного медленнее, иногда даже снижаясь — в медленно растущих или отраслях с падающим объемом производства. Такая связь традиционна для российской постсоветской экономики, где занятость очень медленно приспосабливалась к динамике производства. Вместе с тем, возникает сомнение в возможности падения производства в отраслях в период общего экономического роста. Тем более, в отраслях, где традиционные оценки показывали очень значительный рост и где нередко даже заметно росла численность занятых. Особенно здесь выделяется производство резиновых и пластмассовых изделий, производство электрооборудования. Скорее всего, объяснение лежит в слабом охвате нашим набором продукции этих отраслей. В связи с этим, можно предположить и его некоторую заниженность, для определения размера которой необходимо установить долю этих отраслей в общей занятости в промышленности. Она составила в 2008 г. 1,09 млн чел., или 7,7% общей занятости в промышленности в 2008 г. При предположении, что индекс продукции в этих отраслях занижен на 25 процентных пунктов (до среднего роста), общий индекс продукции и производительности труда за весь период увеличивается лишь на 1,9 процентных пункта, оставаясь все же значительно ниже официального и лишь менее чем на 0,5 процентных пункта увеличивая среднегодовой рост производительности труда.

Выявление влияния отдельных факторов на динамику рентабельности начнем с заработной платы. Среднемесячная начисленная заработная плата с 2004 по 2008 гг. выросла в добыче полезных ископаемых в 1,97 раза, обрабатывающем производстве — в 2,34 раза, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — в 2,2 раза⁴. Произведенный нами расчет (мы его опускаем из-за экономии места) показал, что средняя заработная плата в промышленности выросла за этот период в 2,21 раза. Индекс потребительских цен, по данным Гскамстата РФ, вырос в 1,53 раза [4, табл. 24.1]. К этому официальному индексу мы добавили неучтенный Гскамстатом РФ рост цен на 3% ежегодно в соответствии с выявленной нами переоценкой динамики ВВП, главной частью которого является потребление домашних хозяйств, ежегодно в этот же период [15, с. 19]. С учетом этого обстоятельства индекс потребительских цен вырос за весь период в 1,73 раза. Таким образом, индекс реальной среднемесячной заработной платы вырос в промышленности в 1,27 раза. За этот период индекс производительности труда в промышленности с учетом произведенной нами корректировки по обрабатывающей промышленности (о чем ниже) составил 1,15 (табл. 10). Таким образом, превышение роста реальной заработной платы над ростом производительности труда составило 1,104.

⁴ Исчислено по данным [3, 4, табл. 4.2].

Определение динамики материалоемкости продукции промышленности начнем с ее электроемкости. За анализируемый период потребление электроэнергии в промышленности выросло в 1,186 раза [4, 3, табл. 5]. С учетом указанной недооценки этого индекса, промышленная продукция выросла в этот период примерно на 10%. Таким образом, без учета структурных сдвигов, которые, как было показано, были небольшими, произошло значительное повышение электроемкости продукции, что, однако, в какой-то степени может быть связано с ростом технического уровня производства. С другой стороны, среднеарифметическое изменение фактических норм расхода электроэнергии по 10 видам продукции (добыча угля, нефти, производство хлеба и хлебобулочных изделий, бумаги, переработки нефти, синтетического каучука, цемента, электростали, проката черных металлов, электроферросплавов) отражает их снижение на 5%⁵. Очевидно, что этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Обращает на себя внимание тот факт, что в этот перечень включена почти полностью продукция с непрерывным производством. Почему-то в нем отсутствует такая наиболее электроемкая продукция, как алюминий. В связи с этим возникает вопрос, не производится ли произвольный выбор продуктов для публикации? Не исключены и статистические ошибки при измерении и в отчетности, хотя причины и возможный механизм их неясны.

Для определения динамики топливоемкости промышленной продукции была исчислена динамика внутреннего потребления топлива исходя из объема его добычи по внешнеторговому салдо по отдельным видам топлива за 2004 и 2008 гг.⁶. Расчет показал, что в 2008 г. внутреннее потребление топлива превысило уровень 2004 г. на 8,7%. Для сравнения с динамикой промышленного производства следовало бы сопоставить ее с динамикой потребления топлива промышленностью. К сожалению, баланс энергоресурсов публикуется статистическими органами России нерегулярно. Последний опубликованный энергобаланс относится к 2008 г. [4, табл. 5.1]. Данные энергобаланса 2003 г. слишком укрупнены и не позволяют провести сравнение с последующими балансами. Сравнение возможно только с энергобалансом за 2007 г. В 2007 г. на долю непромышленных отраслей экономики и населения приходилось 12,4% общего потребления энергоресурсов, в 2008 г. — 12,3%. Таким образом, как и следовало ожидать, изменения крайне незначительные. Следовательно, динамике общего внутреннего потребления энергоресурсов можно смело принять за динамику их потребления в промышленности. При сравнении прироста промышленной продукции за 2004–2008 гг. на 10% и потребления энергоресурсов на 8,7% можно сделать вывод о весьма заметном (на 0,3 процентных пункта ежегодно) снижении топливоемкости продукции промышленности. Однако публикуемые данные о динамике топливоемкости промышленной продукции в натуральном выражении говорят о более значительном снижении топливоемкости. Так, по 9 публикуемым продуктам (переработка нефти, производство мяса, хлеба и хлебобулочных изделий, синтетического каучука, серы, цемента, чугуна, электроферросплавов, проката черных металлов), если верить представленным данным, произошло снижение топливоемкости на 7% [4, табл. 5.4]. Серьезные сомнения в достоверности этих данных вызывает, в особенности, динамика изменения топливоемкости по цементу – снижение на 38%, что выглядит совершенно неправдоподобным, даже учитывая постепенный переход в этот период на менее энергоемкий сухой способ производства цемента. Но даже без цемента получается снижение топливоемкости на 3%. И здесь возникает вопрос об отборе продуктов для публикации. Удивляет отсутствие в перечне электроэнергетики. Оказывается, ее расход на 1 кВт-час электроэнергии в анализируемый период практически не изменился, а на одну гигакалорию – даже несколько вырос [4, табл. 6.169].

При оценке динамики электроемкости и топливоемкости промышленности в этот период следует учитывать, что в восстановительный период оба эти показателя снижаются из-за уменьшения доли условно-постоянных расходов, на которые приходится значительная часть потребления топлива и электроэнергии.

Динамику остальных элементов материалоемкости приходится рассчитывать на основе данных справочников «Финансы России» о затратах на производство промышленной продукции в текущих ценах, которые публикуются нерегулярно. В рассматриваемый период они публиковались за 2005 и 2009 гг. В связи с этим встают две задачи. Во-первых, увязать эти данные с анализируемым нами периодом. Здесь мы не видим другой возможности, кроме как принять их равными в динамике, учитывая, что речь идет об очень близком периоде и тех же четырех годах. Во-вторых, перевести динамику из текущих цен в сопоставимые. Однако практически реализовать эту схему, скорее всего, невозможно. Главное здесь состоит в том, что основные материальные потоки в промышленности

⁵ Рассчитано по: [4, 3, табл. 5.6].

⁶ Источниками данных были объемы добычи отдельных видов топлива, экспорта и импорта за 2004 и 2008 гг. и коэффициенты перевода из натурального топлива в условное топливо из справочников [5, 6, 2, 3, 4].

связаны с продукцией самой промышленности, и мы оказываемся в порочном кругу влияния динамики цен различных отраслей промышленности. Поэтому пришлось пойти по более доступному и экономически прозрачному пути. Для определения динамики материалоемкости промышленности в качестве эталона была избрана продукция машиностроения, а в качестве основного материала для ее выпуска — внутреннее потребление проката черных металлов, который преимущественно используется для изготовления продукции машиностроения. Общая динамика продукции машиностроения была нами исчислена на основе альтернативных индексов отдельных ее отраслей с использованием в качестве весов долей этих отраслей в общей занятости в машиностроении в 2008 г. (занятость характеризует относительные масштабы производства в каждой отрасли). Результаты расчета представлены в табл. 6.

Таблица 6

Общая динамика продукции машиностроения на основе альтернативных индексов⁷

Виды экономической деятельности	Индекс продукции за 2004–2008 годы (к 2004 году=1)	Численность занятых (млн чел.)	Доля в общей занятости	Расчет
1. Машины и оборудование	1,306	1,088	0,352	0,46
2. Электрооборудование	0,921	0,812	0,263	0,24
3. Транспортные средства	1,269	1,156	0,374	0,47
Итого	1,17		1,00	1,17

Таким образом, общий индекс продукции машиностроения составил 1,17.

Расчет динамики внутреннего потребления готового проката черных металлов на основе данных о его производстве, экспорте и импорте (только публикуемого плоского металла) представлен в табл. 7.

Таблица 7

Динамика внутреннего потребления готового проката черных металлов (млн т)⁸

Показатели	2004 г.	2008 г.
1. Производство	53,7	56,7
2. Экспорт	11,7	7,6
3. Импорт	1,9	3,2
4. Внешнеторговое сальдо (2–3)	9,8	5,4
4. Внутреннее потребление (1–4)	43,9	51,3

Рост внутреннего потребления готового проката черных металлов составил 1,17 (51,3:43,9).

Таким образом, выявилась неизменность материалоемкости в этот период. Данный вывод, без большого риска ошибиться, можно распространить на всю промышленность.

Однако на величину рентабельности влияет также относительное изменение цен на используемые материалы и потребляемые ею услуги (в основном, транспортные) и готовую продукцию. Когда речь идет о материалах, то имеют в виду потребляемую сельскохозяйственную продукцию. В этот период индекс оптовых цен на готовую продукцию промышленности составил 145,8; на сельскохозяйственную — 171,9; на тарифы грузового транспорта — 189,8 (индекс оптовых цен производителей промышленной продукции – табл. 4.1; цены сельскохозяйственной продукции – табл. 5.1; тарифы грузового транспорта – 7.1 в источниках [19, 18]). При этом мы вынужденно допускаем некоторое, полагаем, небольшое упрощение, приравнивая цены на сельскохозяйственную продукцию и тарифы на грузовые перевозки, относящиеся также и к другим сферам потребления, к продукции, потребляемой промышленностью.

Кроме отечественной продукции и услуг, российская промышленность потребляет также в качестве материалов и услуг импортную продукцию и услуги. По 11 выявленным нами видам материалов, потребляемых в промышленности (сахар-сырец, табачное сырье, продукция неорганической химии, органические химические соединения, лаки и краски, полимерные материалы, синтетический каучук, нити синтетические, ткани хлопчатобумажные, ткани из синтетических нитей, черные металлы), импорт в 2004 г. составил 5331,8 млн долл., в 2008 г. — 24 133 млн долл. [9, 8, табл. 18.23]. Таким обра-

⁷ Источники: таблица 2 и таблица 4.1 в справочниках [4, 3].

⁸ Источники: объем производства – по [4, 3 табл. 6.130]; внешнеторговый оборот – по [4, 3, табл. 7.1, 7.3].

зом, импорт материалов для промышленности возрос за 4 года почти в 5 раз! Это показывает, в какой большой степени возросла в этот период зависимость российской промышленности от импорта. В то же время в физическом выражении рост импорта был несравненно меньше. Произошел огромный рост цен импорта. По двум видам материалов, по которым он исчисляется, цены увеличились в долларах очень сильно: по синтетическому каучуку — с 992 до 1936 долл. за т, трубам из черных металлов — с 1003 до 2406 долл. за т [9, 8], в среднем — в 2,17 раза. О том, что это не случайный рост цен импорта, говорит их изменение по другим видам продукции импорта [9, 8]. Такой огромный рост импортных цен вызывает изумление, поскольку в ведущих западных странах в этот период оптовые цены росли в среднем на 2–3% в год. Причинами такого разрыва могут быть либо рост вывоза капитала через механизм завышенных цен импорта, либо расточительность российских импортеров, ошалевших от изобилия валюты в этот период, либо и то и другое.

Чтобы оценить, как этот рост импортных цен сказался на издержках производства в промышленности, надо определить удельный вес импорта в затратах на материалы в промышленности. Для этого сначала переведем величину импорта материалов из долларов в рубли по средневзвешенному курсу рубля к доллару, который, по нашим подсчетам, вырос с 28,69 руб. в 2004 г. до 24,92 руб. в 2008 г. Таким образом, в рублевом выражении импорт материалов составил в 2004 г. 152,9 млрд руб., в 2008 г. — 601,4 млрд руб. Сопоставление этой величины с общим объемом потребления материалов в промышленности позволяет выявить долю импорта в потреблении материалов в промышленности. Для определения объема потребления материалов в промышленности умножаем общий объем затрат в добыче природных ископаемых, обрабатывающей промышленности и добыче и распределении электроэнергии, газа и воды [12, 11, табл. 6.7]⁹ на долю сырья и материалов в затратах этих крупных отраслей промышленности [12, 11, табл. 3.1,3.18]. Результаты расчета для 2004 г. представлены в табл. 8.

Таблица 8

Объем потребления материалов в промышленности за 2004 г. (трлн руб.)

Виды экономической деятельности	Объем затрат	Доля сырья и материалов (в %)	Объем потребления сырья и материалов
1. Добыча полезных ископаемых	1,633	9,8	0,162
2. Обрабатывающая промышленность	4,829	56,8	2,742
3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,271	11,5	0,146
Итого	7,733	39,4	3,051

Результаты расчета для 2008 г. представлены в табл. 9.

Таблица 9

Объем потребления материалов в промышленности за 2008 год (трлн руб.)

Виды экономической деятельности	Объем затрат	Доля сырья и материалов (в %)	Объем потребления сырья и материалов
1. Добыча полезных ископаемых	3,512	37,1	1,303
2. Обрабатывающая промышленность	12,074	53,5	6,459
3. Производство и распределение электроэнергии, газа и нефти	3,365	10,9	0,366
Итого	18,952	44,4	8,416

Таким образом, доля импорта в потреблении материалов промышленностью в 2004 г. составила 5% (152,9 : 3051,0), в 2008 г. — 7,1% (601,4 : 8416,0). Следует иметь в виду, что нами исчислен не весь импорт сырья и материалов. Опущен импорт мясомолочных изделий ввиду неясности, какая часть его используется в качестве сырья и материалов. Что еще более важно, не учитывается из-за отсутствия данных в общей статистике внешней торговли импорт комплектующих изделий, который в ряде отраслей машиностроения весьма значителен.

⁹ Рассчитано на основе среднемесячных значений курса рубля к доллару.

Для сопоставления роста импортных цен с потреблением сырья и материалов следует учесть изменение курса рубля. Его индекс составил 0,87 (24,92 : 28,69). Отсюда индекс рублевых импортных цен составил 1,89 (2,17 x 0,87). Это намного больше, чем индекс оптовых цен промышленности (1,46). Для выявления его влияния на изменение издержек в промышленности следует сначала учесть долю импорта в затратах на материалы. Для 2008 г. это приведет к росту издержек на материалы (при предположении неизменности изменения материалоемкости в физическом выражении) на 13,2% (1,89 x 0,07). Теперь учтем долю затрат на сырье и материалы в издержках производства в 2008 г. — 44,4% (табл. 9). Таким образом, издержки возрастают на 5,81%. Если учесть не включенные в расчеты (из-за сложности) материалы сельскохозяйственного происхождения и транспортные тарифы, этот рост окажется значительно большим.

Для оценки динамики эффективности использования основных фондов воспользуемся нашими более ранними примерными расчетами динамики основных фондов в этот период. В соответствии с ними, за 1999–2007 гг. основные фонды РФ сократились на 5,8% [15, с. 88]. В 2006 г. по сравнению с предыдущим годом основные фонды остались на неизменном уровне [15, с. 88]. Мы не производили расчетов динамики основных фондов отдельно для промышленности. В 90-е годы они, безусловно, сокращались быстрее, чем по всей экономике, поскольку быстрее сокращались капитальные вложения. В данный период положение изменилось. За 2005–2008 гг. индекс физического объема капитальных вложений составил к 2004 г. по всей экономике 174,4%, по добыче полезных ископаемых – 159%, по обрабатывающему производству – 172%, по добыче и распределению электроэнергии, воды и газа – 190%¹⁰. Взвесив полученные индексы по крупным отраслям промышленности на их долю в общем объеме капитальных вложений в промышленность (соответственно 0,38, 0,42, 0,2) [1, табл. 2.18], получили индекс, равный 170%, практически такой же, что и по всей экономике. Поэтому с достаточной уверенностью можно утверждать, что основные фонды промышленности также не изменились в этот период. В то же время индекс продукции промышленности в этот период вырос, по нашим оценкам, в 1,1 раза. Отсюда фондоотдача также выросла в 1,1 раза. Это очень большой рост фондоотдачи за такой короткий период. Он, несомненно, прежде всего связан с остающимися еще в начале периода резервами производственных мощностей в промышленности, особенно в конкурентоспособных отраслях обрабатывающей промышленности. Но к концу периода эти резервы были почти исчерпаны. О перегреве экономики, связанном с исчерпанием резервов производственных мощностей (и более или менее квалифицированной рабочей силы), свидетельствует огромный рост средней заработной платы и оптовых цен промышленности за 2007–2008 гг. Таким образом, развернувшийся в конце 2008 г. в России экономический кризис имел не только и не столько импортированный характер, сколько отечественный циклический характер кризиса перепроизводства. Об этом также свидетельствует тот факт, что грузовые железнодорожные перевозки перестали расти уже в мае 2008 г., за несколько месяцев до развертывания мирового кризиса в сентябре-октябре 2008 г. Именно поэтому он в России вообще и в российской промышленности в частности оказался более разрушительным, чем в большинстве других стран мира. Вместе с тем, неизменность объема основных фондов промышленности говорит о невозможности серьезного обновления ее основных фондов. Особенно это относится к обрабатывающей промышленности и производству и распределению электроэнергии, газа и воды, где финансовые возможности были намного меньше, чем у добывающей промышленности, получавшей в этот период огромные доходы от высоких цен на топливо и сырье.

Рассчитанные выше альтернативные оценки развития промышленности за 2005–2008 гг. обобщены в табл. 10.

Таблица 10

Индекс основных технико-экономических показателей промышленности в 2008 г. к 2004 г. (в %)

1. Индекс промышленной продукции	110,0
2. Индекс годовой производительности труда	115,1
3. Индекс материалоемкости	100,0
4. Индекс топливоемкости	98,7
5. Индекс электроемкости	107,8
6. Индекс фондоотдачи	110,0

¹⁰ Исчислено по: [1, табл. 2.19].

Представленные в табл. 10 данные говорят о весьма успешном развитии промышленности в данный период. Очень важно, что оно целиком носило интенсивный характер (рост электроемкости обычен для индустриальной экономики). Если с точки зрения темпов прироста достижения промышленности были весьма скромны, то с точки зрения эффективности производства они были значительны. И это могло бы означать новый этап экономического развития России, если забыть, что такие достижения обычны для восстановительного периода в любой экономике. При учете данного обстоятельства оснований для оптимизма с точки зрения перспектив развития промышленности нет, ибо резервы восстановительного периода близки к исчерпанию.

Рассмотрим более подробно влияние изменения технико-экономических показателей промышленности и цен на динамику рентабельности промышленности. Ранее эта проблема нами рассматривалась лишь в связи с динамикой заработной платы и импортных цен на материалы.

В качестве исходных данных для расчета примем данные о выручке, объеме и структуре затрат на выпуск промышленной продукции в 2004 г. При этом для учета восстановительной стоимости основных фондов пересчитаем величину амортизации основных фондов в соответствии с исчисленным нами (этот расчет содержится в принятой к печати нашей статье) превышением стоимости восстановительных фондов над их балансовой стоимостью за 2005–2008 гг. (в 7,1 раза). Результаты расчета представлены в табл. 11.

Таблица 11

Расчет альтернативной оценки рентабельности промышленной продукции в 2004 г. (трлн руб.)¹¹

1. Выручка	9,9
2. Затраты на производство	9,79
В том числе:	
3. Сырье и материалы	3,68
4. Топливо	0,51
5. Электроэнергия	0,58
6. Оплата труда и социальное страхование	1,38
7. Амортизация основных средств	2,41
8. Прочие	1,23
9. Валовой доход (1–2)	0,11
10. Коммерческие и управленческие расходы	0,71
12. Прибыль/убыток (9–10)	-0,6
13. Сальдо операционных доходов и расходов	-0,25
14. Сальдо прочих внеоперационных доходов и расходов	0,09
15. Сводный финансовый результат (12+13+14)	-0,76
16. То же к выручке, %	-7,7

Примечание: все данные в табл. 11 и 12 округлены.

В табл. 12 представлен расчет альтернативной оценки рентабельности промышленности России в 2008 г., основанный на динамике указанных в табл. 10 физических характеристик изменения экономических показателей развития промышленности за 2005–2008 гг. и относительных изменениях цен на издержки (в ценах 2004 г. в трлн руб.).

Таблица 12

Альтернативная оценка рентабельности промышленности России в 2008 г.¹²

1. Выручка	10,89 ¹³
2. Затраты на производство	10,95

¹¹ Источники: 1) выручка – по: [10, табл. 3.1] на основе данных о выручке отраслей (в трлн руб.) добыче полезных ископаемых (2,418), обрабатывающего производства (6,123), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (1,356); 2) затраты на производство – там же, соответственно 1,33; 4,828; 1,271; 3) отдельные элементы затрат исчислены на основе структуры затрат промышленной продукции в 2003 г. по [10, табл. 3.17]. К статье «сырье и материалы» добавлена разница между долей материальных затрат (61,8) и ее составляющих.

¹² Источники: об объеме выручки – по: [12, табл. 3.1].

¹³ Рассчитано исходя из объема производства в 2004 г. и его роста в 1,1 раза.

Окончание табл. 12

В том числе:	
3. Сырье и материалы	4,28 ¹⁴
4. Топливо	0,46 ¹⁵
5. Электроэнергия	0,78 ¹⁶
6. Оплата труда и социальное страхование	1,67 ¹⁷
7. Амортизация основных средств	2,41 ¹⁸
8. Прочие	1,35
9. Валовой доход (1–2)	-0,06
10. Коммерческие и управленческие расходы	1,59 ¹⁹
11. Прибыль/убыток (9–10)	-1,65
12. Сальдо прочих доходов и расходов	-0,69 ²⁰
13. Сводный финансовый результат (11+12)	-2,34
14. То же в % к выручке	-21,5 ²¹

Как видим, уровень рентабельности в 2008 г. по сравнению с 2004 г. стал еще более отрицательным: вместо -8,6% к выручке -21,5%. Такой катастрофический уровень и динамика рентабельности находятся в видимом противоречии с состоянием дел в промышленности в 2008 г. Прежде всего, речь идет о значительно возросшем уровне капитальных вложений в этот период и повышении уровня реальных доходов занятых в промышленности. Объяснение этого противоречия достаточно очевидно и не нуждается в пространных объяснениях. Речь идет об огромном влиянии на промышленность небывалого роста мировых цен на продукцию отрасли полезных ископаемых, прежде всего, на углеводородное топливо. Немалое значение имело получение промышленностью огромных внешних кредитов, что облегчало их текущее финансовое положение. Стоило обоим этим факторам резко ухудшиться в конце 2008 г., — и видимое благополучие промышленности исчезло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инвестиции в России — 2010: Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
2. Промышленность России. 2005. Стат. сб. М.: Росстат, 2006.
3. Промышленность России. 2008. Стат. сб. М.: Росстат, 2008.
4. Промышленность России. 2010. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
5. Российский статистический ежегодник. 2004. Стат. сб. М.: Росстат, 2004.
6. Российский статистический ежегодник. 2008. Стат. сб. М.: Росстат, 2008.
7. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2009 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2010»). Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
8. Торговля в России. 2005. Стат. сб. М.: Росстат, 2006.
9. Торговля в России. 2010. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
10. Финансы России. 2005. Стат. сб. М.: Росстат, 2005.
11. Финансы России. 2006. Стат. сб. М.: Росстат, 2006.
12. Финансы России. 2010. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
13. Ханин Г.И., Полосова О.И., Иванченко Н.В. Промышленное производство России в 1996–1999 годы // ЭКО. 2002. № 1.

¹⁴ Исходя из неизменности материалоемкости продукции и взаимнокомпенсирующего влияния на рентабельность промышленности роста цен на отечественные промышленные материалы, при расчете этого показателя учтен лишь относительный рост цен на импорт материалов. Поэтому объем потребления сырья и материалов в 2004 г. умножен на исчисленный рост промышленного производства и скорректирован на изменение доли импортных материалов в общем их потреблении. Причины неучета изменения цен на сельскохозяйственные материалы и транспортные тарифы были изложены в основном тексте статьи.

¹⁵ Объем потребления топлива в 2004 г. умножен на рост промышленной продукции и скорректирован на соотношение цен на топливо и по всей промышленности — 0,82 (1,19:1,46). Учтена неизменность топливоемкости продукции промышленности.

¹⁶ Получено исходя из объема потребления электроэнергии в 2004 г., роста промышленной продукции, роста электроемкости продукции на 7,8% и соотношения роста цен на электроэнергию и по всей промышленности — 1,13 (1,66:1,46).

¹⁷ Объем фонда заработной платы и отчислений на соцстрах в 2008 г. определен исходя из его величины в 2004 г. (1,38 трлн руб.), индекса численности занятых за 2004–2008 гг. (0,955) и индекса среднемесячной реальной заработной платы за этот период (1,27).

¹⁸ Объем амортизации основных средств оставлен на уровне 2004 г. с учетом неизменности объема основных фондов за период.

¹⁹ Скорректировано на изменение доли прочих расходов в издержках по сравнению с 2004 г. (15,7% вместо 15,9%).

²⁰ Исчислено в соответствии с отношением этих расходов к затратам на производство в 2008 г. — 14,5%.

²¹ Исчислено по доле сальдо операционных доходов и расходов (-1,13 трлн руб.) к себестоимости проданной продукции промышленности в 2008 г. (17,89 трлн руб.), равной -6,3%.

14. Ханин Г.И., Полосова О.И., Фомин Д.А. Промышленная продукция в РФ в 2001–2003 годы: альтернативная оценка // ЭКО. 2005. № 2.
15. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Альтернативные оценки макроэкономических показателей экономики России / Учеб. пособие. Новосибирск, 2011.
16. Ханин Г.И., Фомин Д.А., Копылова Н.В. Альтернативная оценка финансово-экономического положения отраслей российской экономики / Учеб. пособие. Новосибирск, 2011.
17. Ханин Г.И., Полосова О.И., Фомин Д.А. Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты. Часть 2. Альтернативные оценки динамики производства продукции и услуг отраслей российской экономики / Учеб. пособие. Новосибирск, 2011.
18. Цены в России. 2008. Стат. сб. М.: Росстат, 2008.
19. Цены в России. 2010. Стат. сб. М.: Росстат, 2010.

В ФОКУСЕ НАУКИ — УЛИЧНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Заметка посвящена характеристикам западных социологов уличных протестных движений.

Ключевые слова: уличные демонстрации; протестные движения; институциональная политика.

The article is devoted to the characteristics of street protest movements by Western sociologists.

Keywords: street demonstrations, protest movements; institutional policy.

Коды классификатора JEL: A14, Z18.

Демонстрация («уличный протест») — действия во имя достижения политических и иных целей, состоящие из встречи в назначенном пункте, митинга с ораторами, блокады или сидячей забастовки; могут быть мирными и насильственными; как политический инструмент используется с середины 19-го века, — со времен огромных собраний протеста в Ирландии. Одна из форм гражданской активности, применяемая для выражения позиции по определенной общественной проблеме; считается тем успешнее, чем больше людей в ней участвует.
(Из «ВИКИПЕДИЯ-2012»)

В работе «Contemporary Social Protest and Street Demonstrations in the United States» [4], специально посвященной современным уличным социальным демонстрациям протеста в США, Дана Р. Фишер (факультет социологии, Университет штата Мэриленд) рассматривает их роль в текущем цикле социального разлома в Соединенных Штатах, а также их связь с современными социальными процессами. Автор характеризует уличные демонстрации в США как популярную форму коллективных действий, перерастающую в некий особый политический институт.

Действительно, в последние годы социальные протесты в уличной форме происходят (в различных масштабах) практически по всему миру, отражая многообразие социальных движений, устанавливая своеобразную связь между протестом и институциональной политикой.

Все это вынуждает социальную науку пристально вглядываться в такой необычный феномен, как уличная демонстрация, — тем более что длительный период стихийный уличный социальный протест вел и в социальной науке такое же «уличное» существование, не вписываясь в границы ее предмета. Не случайно Дана Р. Фишер подчеркивает, что, в отличие от уличного протеста, профсоюзы развитых стран уже давно используют для выражения своей протестной позиции сугубо институциональные политические инструменты (такие, как кампании лоббирования и петиции), избегая инициировать разрушительную тактику прямого действия.

Рудд Купманс в работе «Анализ волн протеста в Западной Германии»¹ разграничивает протестные действия на разрушительные, конфронтационные и насильственные. Он приходит к важному

¹ См.: [8].

выводу — участие организаций оказывает сдерживающее влияние на стихийные протестные выступления. Развивая этот подход, ряд исследователей полагает, что участие в протестном движении формальных, бюрократических, централизованных структур может повысить эффективность такого движения.

Общая позиция социологов сводится к тому, что уличные протестные демонстрации — это форма, вынужденно возникающая вне обычных политических институтов, то есть политика, осуществляемая «андеграундными» средствами².

Таким образом, «уличные» социальные движения порождаются их изгнанием из действующих политических институтов, что заставляет их использовать внеинституциональные формы протеста. Отсюда следует, что институционализация протестного движения есть условие не только их эффективности, но и введения их в границы «нормального политического процесса».

Но тогда в такой институционализации в равной мере должны быть заинтересованы как представители такого уличного протестного движения, так и властные структуры, позволяя реализовать коллективный протест в границах «нормальной» политики³.

Предпосылку нормализации протестного движения авторы усматривают в вертикальной интеграции участвующих в нем организационных структур. Одновременно в литературе отмечается, что выбор лоббирования и петиций является существенным признаком высокого уровня институционализации протестного движения, тогда как менее организованные социальные движения выбирают тактику уличных протестов⁴.

Таким образом, социальные движения делятся — в зависимости от уровня их институционализации — на более и на менее формализованные (и, следовательно, на менее и на более разрушительные).

Однако во многих случаях неформализованные социальные движения не выбирают уличные демонстрации, а принуждаются к ним внешними обстоятельствами⁵, в том числе и неконструктивной позицией властей.

Тем не менее, в последнее время социальный протест начал рассматриваться как часть нормальной политики⁶, поскольку отмечается «рост профессионализации и институционализации протеста»⁷ и усиление связи между «инсайдерами» и «аутсайдерами» политической сферы⁸.

Уличные демонстрации всегда являются частью более крупных социальных движений, отражающих институциональные циклы социального раздора. Понятие «цикл протеста» был введен С. Тарроу [19]⁹ для объяснения механизма мобилизации социальных протестов. Уличную демонстрацию сам С. Тарроу определяет как «фазу повышенной конфликтности внутри социальной системы с сочетанием организованных и неорганизованных форм».

Если же от теории переходить к практике, то нам необходимо обратиться к реалиям Южной Кореи, которая известна как страна частых массовых уличных демонстраций, организуемых различными группами гражданского общества с целью оказания давления на правительство по актуальным проблемам дня. Иногда эти демонстрации принимают экзотический характер — например, весной 2008 года сотни тысяч (!) корейцев почти каждую ночь (!) шли со свечами (!) в течение двух месяцев (!) в знак протеста против импорта говядины из Соединенных Штатов. Множество более мелких демонстраций проходят каждую неделю в Сеуле.

Однако менее известно, что эти публичные демонстрации все чаще становятся частью стратегии неправительственных групп, чтобы вызвать изменения в общественных законах и процессах. Иногда эти демонстрации приносят удивительные плоды — в виде усиления взаимодействия между активистами гражданского общества и большой государственной бюрократией. В результате государственное управление в Корее постепенно становится более прозрачным, доступным, «отзывчивым», и социально-ориентированным [16].

² См.: [9, 10, 11, 12].

³ См.: [15].

⁴ См.: [18, 14].

⁵ См.: [1].

⁶ См.: [13, 6, 5, 17].

⁷ См.: [2, 12].

⁸ См.: [7, 3].

⁹ См. также: [20, 21].

Общий вывод исследований сводится к тому, что организации играют важную роль в мобилизации людей на участие в уличных демонстрациях и что имеется связь между протестующими на улицах и неправительственными организациями, деятельность которых направлена на лоббирование переговоров. А то, что выводы американских и европейских социологов подтверждает далекая от них южнокорейская практика, в который раз доказывает единство социально-исторической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cable Sh., Benson M. Acting Locally: Environmental Injustice and the Emergence of Grassroots Environmental Organizations // Social Problems. 1993. Vol. 40. № 4.
2. Caren N., Ghoshal R.A., Ribas V. A Social Movement Generation: Cohort and Period Trends in Protest Attendance and Petition Signing // American Sociological Review. 2011. Vol. 76.
3. Della Porta D., Tarrow S. Transnational Protest & Global Activism. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004.
4. Fisher D.R. Contemporary Social Protest and Street Demonstrations in the United States // http://www.bsos.umd.edu/gvpt/cpworkshop/FisherDemonstrations_WorkshopPaper2012.pdf.
5. Fisher D.R. COP-15 in Copenhagen: How the Merging of Movements Left Civil Society Out In the Cold // Global Environmental Politics. 2010. Vol. 10. № 2.
6. Fisher D.R. Taking Cover Beneath the Anti-Bush Umbrella: Cycles of Protest and Movement-to-Movement Transmission in an Era of Repressive Politics // Research in Political Sociology. 2006. Vol. 15.
7. Keck M.E., Sikkink K. Activists beyond borders: advocacy networks in international politics. Ithaca: Cornell University Press, 1998.
8. Koopmans R. The Dynamics of Protest Waves: West Germany, 1965–1989 // American Sociological Review. 1993. Vol. 58.
9. McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
10. McAdam D., Snow D.A. Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics. Los Angeles: Roxbury, 1997.
11. McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
12. McCarthy J.D., McPhail C. The Institutionalization of Protest in the United States // In The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century / D.S. Meyer, S. Tarrow (eds.) Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998.
13. Meyer D.S. The politics of protest: social movements in America. New York: Oxford University Press, 2007.
14. Oliver P. Bringing the Crowd Back // In: The Nonorganizational Elements of Social Movements // Research in Social Movements, Conflicts and Change. 1989. Vol. 11.
15. Piven F.F., Cloward R.A. Poor people's movements: why they succeed, how they fail. New York: Pantheon Books, 1977.
16. Reed E., Kyung-sook L. Korea's Dynamic Politics: A Source of Lessons for Emerging Asia. May 13, 2009 // <http://asiafoundation.org/in-asia/2009/05/13/koreas-dynamic-politics-a-source-of-lessons-for-emerging-asia/>.
17. Soule S.A., Earl J. A movement society evaluated: Collective protest in the United States, 1960–1986 // Mobilization: An International Journal. 2005. Vol. 10.
18. Staggengborg S. The Consequences of Professionalization and Formalization in the Pro-Choice Movement // American Sociological Review. 1988. Vol. 53.
19. Tarrow S. Cycles of Collective Action: Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention // Social Science History. 1993. Vol. 17. № 2.
20. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
21. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ И ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА

Н.А. КРАВЦОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
Южный федеральный университет
e-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

В статье, на основе древних свидетельств и египетских иероглифических записей, делаются заключения о социальном и правовом статусе деятелей искусства в Древнем Египте. Автор настаивает на выводе об их высоком социальном и правовом статусе и опровергает противоположные этому выводу точки зрения.

Ключевые слова: Древний Египет; искусство; деятели искусства; социальный статус; правовой статус; жрецы.

Conclusions concerning social and legal status of an art personality in the Ancient Egypt are made in the article based on the ancient evidence and Egyptian hieroglyphic signs. The high social and legal status of ones is held by the author as the only valid point of view.

Keywords: Ancient Egypt; art; art personality; social status; legal status; priests.

Коды классификатора JEL: Z11, Z13, Z18, N37, K00.

Не только конкретика государственного воздействия на искусство, но и статус деятелей искусства в Древнем Египте, на сегодняшний момент вопрос во многом открытый. Потеря памятников древнеегипетского права – потеря невосполнимая, а косвенные данные противоречивы и неполны.

Известно очень немного. На основе исторических свидетельств и расшифрованных надписей пробелы в наших знаниях удастся восполнить только частично. Диодор Сицилийский, со ссылкой на подлинные книги египетских жрецов, как на источник своей информации, пишет, что в Египте население делится на три касты: жрецов, воинов и работников, которые, в свою очередь подразделяются на землепашцев, пастухов и ремесленников. Он также указывает на то, что Египет – единственная страна в мире, в которой профессии наследуются, и никому не дозволено менять свой образ занятий [5, в. 1, с. 159–160]. К какому из этих разрядов относятся деятели искусства, из хроники Диодора непонятно. Дальнейшие сведения, приводимые Диодором, также весьма туманны и противоречивы.

К примеру, описывая траурные мероприятия, происходящие обычно по случаю смерти фараона, он указывает: «мужчины и женщины, числом в две или три сотни, с головами, покрытыми грязью, и платяными поясами на груди, дважды в день совершают музыкальные причитания, описывающие добродетели усопшего и воздающие ему хвалу» [5, в. 1, р. 154–155]. Возможность оперативной организации массовых хоровых действий предполагает необходимость наличия большого числа граждан, которые были бы достаточно сведущи в искусстве хорового пения. А это влечет за собой предположение о необходимости существования государственно-организованного всеобщего музыкального образования, как это имело место, например, в Спарте.

Однако тот же Диодор в другом месте свидетельствует: «борьба и музыка были у них запрещенными искусствами, потому что относительно борьбы они полагали, что она может повредить здоровью, принося телу преходящую и опасную силу; что же до музыки, то они рассматривали ее не только как бесполезную, но и как вредную для нравов, поскольку она расслабляет душу» [5, в. 1., р. 174]. Это очень сомнительное утверждение, и с точки зрения вышеприведенного свидетельства о массовом хоровом оплакивании фараона, и с точки зрения известных на сегодняшний день дан-

ных о музыкальном оформлении религиозных церемоний в Египте. Возможно предположить, что информация Диодора касается исключительно светской музыки. Или он был свидетелем запрета, существовавшего в связи с какими-то обстоятельствами относительно недолгое время, и принял его за национальную традицию. Но конкретных фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть эти предположения, нет.

Очевидно и еще одно противоречие в «показаниях» Диодора. Он неоднократно указывает на то, что и Орфей и Мусей посещали Египет, и эти поездки были небесполезными для их творчества. Непонятно тогда, что они могли почерпнуть в стране, в которой музыкальное искусство считалось вредным и было официально запрещено.

Так обстоит дело с информацией, найденной нами у древнего историка, который, по собственному его утверждению, бывал в Египте и изучал труды тамошних жрецов и законы. Современные историки приводят не менее фрагментарные, а порой и не менее противоречивые данные, из которых весьма затруднительно сложить более-менее целостное представление о статусе древнеегипетского деятеля искусства.

Исследователь первой половины прошлого века, О. Шуази делает наблюдение, согласно которому, «традиции зодчества передавались по наследству от отца к сыну. Бругшу удалось установить целые родословные архитекторов... Государственный «казенный» заказ был, если не единственным, то, во всяком случае, обычным способом исполнения тех сооружений, которые требовали профессионального ремесленника» [3, с. 44].

Российский исследователь В. Миронов, работы которого, при всех спорных аспектах, содержат и множество ценной информации, приводит любопытные сведения на этот счет: «Многие зодчие принадлежали к царскому или жреческому роду. Хемун, великий создатель пирамиды Хеопса, был старшим сыном Нефермаата, сына фараона Снофру. Зодчими станут и сыновья Снофру – Нефермаат и Рахотеп» [2]. На основании этих сведений можно сделать предварительное заключение о том, что искусство, по крайней мере, в творческой его части, не считалось у египтян позорным занятием (в отличие от того, что имело место в Древней Индии), а его деятели могли принадлежать к самой верхушке социальной системы. И это предположение подтверждается, как мы это увидим ниже, целым рядом данных.

Одновременно, представляется сделать возможным и заключение о том, что наиболее талантливые деятели искусства, если они были выходцами из низов, имели возможность совершить стремительное восхождение по социальной лестнице. Тот же Миронов приводит интересный пример: «Выдающимися способностями, судя по всему, отличался и талантливый зодчий Сенмут, сделавший стремительную карьеру при царице Хатшепсут (при XVIII династии). Хотя он не был знатен, ему поручали все главные административные, высшие должности (хранителя печати, воспитателя царевны наследницы, начальника дворца, сокровищницы, дома Амона, житниц Амона, «всех работ Амона» и «всех работ царя»). Позже он скажет так о своем положении: «Я был величайшим из великих во всей стране. Я был хранителем тайн царя во всех его дворцах, частым советником по правую руку владыки; постоянный в милости и один имеющий аудиенцию, любящий правду, беспристрастный, тот, кого слушали судьи и чье молчание было красноречиво... Я был полезен царю, верен богу и беспорочен перед народом. Я был тот, кому был поручен разлив, чтобы я мог руководить Нилом; кому были доверены дела Обеих Земель. Все, что приносили Юг и Север, было под моей печатью, труд всех стран был в моем ведении. Я имел доступ ко всем писаниям пророков, не было ничего от начала времени, чего бы я не знал». Знаменитое творение Сенмута – заупокойный храм Хатшепсут в Дейр эль Бахри – восхищает и по сей день» [2]. Этот пример свидетельствует и о сомнительной надежности некоторых из античных сведений о египетской социальной структуре, которые в течение многих веков считались абсолютно надежными. Это касается, прежде всего, абсолютизации принципа наследственности в сословной и профессиональной организации египетского общества. И, если будет найдено подтверждение тому, что случаи, подобные случаю с Сенмутом, не были единичными, то репутация Египта, как модели платоновского идеального государства, с его абсолютно закрытой кастовой системой (в утверждении которой в нашей науке немалую роль сыграл Маркс) будет несколько подмочена.

Учитывая невозможность обращения собственно к текстам древнеегипетского права, мы сочли необходимым тщательно изучить дошедшие до нас надписи, в той части, в которой они касаются сословного и политического статуса деятелей искусства. Значительная часть наиболее важных записей была в свое время приведена Я. Лурье в его классической работе «Очерки древнеегипетского права XVI-X веков до н.э.», во второй ее части, представляющей собой впечатляющую подборку расшифрованных древнеегипетских текстов. В результате такого изучения, перед нами сначала

открылись некоторые детали, которые затем стали складываться в некую картину, пусть и очень недетализированную.

Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что упоминаемые в различных записях деятели искусства – свободные люди, обладающие зачастую довольно высоким социальным статусом. Более того, они зачастую включены в систему государственной администрации. Так, в административный орган, возможно бывший разновидностью клерикального суда – «кенбет некрополя», и назначавшийся, как предполагается, везиром, помимо прочих членов, входили и два художника [1, с. 37].

В его юрисдикцию, судя по сохранившимся записям, входило разбирательство не только тяжб, связанных собственно с погребением, но и тяжб семейного и долгового характера [1, с. 63–64]. Причем теоретически этот список можно мыслить более широким, поскольку информация является фрагментарной и, очевидно, неполной.

Сохранился папирус с подтверждением наследственных прав «певицы бога Сета», в котором она утверждает, в том числе, и права усыновленных ей детей рабыни [1, с. 105]. Это можно трактовать как свидетельство того, что, по меньшей мере, храмовые певцы были свободными и не были ограничены в гражданских правах. Более того, из документа следует, что покойный супруг певицы был начальником конюшен. Мы можем предположить, что лицо, занимавшее, пусть не самую высокую, но все же административную должность, не считало для себя мезальянсом брак с певицей. Тем более, что, как следует из того же документа, он завещает ей все свое имущество, не оставляя доли для своих братьев и сестер.

Бездетность этой семейной пары, что приобретает рабыню, рожаящую впоследствии детей, которые усыновляются, позволяет сделать несколько предположений. Первое: муж был бесплоден. Но в таком случае было бы более естественным усыновить кого-нибудь из родственников-сирот. Второе: бесплодна была супруга. В этом случае рабыня могла бы быть приобретена для рождения детей, а жена начальника конюшен «взяла их, вскормила их, и вырастила их» [1, с. 167]. Но мы можем предположить и сохранение храмовой певицей ритуальной девственности, или ритуальной чистоты, которой препятствовало деторождение.

Последнее предположение вполне допустимо, поскольку в Древнем Египте «жрецы... считались «чистыми» (они теоретически не знали женщин, не ели рыбы и мяса)» [2].

Следует также иметь в виду, что, по свидетельству Диодора Сицилийского, египтяне могли иметь несколько жен, кроме жрецов, которым предписывалось иметь только одну жену. Причем важно и его указание на то, что признавались законными и должны были получить воспитание все дети, в том числе и родившиеся от рабынь, купленных за деньги [5, v. 1, p. 171].

Наконец, любопытно, что в анализируемом документе среди свидетелей называются, помимо прочих, певица Сета Таиухер и певица Анти Тентнебхет [1, с. 168]. Это лишний раз свидетельствует о том, что храмовые певицы – полноправные гражданки, могущие выступать свидетелями при заключении сделок.

Вообще любопытно, что в египетских документах свидетелями обычно выступают коллеги сторон. Это заставляет нас только сожалеть о том, что не сохранились документы, сторонами в которых выступали бы другие деятели искусства, что позволило бы нам строить предположения относительно их общественного статуса.

Подробности статуса храмовых жриц нам неизвестны. Уже упоминавшийся нами В. Миронов не относит их к жреческому сословию, низводя их исключительно до уровня храмовой obsługi. Рассуждая о положении женщин в Египте, он пишет: «хотя египетская женщина и чувствовала себя увереннее, чем женщины других стран Востока и Запада, разумеется, и речи не могло быть о «равных правах» с мужчиной. Они не могли овладеть какой-либо серьезной профессией или ремеслом. Среди них не было ни писцов, ни скульпторов, ни художников, ни ученых, ни плотников. Некоторые из представителей высшего круга могли читать и писать. Им не дозволялось выступать в роли жриц, хотя при храмах был свой штат женской obsługi. Документы называют их «певицами» – они пели в хоре и танцевали для увеселения богов, сопровождая себя при помощи музыкального инструмента (систры). Иногда их рассматривали как наложниц бога, но свидетельств о сакральной проституции, имевшей место у других народов, нет» [2]. Эта точка зрения, в контексте подлинных документов, которые мы здесь анализируем, должна быть подвергнута ряду серьезных уточнений. Прежде всего, достаточно иметь хотя бы поверхностные представления о музыкальном искусстве великих цивилизаций древности, чтобы понимать, что оно требовало серьезного обучения. Профессиональное исполнительство и профессиональный танец стояли по уровню сложности гораздо выше своих народных аналогов. Поэтому, если речь идет о танце и хоровом пении, причем в сопровождении музыкального инструмента, то эта работа требует основательнейшего обучения. Не за-

будем и о том, что все это происходило, вдобавок, в рамках храмового ритуала. С учетом более чем серьезного отношения египтян к религии, нельзя не прийти к выводу о том, что профессиональная подготовка храмовых певиц должна была быть более чем основательной. А это, в свою очередь, означает, что речь идет именно о «серьезной» (по выражению того же Миронова) профессии. И, похоже, уравнивать певиц с храмовой обслугой это так же некорректно, как если бы мы сегодня отнесли к церковной службе, наряду с уборщицами и продавщицами свечей, также и певцов церковного хора. И опять же, не станем забывать о том, что супругом певицы был начальник конюшен, который вряд ли вступил бы в брак с простой обслугой.

Есть и еще один документ, содержание которого заставляет нас поставить точку зрения В. Миронова под серьезное сомнение. Несомненно, что обслуга должна быть абсолютно подчинена храмовому начальству. Иначе просто не может быть по определению. Между тем, в защитной грамоте, данной фараоном Сети одному из храмов, мы встречаем обширный перечень лиц, находящихся в зависимости от храмового начальства [1, с. 143–151]. Но в этом списке нет ни скульпторов, ни живописцев, ни певцов, ни певиц. То есть, обслугой эти лица быть просто не могли. Можно, конечно, предположить два варианта. Либо данные лица являлись рабами и на них не распространялись гарантии, а, следовательно, они просто не заслуживали упоминания о себе в списке, либо художники были полноправными гражданами и свободными ремесленниками, не находящимися в административном подчинении, по меньшей мере, в отношении храмовой администрации. Последнее предположение представляется единственно правильным, поскольку вышеупомянутые документы о включении художников в кенбет и о совершении семейно-правового акта храмовой певицей свидетельствуют о гражданской полноправности деятелей искусства.

Среди сохранившихся перечней храмового имущества нет и упоминаний об инструментах храмовых певцов и художников. Можно предположить, что эти инструменты принадлежали им на праве собственности, а значит, это является еще одним доказательством гражданской свободы деятелей искусства и такого их статуса, который вряд ли совпадает со статусом обслуги.

Высокий общественный статус профессиональных деятелей искусства в Древнем Египте подтверждается, на наш взгляд, еще целым рядом письменных источников.

Как известно, на Востоке сами правовые памятники зачастую были художественно оформлены. Например, стела Хамураппи содержит, кроме самого закона, барельеф. Египетские тексты также сопровождаются живописными изображениями. Причем, речь идет не только о законах, но и о процессуальных протоколах. Это особенно любопытно, поскольку на сегодняшний день нам неизвестно ничего подобного в античной культуре.

Более того, в одном из документов, представляющем собой письменную фиксацию божественного оракула по гражданско-правовому спору, указано имя художника, украсившего стелу изображениями. Говорится: «Сделано Небмехи... жрецом-уабом, художником храма «Рамсес, возлюбленный Амоном в доме Осириса» [1, с. 183]. Эта надпись приводит сразу к нескольким умозаключениям.

Во-первых, художник – свободный гражданин, и более того, художник – храмовый жрец. В связи с этим, можно предположить, что и упомянутые нами певицы – тоже храмовые жрицы. В контексте сделанного ранее предположения о необходимости соблюдения ими ритуальной девственности, или чистоты, это более чем вероятно. Таким образом, не исключено, что деятелями искусства вообще были никак не рабы, и даже не просто свободные граждане-ремесленники, а уважаемые жрецы.

Во-вторых, фиксация имени художника, сопроводившего процессуальный текст изображениями, а может быть, и изготовившего сам текст стелы, позволяет предположить, что рисунок имел в Древнем Египте юридическое значение, подобное официальной зарисовке из зала суда. Упомянутое же нами включение художников в состав кенбета подтверждает сделанное нами предположение.

Социальный статус древних людей часто можно выявлять исходя из того, как составлены их надгробные надписи. В работе В. Миронова «Древние цивилизации» приводится текст с заупокойной плиты художника Ирчисена: «Я знал тайну божественных слов, ведение обряда богослужения. Я устраивал всякие обряды так, что ничто не ускользало от меня. Ничто из них не было сокрыто от меня. Я – великий таинник, и я вижу Ра в образе его. Но я был и художником, опытным в своем искусстве, превосходящим всех своими знаниями. Я знал формулы ирригации, взвешивание по правилу, как сделать образ... так, чтобы каждый член был на своем месте. Я умел (передать) движение фигуры мужчины, походку женщины; положение размахивающего мечом и свернувшуюся позу пораженного; как (сделать так, чтобы) один глаз смотрел на другой; как выразить ужас того, кто был застигнут спящим; положение руки того, кто мечет копье, или согнутую походку бегущего. Я умел делать инкрустации, которые не горели от огня и не смывались водой. Никто не превосходил меня и моего старшего сына... Когда бог (то есть фараон. – В.М.) приказывал, он (то есть сын. – В.М.)

создавал и был превосходен в этом. Я видел творение его рук, как начальника работ, в каждом ценном камне, от серебра и золота до слоновой кости и эбенового дерева» [2]. Это и другие свидетельства говорят о высоком общественном статусе художника в Древнем Египте. Исходя из этого, непонятно, почему тот же Миронов заключил, что «в обществе отношение к художнику было не очень-то уважительным» [2]. Можно, естественно, предположить, что уважением пользовались исключительно известные и искусные художники. Но это особенность любого без исключения общества. В современном мире есть сотни неудачников от искусства, которые вынуждены зарабатывать себе на хлеб, развлекая прохожих в общественных местах, но по отношению к ним совершенно невозможно судить об отношении общества к искусству и его деятелям в целом.

Миронов, видимо, чувствуя недостаточную основательность своего вывода, ведет речь о дифференциации. Он пишет: «Египетское искусство знало четыре категории ремесленников: живописцы, черновые проектировщики, скульпторы статуй и барельефов и архитекторы. Поскольку цеховых объединений ремесленников, подобных европейским профессиональным гильдиям, в Египте не было, любой в принципе мог научиться этой профессии, стать мастером, мог совершенствоваться в искусстве, а значит, мог как-то выделиться. Есть основания полагать, отмечает Б. Мертц, что скульпторы находились в более привилегированном положении по отношению к живописцам, так как гробницы, стелы и другие монументы, созданные искусными скульпторами, намного превышают число картины, из чего можно сделать вывод, что скульпторы были богаче живописцев и более известны. Стоит вспомнить и то, что у скульпторов, вероятно, был больший рынок заказчиков, учитывая огромное число гробниц и погребений в Древнем Египте. Но самая привилегированная часть интеллигенции страны – архитекторы (Имхотеп, Инени, Пуемре и др.), разумеется, были очень известны и не могли пожаловаться на свою судьбу, хотя можно лишь сожалеть, что порядки, царившие в те далекие времена, не донесли до нас имен многих талантливых сынов Египта» [2].

Приведенные рассуждения также не кажутся вполне убедительными. Во-первых, отсутствие профессиональных гильдий еще не означает свободного доступа к профессии и возможности для любого стать мастером. Этому может препятствовать, к примеру, принцип наследственности мастерства. Даже если мы поверим тому, что в Египте любой при желании мог стать деятелем искусства, это еще не означает низкого общественного статуса лиц, занятых творчеством. Приведем аналогию. В нынешней России, теоретически, каждый, кто с молодых лет поставит себе целью сделать политическую карьеру, при наличии достаточного упорства и целеустремленности может преуспеть. Но это не означает, что общественное положение политиков в нашей стране из-за этого следует считать приниженным. Далее, цитируемый Мироновым вывод Мертца о более привилегированном положении скульпторов в сравнении с художниками вообще ниже всякой критики: он обосновывается исключительно тем, что работы скульпторов «превышают числом картины». Очевидно, что картины, независимо от техники их исполнения, более уязвимы, чем скульптуры. Их не щадит время. И если до наших дней дошло меньше картин, чем скульптур, это еще не свидетельство того, что их было меньше произведено. Допустим, Мертц прав, и картин действительно производилось меньше, чем скульптур. И что же? Археологи будущего найдут от нашей эпохи больше пачек дешевых сигарет, чем коробок с элитными сигарами. Не смешон ли будет их вывод о том, что производители дешевого курева пользовались большим общественным уважением? Представляется, что огромная масса образцов скульптуры разного масштаба и качества, дошедшая до нас от египтян, скорее, свидетельствует о почти массовом их производстве, порой доходившем до уровня «ширпотреба». Наконец, мы уже цитировали документы, в которых художник именуется «жрецом» и художники (в отличие, кстати, от скульпторов) называются в числе членов кенбета.

В. Миронов, вообще, чрезвычайно непоследователен в вопросе о статусе древнеегипетских деятелей искусства. Приведем еще цитату из его труда, помимо прочего, полезную в информативном плане: «Надпись зодчего Инени свидетельствует о том уважении, которое испытывали древние египтяне к знаниям и искусствам: «То, что мне было суждено сотворить, было велико... Я искал для потомков, это было мастерством моего сердца... Я буду хвалить за мое знание в грядущие годы теми, которые будут следовать тому, что я совершил» (XVI в. до н. э.). Подготовка классных специалистов осуществлялась в храмах, школах или «академиях» египетских городов» [2]. Должно быть ясно, что если в обществе определенная деятельность не пользуется широким уважением, то ни одно государство не будет осуществлять серьезной работы по подготовке подобного рода деятелей «в храмах, школах или «академиях». Да, речь идет о «классных» специалистах, но, повторимся, низкое социальное положение специалистов, не относящихся к «классным», — норма для любого общества. Напротив, если данная норма не соблюдается, это симптом ненормального общественного развития. И этот симптом, увы, наблюдается в нашем отечестве, где уровень профессионализма

перестал быть основным и неперменным условием карьерного роста, уступив место чему угодно другому: связям, подкупу, политической ангажированности и пр.

Очевидно, что древнеегипетские художники и скульпторы – отлично подготовленные профессионалы. Они мастера, а не ремесленники. С этой точки зрения вызывает только недоумение мнение французского исследователя Эмиля Бюрнуфа, который свел все древнеегипетское искусство к ремесленническому тиражированию канонов. Бюрнуф откровенно примитивизирует и сущность древнеегипетского искусства, и роль египетского художника, когда пишет: «Искусство в действительности перестало существовать: живопись, скульптура, даже архитектура стали ремеслами; оно свелось к чисто механическим операциям, как копирование в гранитном блоке модели, в которой не нужно было ничего менять... Рутинная заняла место искусства, с природой больше не советовались; это было абсолютное царство условности» [4, р. 94].

Чрезвычайно любопытны и сохранившиеся уголовно-процессуальные документы, касающиеся разграбления гробниц. Прежде всего, они интересны списками грабителей. В этих списках – разнообразнейший перечень профессий. Но среди злоумышленников очень немного деятелей искусства. Возможно предположить, что интересующие нас лица были достаточно состоятельными, чтобы не опускаться до кражи. В то время как простых ремесленников среди злоумышленников поименовано предостаточно. В их числе и ремесленники некрополя, которые, судя по другим документам, могли входить в состав храмового кенбета. Хотя и «артисты» тоже встречаются.

Любопытно и другое. Среди лиц, которым было передано краденое, называется «Саупадеми, глава ткачей певички Амона, Инира» [1, с. 237]. Получается, что храмовая певичка – лицо настолько высокопоставленное и состоятельное, что на нее работает целый штат ткачей. Более чем удивительно для «обслуги храма»! Эта информация, скорее, может быть подтверждением принадлежности храмовых певцов к жреческому сословию.

Также в документах среди лиц, которые не участвовали в краже, но получили краденое, упоминается «Сарати, жрец-уаб и трубач дома Мут» [1, с. 239]. Это опять таки наталкивает нас на мысль о принадлежности музыкантов к жреческой касте.

Другой факт, противоречащий собственным выводам и оценкам, приводит В. Миронов: «Интересен саркофаг и «музыкантши Амона Ра сонтера» Иусанх, внешняя поверхность его покрыта изображениями божеств и магическими символами. На днище саркофага нарисована богиня Маат в образе женщины в длинном белом одеянии, с пером истины на голове, и божества загробного мира» [2]. Приведенное описание саркофага уже само по себе исключает возможность того, что он был сделан для простой «обслуги храма».

Еще упоминание: «Несиптах, торговец певички Себека Ист, дочери Гори, который был начальником войск» [1, с. 243]. Получается, что дочери военачальника вовсе не зазорно быть певичкой. И, опять же, в ее услужении находится целый штат торговцев. И другой из этих торговцев, по имени Гори, упоминается в том же списке. Продолжаем: «Гори, сын Паджаи, писец певички Амона Истнефер» [1, с. 244]. К штату ткачей и торговцев на услужении у певцов добавляются писцы. В протоколе допроса грабителей гробницы нам встречается «Панефераху, раб Мутемхеба, певца храма Мут» [1, с. 256]. Очевидно, что у певцов был не только штат свободной прислуги, но и рабы. Причем рабы упоминаются в сохранившихся документах неоднократно.

Хотя есть и документ, заставляющий нас усомниться в абсолютной порядочности музыкантов. Речь идет об одном из протоколов допроса обвиняемых в грабеже царских гробниц. Тут среди соучастников фигурируют: трубач Перипатау и Амонхау, сын певца жертвенного стола [1, с. 251]. Прежде всего, обращает внимание то, что при храмах существуют не только певички, но и певцы. То есть речь не может идти о занятии исключительно для женщин, которым недоступны, в отличие от мужчин, «серьезные» профессии. Далее. Упомянутый Перипатау – фигура загадочная. В одном месте он именуется «трубачом дома Амона» [1, с. 283], в другом – «трубачом сокровищницы фараона» [1, с. 284]. Матерью же Амонхау, как выясняется позже, была певичка храма Мут, Мутенхеп [1, с. 259]. Причем они общаются с компанией простых ремесленников и рабов, а сын певца выступает в качестве наводчика. Жена трубача, похоже, является пособницей, а раздел награбленного происходил в его доме. Ниже выясняется, что жена трубача была избалована в пособничестве, но бежала [1, с. 284]. Также в протоколе мы встречаем допрос некоего трубача Амонхау. Неясно, тот ли это Амонхау, который выше назван сыном певца жертвенного стола. В другом списке грабителей попадает некий «Амонхау, трубач дома Амона» [1, с. 296]. Однако ясно другое: согласно его показаниям, подтвержденным под пыткой, трубач Перипатау оговорил его из личной неприязни. Эти показания были приняты судом на веру, и трубач Амонхау был оправдан. Трубачи дома Амона, похоже, частенько участвовали в грабежах. В другом списке грабителей нам попадает Перпа-

тауизмипет, трубач дома Амона. В этом же списке его сын – Джихутихотеп, глава привратников того же дома [1, с. 295].

Все это заставляет нас предположить, что существовали разные категории музыкантов. Возможно, Перипатау был все же светским трубачом, стоящим по общественному положению ниже храмовых музыкантов. Затем, речь идет не о самом певце и певице, а об их сыне, который мог и не состоять в жреческом ранге. То, что сословная принадлежность детей совпадала с сословной принадлежностью родителей, еще следует доказать. К примеру, выше мы упоминали храмовую певицу, бывшую дочь начальника войск. В конце концов, общеизвестное указание Диодора Сицилийского на то, что в Египте дети всегда наследовали профессии родителей, еще нуждается в подтверждении.

Наличие у певицы сына может опровергать нашу версию о сохранении храмовыми певицами девственности или ритуальной чистоты. Но речь может идти и о приемном сыне, родившемся от рабыни. Чем, кстати, можно объяснить и дурные наклонности отпрыска благородного семейства.

Чрезвычайно важно иметь в виду, что, согласно некоторым данным, музыкальное искусство, возможно, входило в канон образования чиновников. В. Миронов указывает: «писец должен был научиться читать и писать без ошибок, их учили арифметике, геометрии, иностранным языкам, риторике, музыке» [2]. Это обстоятельство, а также уже упоминавшиеся выше факты невероятного карьерного роста некоторых деятелей искусства, позволили Миронову сделать вывод о том, что «египтяне первыми воплотили в жизнь главный принцип цивилизации будущего – у них часто первые лица государства были одновременно и творцами, людьми творчества, художниками, а не чиновниками» [2]. При том, что такой вывод существенно противоречит предшествующим утверждениям исследователя, с сутью его мы склонны согласиться: не догматики, не карьеристы, не золотые тельцы, а люди творчества только и могут стать оправданием общественной власти в будущем.

Из сказанного мы делаем следующие выводы:

1. Существуют серьезные основания для заключения о том, что деятели искусства пользовались в Египте общественным уважением. Они были свободными людьми и полноправными гражданами, независимо от пола. Также есть все основания полагать, что деятели искусства могли относиться к жреческому сословию или входить в иные части социальной верхушки. А для представителей низших сословий успехи в творчестве могли стать основанием для подъема по социальной лестнице.

2. Возможно предположить, что профессиональная подготовка деятелей искусства осуществлялась на государственном уровне. Также не исключено, что некоторые дисциплины, относящиеся к сфере искусства, входили в образовательный минимум государственных чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лурье Я.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Ленинград, 1960.
2. Миронов В.Б. Древние цивилизации // Электронная библиотека ilikebooks // <http://ilikebooks.ru/20377-mironov-vb-drevnie-civilizacii.html>.
3. Шуази О. История архитектуры. В 2-х т. Т. I. М., 1935.
4. Burnouf E. Des principes de l'art. Paris, 1860.
5. Diodore de Sicile. Histoire Universelle. Paris, 1737.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ТРУДА¹

Р.М. НУРЕЕВ

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: nureev@hse.ru

Глава 11

11.1. Экономические последствия промышленной революции

Рыночная экономика

Промышленная революция создала адекватную материально-техническую базу для развития совершенной конкуренции в условиях рыночной экономики. Совершенная конкуренция (*perfect competition*) предполагает: 1) множество покупателей и продавцов, 2) однородность товаров и услуг, 3) отсутствие ценовой дискриминации, 4) полную мобильность всех ресурсов, 5) абсолютную информированность о ценах. Остановимся на этих признаках подробнее.

Когда на рынке функционирует **множество покупателей и продавцов**, доля каждого экономического агента чрезвычайно мала. Он не в состоянии влиять на цены и объем продаваемых товаров и услуг. Цена на покупаемый (или продаваемый) товар для него складывается объективно, не зависит от его воли и желания. Он выступает как «ценополучатель». Единственно, что определяет он сам — это количество покупаемой (или продаваемой) по данной цене продукции. Для упрощения мы **исходим из однородности товаров и услуг**. Это означает, что отсутствуют какие-либо различия у товаров одного качества. Мы абстрагируемся от торговых марок, торговых знаков, рекламы, которая может сделать два одинаковых (по потребительским свойствам) товара разнокачественными для потребителя. Предпосылка об однородности тесно связана с предпосылкой об отсутствии ценовой дискриминации.

Мы предполагаем, что **никто не подвергается ценовой дискриминации**: продукт одинакового качества продается по одной и той же цене всем покупателям, то есть не существует ситуации, когда одинаковый продукт продается одним покупателям по одной цене, а другим — по другой. Тем самым отсутствуют какие-либо основы для возникновения монопольной власти на рынке.

Полная мобильность ресурсов означает, что не существует каких-либо барьеров для входа в любую отрасль производства (на любой рынок) или выхода из нее. Отсутствуют экономические, юридические или политические запреты для перелива капитала, труда и других ресурсов из отрасли в отрасль. Предприниматели, уходя из отрасли или входя в нее, руководствуются исключительно экономическими критериями, и прежде всего прибыльностью (или убыточностью) производства. Перелив ресурсов характеризует чрезвычайную гибкость рыночной системы. Изменение вкусов, технологий и т.п. приводит к изменению относительных цен, а они выступают как важный индикатор, показывающий, куда следует направить ресурсы. Ценовой механизм, с одной стороны, фиксирует сложившуюся в данном обществе ситуацию, отражает результаты свободного волеизъявления покупателей и продавцов, а с другой — подает сигналы для нового перераспределения ресурсов: где производство может осуществляться с высокой прибылью, со средней, а где уже ведется в убыток.

«В организации экономической деятельности, — пишут Роза и Милтон Фридмен, — цены выполняют следующие три функции: во-первых, они передают информацию; во-вторых, служат стимулом к применению наиболее экономичных методов производства, что ведет к наиболее эффективному использованию имеющихся ресурсов; в-третьих, они определяют, кто получает какую долю произведенного продукта, — другими словами, устанавливают распределение доходов»². Безусловно, все эти функции тесно связаны между собой, переплетаются, поддерживают друг друга.

¹ Продолжение. Начало см.: TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1–4; 2011. Т. 9. № 1–4; 2012. Т. 10. № 1.

² Фридмен и Хайек о свободе. Вашингтон: CATO Institute, 1985. С. 36.

Наконец, очень важной является **предпосылка об абсолютной информированности о ценах**. Дело в том, что отсутствие необходимой информации может стать препятствием для продажи равнокачественных товаров по одинаковым ценам, служить основой для ценовой дискриминации или стать препятствием для перелива капитала. Это тем более важно сейчас, в период становления постиндустриального общества. Таковы идеальные условия, отрицающие существование монополий, вмешательство государства, инфляцию и т.д.

В реальной действительности существуют обстоятельства, значительно отклоняющиеся от идеальных и превращающие совершенную конкуренцию в несовершенную. Это означает, что экономическая свобода существует как потенция, как возможность, превращение которой в действительность модифицируется многими обстоятельствами и в конечном счете уровнем экономического развития.

11.2. Золотомонетный стандарт и его эволюция

Золотомонетный стандарт и его эволюция

О свободном рынке в Англии можно говорить лишь в период после 1834 г., когда Спинхемленд был отменен и стала распространяться *laissez-faire*. Свободный рынок опирался на *три принципа*: конкурентный рынок труда, систему золотого стандарта и свободу международной торговли. Эти принципы стали частями единого целого. Остановимся сначала на роли золотого стандарта.

Денежное обращение представляет собой систему, в рамках которой отдельные элементы находятся в определенном единстве. Основными элементами являются: 1) название денежной единицы и масштаб цен; 2) виды денежных знаков, порядок их выпуска и характер обеспечения; 3) организация безналичного платежного оборота; 4) курс национальной валюты, порядок ее обмена на иностранную. Регулирование денежной системы осуществляется финансовыми органами, приводящими в соответствие различные элементы системы.

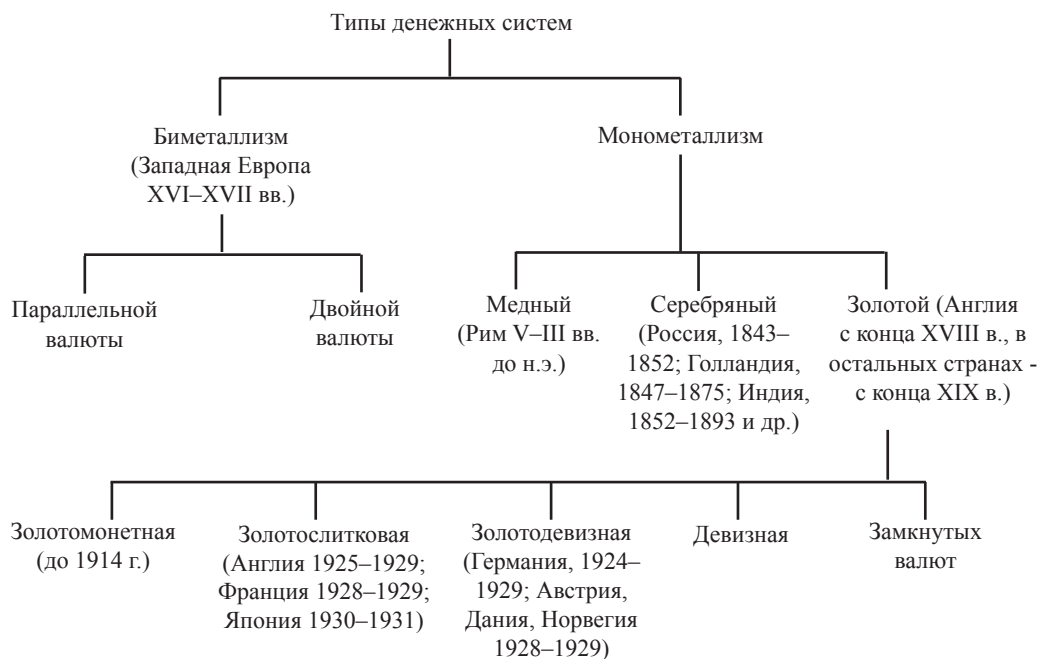

Рис. 11-1. Основные типы денежных систем

Существуют два основных типа денежных систем: биметаллизм и монометаллизм (см. рис. 11-1). При биметаллизме роль всеобщего эквивалента играют два металла — золото и серебро, при монометаллизме — один. Система биметаллизма была широко распространена в эпоху первоначального накопления капитала в Европе в XVI–XVIII веках. Однако сосуществование двух металлов противоречит природе денег как всеобщего эквивалента. Поэтому с течением времени биметаллизм сменился системой монометаллизма. Исторически существовали три вида монометаллизма: медный (Рим V–III вв. до н.э.), серебряный (Россия 1843–1852 гг., Голландия 1847–1875 гг., Индия 1852–1893 гг. и др.), золотой (Англия с конца XVIII в., другие

страны — 70–90-е гг. XIX в.). Золотой металлизм существовал до первой мировой войны в форме золотомонетного стандарта. Для этой системы характерны: 1) свободная чеканка золотых монет, 2) свободный размен знаков стоимости на золотые монеты и 3) свободное движение золота между странами.

После Первой мировой войны возникли золотослитковые и золотодевизные стандарты. Страны, обладающие крупными запасами золота (Англия, Франция, Япония), ввели у себя золотослитковый стандарт; страны, не обладающие значительными запасами золота (Германия, Австрия, Дания, Норвегия и др.), ввели у себя золотодевизный стандарт. При золотослитковом уже не существовало свободной чеканки золотых монет, а размен стоимости на золото был ограничен стоимостью слитков. В Англии, например, необходимо было иметь 1700 фунтов стерлингов, чтобы получить слиток в 12,4 кг., во Франции — 215 тыс. франков для получения слитка в 12,7 кг. При золотодевизном стандарте связь с золотом была еще более опосредованной. Необходимо было предварительно накопить валюту стран с золотослитковым стандартом с тем, чтобы обменять ее на мировом рынке на золото. Золотослитковый и золотодевизный стандарты являются системами без золотого обращения. В 1944 г. был образован Международный валютный фонд, который установил стоимость тройской унции (31,1035г) в 35 долларов США.

Доллар США и фунт стерлингов были закреплены в качестве резервных валют, поддерживавших официально объявленную стоимость золота. Для современного развития характерно нарастающее вытеснение из обращения золота кредитными деньгами как во внутреннем обороте, так и на мировом рынке.

Итак, мы видим, что «дорога к свободному рынку была открыта и оставалась открытой благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра»³. Любопытно однако и то, что она продолжалась сравнительно недолго – каких-нибудь 30–40 лет. Уже 1870–1880 гг. стали периодом крушения ортодоксального либерализма, потому что во всех сферах стало проявляться «коллективистское» контрдвижение. В сфере труда были приняты законы о профсоюзах, и пыльным цветом расцвело фабричное законодательство. В аграрной сфере стал набирать силу протекционизм (аграрные тарифы и другие защитные меры отечественного сельскохозяйственного производства). Конкурентные рынки все больше и больше превращались в монопольные, а во внешней сфере набирали силу империалистические тенденции. Любопытно, что контрдвижение против экономического либерализма стало спонтанной реакцией, которая охватила все без исключения развитые страны, так что даже самые последовательные приверженцы этого учения не могли не осознать того факта, что *laissez-faire* несовместим с условиями развитого рыночного общества.

Дольше всего держался золотомонетный стандарт. Однако он приводил к тому, что промышленные предприятия и экономика в целом работали все с большим и большим напряжением. Фиксированность валютных курсов предполагала целую систему мер для поддержания стабильности валюты. Это было бы невозможно без увеличения национального экспорта. Однако для колониальных и зависимых стран (с их монокультурной специализацией) увеличение национального экспорта означало только одно: падение цен. Их попытки отказа от выплаты долга неизбежно приводили к политическому вмешательству извне. Политика канонерок в этих условиях становится довольно распространенной. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для поддержания экономического равновесия стали все чаще и чаще использовать политические инструменты.

И это касалось не только колониальных и зависимых стран (которые не могли себя защитить с помощью государства), но и развитых государств. Конец XIX – начало XX вв. характеризуются стремительным ростом колониальной системы. Между великими державами начинается борьба за привилегию торговли на политически защищенных рынках. Это приводит к экономическому и политическому разделу мира. Саморегулирующимся рынкам в этих условиях неизбежно приходит конец.

11.3. Обострение социальных противоречий.

Утопические проекты переустройства мира

Обострение социальных противоречий

Завершение промышленного переворота в Англии означало создание адекватной материально-технической базы капитализма, принципиально нового уровня капиталистического обобществления труда и производства. В ходе замены мануфактурного производства фабричным происходят глубоко-

³ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 157.

кие изменения в содержании и характере труда. Виртуозное мастерство ремесленников вытесняется однообразным механическим трудом. Рабочая сила становится товаром, а сам рабочий — живым придатком машины. Стремительными темпами растет урбанизация населения. Рыночные отношения приобретают всеобщий характер. На смену личной зависимости приходит вещная. Наемные рабочие все острее осознают свое отчуждение от того, что создано с помощью их рук и противостоит им в качестве капитала. Периодически повторяющиеся экономические кризисы перепроизводства становятся ярким проявлением внутренней противоречивости исторического развития капитализма.

Экономические кризисы перепроизводства, обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией все настойчивее ставят вопрос об исторических судьбах капитализма. Феодальный, мелкобуржуазный, «истинный», консервативный и критически-утопический социализм предлагают свои рецепты решения обнажившегося социального конфликта. Пытаясь преодолеть разрыв между идеальными представлениями о справедливости и прозаической реальностью, они пытаются разрешить коллизии буржуазной жизни путем создания умозрительных конструкций. Неудивительно поэтому, что для большинства таких теорий характерны элементы романтизма и утопизма.

Сен-Симон о перспективах развития человечества

Клод Анри Ревуа де Сен-Симон (1760–1825) — легендарная личность. Он участвовал: и в Американской революции (орден Цинцинната и звание полковника), и во Французской революции. В 1802 г. Сен-Симон публикует «Письма женевого обитателя к современникам», а позднее сборники — «Индустрию» (1817–1818) и «Организатор» (1819–1820).

**Сен-Симон
(1760–1825)**

Автор последовательно проводит идею о прогрессивном развитии человеческого общества и превращения политики в позитивную науку об организации индустриальной системы. В качестве критерия для выделения исторических стадий развития общества у него выступают смягчение эксплуатации человека человеком; прогресс знания от фетишизма и полицентрических религий к единобожию и метафизике, а от них к позитивной науке; а также смена классов-лидеров в обществе путем политических и научных революций. Уже после смерти Сен-Симона ученики (О. Родриг, С.-А. Базар, П. Анфантен) публикуют его работу «Новое христианство» (1825) а в 1828–1829 — «Изложение учения Сен-Симона», в которых исторический процесс показывается как убывание антагонизма анархии и возрастание ассоциации и планового комбинирования путем развития кредита и банковской системы.

«Привлекательный труд» Шарля Фурье

Мечты о будущем обществе **Шарль Фурье (1772–1837)** связывал с идеей привлекательности труда. Главные экономические пороки цивилизации, по его мнению, заключаются в том, что лишь одна треть населения занята производительным трудом, да и та испытывает к нему обычно отвращение. Остальная же часть населения является «паразитами»: домашними, социальными или обслуживающими общество («дополнительными»). Для замены «цивилизации» «гармонией» необходимо, по мнению Ш. Фурье, придание труду привлекательного характера. Это можно обеспечить разнообразием труда в рамках **фаланг** — производительно-потребительных коопераций, объединяющих по 1600–1800 человек. Поскольку переход к устройству фалангстеров предполагался исключительно мирным путем и исключительно на средства заинтересованных богатых лиц. Так возникла схема распределения долей производимого продукта между трудом (5/12), талантом (3/12) и капиталом (4/12). Любопытно, что идея Ш. Фурье оказалась способной вдохновить не одно поколение энтузиастов. Однако истории известна лишь единственная успешная апробация идеи фаланстера. Это — эксперимент французского предпринимателя Жана-Батиста Андре Гудэна (1817–1888) — изобретателя печи-«буржуйки», основавшего в 1859 г. компанию по производству печей, каминов и кухонных плит.

**Шарль Фурье
(1772–1837)**

Реформатор Роберт Оуэн

Роберт Оуэн (1771–1858) в 7 лет окончил начальную школу. С 10 лет начинается его трудовая деятельность, а в 20 лет он уже менеджер в Манчестере. Удачная женитьба на дочери владельца бумагопрядильной фирмы позволила получить кредиты для выкупа у тестя предприятия в шотландском городе Нью-Ланарке. На этой фабрике он заводит новые порядки: 10-часовой рабочий день (вместо 13), активно занимается улучшением быта рабочих, организует первый в Британии сад-ясли, школу для детей рабочих, устанавливает минимальный возраст работающих – 10 лет. Производственная дисциплина поддерживается на предприятии с использованием морального стимулирования.

**Роберт Оуэн
(1771–1858)**

Оуэн не ограничивается своим бизнесом и выступает с широкой программой реформ. В 1813 г. он начинает пропаганду национальной организации трудового воспитания, в 1815 г. публикует «Замечания о влиянии фабричной системы», в 1817 г. выступает с программой радикальной перестройки общества путем создания «поселков общности и сотрудничества». Однако попытки реализовать на практике социалистические идеи путем организации трудовых колоний потерпели полный провал (1825–1827 — колония Орбистон, близ Глазго; 1828–1834 — колония Новая гармония в Индиане, США).

Утопические эксперименты социалистов-рикардианцев

Соединение рикардианской теории труда с идеями Оуэна о «биржах справедливого обмена» определило аргументацию социалистов-рикардианцев за право рабочего на полный продукт труда. В 1824 г. **Уильям Томпсон (1785–1833)** публикует «Исследование о принципах распределения богатства применительно к человеческому счастью», в котором впервые появляется понятие прибавочной стоимости (*surplus value*).

В 1825 г. **Томас Годскин (1787–1869)** выпускает работу с характерным названием «Защита труда против притязаний капитала», а в 1827 г. — труд «Народная политическая экономия». В этой книге дается развернутая критика «закона народонаселения» Мальтуса и появляются элементы исторического понимания экономических категорий.

Согласно трудовой теории ценности, стоимость товаров воплощает в себе определенное количество часов общественно необходимого рабочего времени. Поэтому отдельные экономисты, в частности, **Джон Грей (1798–1851)**, пытались обосновать необходимость выражения стоимости товаров непосредственно в часах рабочего времени, — в своеобразных «рабочих деньгах». Товаропроизводители, по мысли Дж. Грея, должны были сдавать в банк продукты своего труда, получая за них определенное количество «рабочих денег», на которые в этом банке они могли бы купить необходимые им товары. В конце 20–40-х гг. XIX в. были предприняты попытки практической реализации идеи «рабочих денег». В 1829 г. в Марселе адвокат Мацель организовал «банк обмена»; в 1832–1834 гг. по инициативе Р. Оуэна были открыты «базары справедливого обмена» в Англии; в 1849 г. П.Ж. Прудон учредил аналогичный «народный банк». Однако все эти проекты потерпели крах. Это произошло потому, что банки «справедливого обмена» не могли правильно определить ни величину общественно необходимого времени, ни величину общественной потребности. Их организаторы не учитывали в полной мере того, что труд товаропроизводителей носит частный характер и лишь в процессе обмена обнаруживает свою общественную природу. Такие банки пытались обобществить сферу обращения, не затрагивая сферу производства, основу которой составлял строй обособленных частных товаропроизводителей.

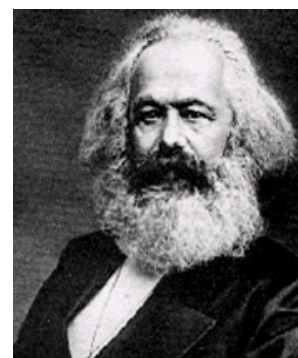
11.4. Политическая экономия труда

Молодой **Карл Маркс (1818–1883)** также стремился первоначально преодолеть «противоположность между действительным и должным»⁴. А для этого необходимо было изучить противоречия реальной действительности и критически проанализировать попытки решения возникших

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 10.

проблем в истории философии, политической экономии и утопического социализма. Высшие достижения предшествующего духовного развития человечества – немецкая классическая философия, английская классическая политическая экономия и французский утопический социализм – стали основными источниками марксизма

В середине 1840-х – начале 1850-х гг. **К. Маркс** начинает осваивать предшествующую ему политическую экономию, пытаясь преодолеть ее историческую ограниченность. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс показывает, что частная собственность – результат отчужденного труда. Причиной отчуждения в свою очередь является стихийно развивающееся общественное разделение труда. Исследование взаимосвязи разделения труда и отношений собственности завершается открытием диалектики производительных сил и отношений общения («Немецкая идеология»). Анализ структуры отношений общения позволяет Карлу Марксу выделить из них в 1840-е гг. производственные отношения. Успеху исследований К. Маркса в немаловажной степени способствовала совершенная им революция в методе исследования. К. Маркс впервые успешно применяет метод материалистической диалектики в анализе социально-экономических явлений. Это позволяет ему не только дать всестороннюю критику предшествовавшей политической экономии, но и поставить перед собой гигантскую задачу – с позиций рабочего класса создать научную систему категорий и законов капиталистического способа производства. В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» была развита трудовая теория стоимости (ценности) и создана теория прибавочной стоимости, научно обоснованы материальные предпосылки коммунизма. Разработанная Марксом теория товара и денег была опубликована в 1859 г. в работе «К критике политической экономии». Экономические исследования К. Маркса позволили ему сформулировать материалистическое понимание истории, которое в свою очередь способствовало дальнейшему углублению анализа политической экономии.

Карл Маркс
(1818–1883)

В результате интенсивных занятий К. Маркс к середине 1860-х гг. заканчивает работу над предварительным (черновым) вариантом всех четырех томов «Капитала». В сентябре 1867 г. вышел I том «Капитала». Именно в этом произведении была последовательно представлена теория прибавочной стоимости (ценности), которую В. И. Ленин назвал краеугольным камнем экономической теории К. Маркса⁵.

«Капитал» остался непревзойденным образцом применения диалектического метода к анализу капитализма. Широкому распространению марксизма способствовали изданные **Фридрихом Энгельсом (1820–1895)** II и III томов «Капитала» (1885 и 1894), а также его собственные экономические работы, и прежде всего «Анти-Дюринг» (1877–1878), ставший краткой энциклопедией марксизма.

Экономическое учение К. Маркса

Предметом исследования в «Капитале» являются «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»⁶. Непосредственным объектом исследования была выбрана Англия как классическая капиталистическая страна, опередившая европейские страны в буржуазном развитии. Конечной целью провозглашалось открытие экономического закона движения современного Марксу капиталистического общества⁷.

В первом отделе «Товар и деньги» (гл. 1–3) изложены основы теории стоимости⁸. Характеризуя I том «Капитала», К. Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов); 2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм: прибыли, процента, земельной ренты и т. д.»⁹

Последовательно проведенное через всю книгу учение о двойственном характере воплощенного в товаре труда позволило решить проблемы, перед которыми остановилась классическая

⁵ См. там же. С. 45.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

⁷ Первое издание I тома «Капитала» несколько отличалось по своей структуре от последующих: оно состояло из 6 больших глав, однако в дальнейшем после переработки К. Маркс разделил весь текст «Капитала» на 25 глав, объединив их в 7 отделов.

⁸ Здесь и далее стоимость и ценность рассматриваются как эквиваленты в соответствии со сложившейся традицией перевода.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.

буржуазная политическая экономия, и построить стройную диалектическую систему категорий и законов капиталистического способа производства. В основе этой системы лежит развитие противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, конкретным трудом и абстрактным, частным и общественным трудом. Анализ двух полюсов выражения формы стоимости (относительной и эквивалентной) позволил проследить основные этапы развития противоречия товарного отношения от простой, случайной, или единичной, формы стоимости вплоть до ослепительной денежной формы. Исследование формы стоимости позволило дать более глубокую характеристику цене, выявить причины количественного и качественного несовпадения ее с величиной стоимости и тем самым показать действие основного закона товарного производства — закона стоимости путем характеристики функций денег.

Последний продукт товарного обращения — деньги — является первой формой проявления капитала. Кругооборот денег как капитала ($D—T—D^1$), в ходе которого осуществляется процесс самовозрастания капитальной стоимости, исследуется во втором отделе «Превращение денег в капитал» (гл. 4). $D—T—D^1$ является всеобщей формулой капитала, присущей промышленному, купеческому капиталу, а также капиталу, приносящему проценты, потому что отражает капитал так, как он непосредственно проявляется в сфере обращения. Существование всеобщей формулы капитала предполагает возрастание стоимости; создается впечатление, что обмениваются не эквиваленты. В связи с этим Марксом была сформулирована антиномия возникновения капитала: «...капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹⁰. Решение противоречия всеобщей формулы капитала на базе закона стоимости К. Маркс связывает с появлением работника, свободного в двояком смысле: во-первых, свободного как личность и, во-вторых, свободного от средств производства и жизненных средств, т. е. с появлением *товара рабочая сила*. Капиталист покупает на рынке (в сфере обращения) рабочую силу — специфический товар, потребление которого (в сфере производства) позволяет капиталисту не только сохранить, но и увеличить стоимость капитала, произвести *прибавочную стоимость*. Характеристика рабочей силы в качестве специфического товара позволила К. Марксу разорвать порочный круг, в котором вращалась классическая политэкономия, называвшая в качестве источника стоимости труд, толкуя в то же время о «стоимости труда».

Следующие три отдела посвящены анализу производства прибавочной стоимости. В третьем отделе «Производство абсолютной прибавочной стоимости» (гл. 5–9) исследуются как всеобщие моменты капиталистического производства, так и особенные его черты, когда производство прибавочной стоимости обеспечивалось главным образом путем удлинения рабочего дня. К. Маркс характеризует капиталистическое производство как исторически определенную форму единства производительных сил и производственных отношений, как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Учение о двойственном характере труда позволяет К. Марксу показать, какую роль играют факторы процесса труда в образовании и увеличении стоимости. Развивая свое учение о постоянном и переменном капитале, Маркс показывает, что в процессе труда рабочий создает не только эквивалент стоимости своей рабочей силы, но и прибавочную стоимость. Поэтому норма прибавочной стоимости, по мнению К. Маркса, является точным выражением степени эксплуатации при капитализме.

Первоначально (середина XIV–конец XVII вв.) капиталистам удавалось максимально удлинять рабочий день. Однако специфическая природа покупаемого капиталистом товара рабочая сила ограничивает возможности его бесконечного потребления. Столкновение прав покупателя и продавца, класса капиталистов и рабочего класса поэтому неизбежно выливается в классовую борьбу за нормирование рабочего дня, за его ограничение нормальной величиной. В «Капитале» показаны первые успехи рабочего класса в этой борьбе, а также влияние английского фабричного законодательства XIX в. на другие страны. Исследование трех законов нормы и массы прибавочной стоимости позволило Марксу не только раскрыть ограниченность производства первой абсолютной прибавочной стоимости, но и показать неизбежность дополнения ее более совершенными методами эксплуатации, в частности производством относительной прибавочной стоимости.

Четвертый отдел «Производство относительной прибавочной стоимости» (гл. 10–13) посвящен анализу содержания и методов эксплуатации рабочего класса в условиях роста производительной силы труда. К. Маркс раскрывает механизм конкурентной борьбы, в ходе которой

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 176.

стремление получить избыточную прибавочную стоимость путем удешевления товаров приводит в конечном итоге к снижению стоимости товара рабочая сила и увеличению прибавочного рабочего времени за счет необходимого. К. Маркс характеризует кооперацию, разделение труда и мануфактуру, машины и крупную промышленность не только как ступени создания материально-технической базы капитализма, но и как методы производства относительной прибавочной стоимости. Тем самым дается характеристика предпосылок, хода и последствий промышленной революции, раскрывается основное противоречие капитализма, которое понимается Марксом как противоречие между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Пятый отдел «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости» (гл. 14–16) показывает единство и различие двух форм прибавочной стоимости, их диалектическую взаимосвязь, подводит итоги исследования производительного труда, формального и реального подчинения труда капиталу. Здесь также рассматривается, как отражается на величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости изменение продолжительности рабочего дня, производительной силы и интенсивности труда; показывается взаимосвязь основной формулы нормы прибавочной стоимости с ее производными формулами.

Шестой отдел «Заработная плата» (гл. 17–20) посвящен характеристике сущности и основных форм заработной платы. К. Маркс показывает не только неизбежность превращения стоимости и цены рабочей силы в заработную плату, но и фетишизм этой категории, который не сумели преодолеть даже классики политэкономии. Иррациональность заработной платы заключается в том, что, будучи формой оплаты лишь необходимого рабочего времени, она на поверхности буржуазного общества выступает как «цена труда», т. е. как оплата всего рабочего времени, включая прибавочное. В этом же отделе К. Маркс анализирует две основные формы заработной платы: повременную и поштучную, а также национальные различия в заработной плате.

В седьмом отделе «Процесс накопления капитала» (гл. 21–25) анализируется превращение прибавочной стоимости в капитал. Исследование начинается с простого воспроизводства, в ходе которого фонд жизненных средств приобретает особую историческую форму переменного капитала, авансированный капитал превращается в накопленную (капитализированную) прибавочную стоимость и осуществляется воспроизводство капиталистических производственных отношений: капиталиста на одной стороне и рабочего — на другой. Анализ расширенного воспроизводства осуществляется в два этапа. На первом К. Маркс рассматривает превращение законов собственности товарного присвоения, критикует предшествующую ему политическую экономию по вопросу воспроизводства в расширенном масштабе, а также выясняет обстоятельства, определяющие размеры накопления. На втором этапе Маркс исследует, как расширенное воспроизводство влияет на положение рабочего класса, анализирует капиталистический закон народонаселения. В частности, он выясняет, что рост органического строения капитала является причиной образования относительного перенаселения, или промышленной резервной армии труда, показывает действие всеобщего закона капиталистического накопления. В гл. 24 анализируется процесс так называемого первоначального накопления капитала, в ходе которого произошло отделение непосредственных производителей от средств производства и жизненных средств и были созданы предпосылки для капиталистического производства, а также показывается историческая тенденция капиталистического накопления, обосновывается неизбежность гибели капитализма.

В I томе «Капитала» простое и развитое товарное обращение исследовались лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания процесса производства капитала. Изучение производства прибавочной стоимости и накопления позволило глубоко и всесторонне решить антиномию возникновения капитала со стороны процесса производства. Однако для окончательного ответа на поставленный ходом исследования вопрос необходимо было детально проанализировать и сферу обращения капитала. Этому и посвящен **второй том «Капитала»**.

В первом отделе II тома «Капитала» — «Метаморфозы капитала и их кругооборот» (гл. 1–6) — исследуется движение самовозрастающей капитальной стоимости, воспроизводство индивидуального капитала. Весь процесс кругооборота капитала представлен К. Марксом как совокупность метаморфозов капитала: $D - T_{\text{сп}}^{\text{pc}} \dots P \dots T^1 - D^1$.

На первой стадии кругооборота денежный капитал противостоит наемному рабочему как чужая собственность, как деньги, на которые покупаются его рабочая сила и средства производ-

ства. На второй стадии производительный капитал уже включает наряду со средствами производства и самого наемного рабочего как одну из своих неотъемлемых составных частей. На третьей стадии товарный капитал выступает как отчужденный от наемного рабочего результат его труда, как собственность капиталиста. Такой подход позволяет К. Марксу преодолеть метафизическое представление о капитале лишь как средствах производства, т.е. как вещи, находящейся в собственности капиталиста. Таким образом, анализ кругооборота позволяет не только показать капитал как движение, но и раскрыть новые грани отношения между с наемным трудом и капиталом.

Исследование кругооборота капитала рассматривается К. Марксом не только как единство стадий, функциональных форм, но и как единство трех фигур кругооборота, каждая из которых по-своему раскрывает и по-своему маскирует цель капиталистического производства, роль и место производства и обращения в движении капитала. Общим для всех трех фигур кругооборота является возрастание стоимости как цель и движущий мотив капиталистического производства. В кругообороте денежного капитала это выражено в самой форме, в кругообороте производительного капитала раскрывается процесс увеличения стоимости, кругооборот товарного капитала начинается и заканчивается возросшей стоимостью. Между этими фигурами существует диалектическое единство не только функциональных форм и стадий (метаморфозов капитала), но и текучее единство процесса производства и процесса обращения. Каждая функциональная форма и предполагает другие и исключает их, обуславливая единство непрерывности и прерывности. Промышленный капитал в ходе своего движения одновременно находится во всех формах и на всех стадиях. Однако для этого между ними должны существовать определенные соотношения, качественная и количественная пропорциональность. Если общественный капитал, характеризующийся как целое, отличается непрерывностью, то для индивидуальных капиталов она более или менее постоянно нарушается, достигая своего апогея в периодически повторяющихся кризисах перепроизводства.

Во II томе дается определение капитала как движения, в ходе которого стоимость проходит стадии производства и обращения, сохраняет и увеличивает себя. Таким образом, сфера обращения не ограничивается лишь реализацией товаров, в той или иной форме в ней продолжается процесс производства. Поэтому К. Маркс производит тщательный анализ издержек обращения с точки зрения процесса труда и образования; (увеличения) стоимости, (чистые и дополнительные издержки).

Второй отдел II тома «Капитала» посвящен исследованию оборота капитала (гл. 7–17). В нем выясняется вопрос о скорости движения капитала в целом и его составных частей, исследуются условия непрерывности движения капитала в производстве и обращении, структура времени оборота, выясняются причины распада капитала на авансированный и действительно примененный.

Центральной частью второго отдела является анализ деления капитала на основной и оборотный, выяснение его отличия от деления капитала на постоянный и переменный. Достоинством подхода К. Маркса является раскрытие объективной обусловленности такого деления и его фетишизма. Деление на основной и оборотный капитал удерживает в себе различие между постоянным и переменным капиталом, но удерживает лишь частично, в снятом виде. Основной и оборотный капитал — превращенные формы постоянного и переменного капитала, в которых тайна происхождения прибавочной стоимости замаскирована, скрыта. Именно поэтому такое большое внимание К. Маркс уделяет анализу теорий основного и оборотного капитала (физиократы, А. Смит, Д. Рикардо).

Исследование общего и реального оборота капитала позволило К. Марксу сформулировать принципиально важное положение о том, что материальной основой периодичности экономических кризисов при капитализме является массовое обновление основного капитала. Это положение сохраняет фундаментальное значение и для современного капитализма, позволяя провести четкое разграничение между циклическими кризисами перепроизводства, с одной стороны, и структурными, промежуточными и т. п. кризисами — с другой.

Анализ составных частей времени оборота (времени производства и времени обращения) и исследование особенностей оборота оборотного капитала позволили К. Марксу выявить причины распада капитала на действующий и бездействующий, авансированный и действительно примененный, выявить влияние времени оборота на возрастание капитала по стоимости, «проанализировать возможность и необходимость появления кредита. Последовательное проведение различия между авансированным и действительно примененным переменным капиталом позволило

К. Марксу решить проблему, которую не могла решить школа Д. Рикардо, — проблему годовой нормы прибавочной стоимости. Проведенный К. Марксом анализ показал, что только переменный капитал, действительно примененный в процессе труда, производит прибавочную стоимость.

В *третьем отделе* «Воспроизводство и обращение всего общественно капитала» (гл. 18–20) выясняются условия, при которых весь капиталистически произведенный общественный продукт может быть полностью реализован. Прежде чем проанализировать простое и расширенное воспроизводство всего общественного капитала Маркс рассматривает прежние представления о предмете. Ограниченность трактовки воспроизводства общественного капитала, осуществленной автором «Богатства народов», заключается в том, что «Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости, постоянного капитала в обновленной форме»¹¹, то есть он сводит общественный капитал лишь к вновь созданной стоимости. Это приводит А. Смита к смешению личного и производительного потребления.

Четкое выделение основных предпосылок анализа воспроизводства всего общественного капитала позволило К. Марксу определить условия пропорционального развития. Важнейшими предпосылками анализа являются:

- 1) деление совокупного общественного продукта по натуральной форме (на средства производства и предметы потребления) и по стоимости (на $c + v + m$);
- 2) совпадение цен со стоимостью;
- 3) анализ «чистого» капитализма, состоящего только из двух классов (буржуазии и пролетариата);
- 4) постоянство нормы прибавочной стоимости;
- 5) неизменность органического строения капитала;
- 6) абстракция от различий в обращении между основным и оборотным капиталом и т.п. (абстракция от кредитных денег, от обособившихся частей промышленного капитала, внешней торговли, непроизводственной сферы, налоговой системы, земельной ренты и т. д.).

Соблюдение указанных предпосылок позволило К. Марксу определить, что основная трудность изучения и объяснения воспроизводства и обращения всего общественного капитала заключается, в анализе простого воспроизводства. Сформулированные К. Марксом условия простого воспроизводства: $I(v + m) = IIc$; $I(v + m) + II(v + m) = II(c + v + m)$; $I(c + v + m) = Ic + IIc$ обеспечивают равномерное и пропорциональное развитие двух подразделений и всего совокупного общественного продукта.

Анализируя накопление и расширенное воспроизводство, К. Маркс указал на ведущую роль I подразделения. Она подчеркнута порядком исследования, а также тем обстоятельством, что норма накопления в I подразделении является независимой переменной величиной, а во втором — зависимой. К тому же темпы роста всех частей совокупного общественного продукта имеют тенденцию к выравниванию на уровне темпов роста I подразделения. В схемах К. Маркса не показано увеличение органического строения капитала, однако оно предполагается, о чем свидетельствуют два примера расширенного воспроизводства. Если в первом примере органическое строение капитала составляет 4:1, то во втором — 5:1. Причем второй пример, по мнению К. Маркса, отражает более высокий уровень развития капитализма.

Предметом исследования III тома является процесс капиталистического производства, взятый в целом. К. Маркс стремится «найти и показать те конкретные формы, которые возникают из процесса I движения капитала, рассматриваемого как целое», т. е. показать приближение «к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»¹².

Первый отдел «Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли» (гл. 1–7) начинается с анализа причин превращения затрат труда в затраты капитала. Превращение части стоимости товара в издержки производства приводит к превращению прибавочной стоимости в прибыль. К. Маркс характеризует прибыль как превращенную форму прибавочной стоимости. Прибыль выступает не как результат эксплуатации рабочей силы, а как порождение всего авансированного капитала. К. Маркс подробно рассматривает факторы, влияющие на величину нормы прибыли, экономию в применении постоянного капитала, влияние колебания цен и другие факторы.

Во *втором отделе* «Превращение прибыли в среднюю прибыль» (гл. 8–12) К. Маркс решает задачу, которую не смогла решить школа Д. Рикардо. Д. Рикардо и особенно его ученики стол-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 407.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 29.

кнулись с проблемой: если товары продаются по стоимости, тогда (вследствие разного органического строения и разной скорости оборота капитала в разных отраслях) не может быть равной прибыли на равный капитал. Между тем это противоречило практике хозяйствования капитализма свободной конкуренции, когда в общем и целом принцип, равной прибыли на равный капитал соблюдался. Отсюда следовал логический вывод о том, что теория трудовой стоимости неверна. К. Марксу принадлежит честь решения проблемы средней нормы прибыли на базе трудовой теории стоимости. Во втором отделе показаны причины и механизм образования общей (средней) нормы прибыли путем межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции. Товары в условиях капитализма свободной конкуренции продаются не просто как продукты труда, но как продукты капитала. Это приводит к отклонению цен от стоимости товаров и образованию цен производства. К. Маркс выявляет причины краткосрочных и долгосрочных изменений цен производства. Учение о ценах производства имело значение для обоснования классовой борьбы пролетариата, так как наглядно показывало, что каждого рабочего эксплуатирует не только отдельный капиталист, но и класс капиталистов в целом. Этому «масонскому братству» капиталистов, считал К. Маркс, необходимо противопоставить интернационализм рабочего класса.

Третий отдел «Закон тенденции нормы прибыли к понижению (гл. 13–15) показывает, как рост производительной силы труда, способствуя повышению органического строения капитала, приводит к падению нормы прибыли. Тенденцию нормы прибыли к понижению заметил еще Д. Рикардо, однако он связывал ее с законом убывающего плодородия, вследствие которого росла стоимость земледельческих продуктов и соответственно заработная плата. Рост заработной платы, по мнению Д. Рикардо, способствовал уменьшению массы прибыли и в конечном счете приводил к падению ее нормы. К. Маркс показал, что падение нормы прибыли связано не с убывающим плодородием, а с ростом производительной силы труда, который приводит к повышению органического строения капитала. Более того, К. Маркс доказал, что падение нормы прибыли может сопровождаться ростом ее массы. К. Маркс подробно останавливается на факторах, препятствующих понижению нормы прибыли (повышение степени эксплуатации труда, уменьшение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала). Действие этих причин способствует превращению закона в тенденцию.

Норма прибыли — важнейший показатель капиталистического хозяйствования. Поэтому открытая К. Марксом закономерность свидетельствовала, по его мнению, об исторической ограниченности капиталистического способа производства. Анализ развития внутренних противоречий закона позволяет К. Марксу показать конфликт между расширением производства и самовозрастанием стоимости, выявить причины образования избытка капитала при избытке населения. И хотя в ходе капиталистических кризисов перепроизводства удается частично разрешить возникающие противоречия, тем не менее главное противоречие остается, так как основным препятствием развития производительных сил и настоящим пределом капиталистического производства является, по Марксу, сам капитал.

Четвертый отдел «Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал» (гл. 16–20) показывает образование средней прибыли и цены производства с учетом функционирования товарно-торгового капитала. К. Маркс впервые объясняет на базе трудовой теории стоимости источник торговой прибыли, возмещение торгового капитала, дополнительных и чистых издержек обращения. Особенностью товарно-торгового капитала является то, что в отличие от промышленного капитала скорость его оборота не влияет на норму прибыли. В этом же отделе К. Маркс рассматривает такую специфическую, переходную к ссудному капиталу форму, как торговля деньгами, — денежно-торговый капитал; а также дает очерк по истории купеческого капитала. Характерной чертой III тома является то, что в нем рассматривается торговый и ссудный капитал как обособившиеся формы промышленного капитала, поэтому история предшествующих капитализму форм капитала — купеческого и ростовщического, — а также генезис капиталистической земельной ренты даются в конце соответствующих разделов.

Пятый отдел «Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты» (гл. 21–36) посвящен анализу еще одной обособившейся и самой фетишистской в буржуазном обществе формы промышленного капитала. В отличие от торгового капитала, приносящий проценты, не участвует в образовании средней прибыли и выступает как своеобразная надстройка к промышленному и торговому капиталу. Восходя от абстрактно-

го к конкретному, К. Маркс исследует четыре формы капитала, приносящего проценты: ссудный, банковый, фиктивный и ростовщический. На первой ступени К. Маркс анализирует распадение прибыли на процент и предпринимательский доход и рассматривает движение принадлежащего капиталистам денежного капитала в качестве ссудного. На втором этапе К. Маркс рассматривает механизм функционирования банковского капитала, источники его формирования, состав, направление движения, причины образования капиталотворческой функции банков. Банки не только используют свободный денежный капитал буржуазии, но и мобилизуют денежные средства других слоев населения, а также государственных и частных учреждений. Кроме того, они занимаются эмиссией банкнот и обеспечивают прибыльное применение имеющегося капитала. Таким образом, К. Маркс характеризует банковый капитал как более сложную форму, чем ссудный. Это позволяет ему определить истинную роль кредита в капиталистическом производстве (в уравнивании нормы прибыли, сокращении издержек обращения и образовании акционерных обществ), показать соотношение в движении денежного и действительного капитала, проанализировать денежное обращение при кредитной системе, а также дать критику денежной и банковской школ. К. Маркс рассматривает акционерные общества как «результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей... в непосредственную общественную собственность»¹³. Завершается раздел анализом типичного для докапиталистических формаций ростовщического капитала и истории его вытеснения кредитными учреждениями в эпоху становления буржуазного способа производства.

Шестой отдел «Превращение добавочной прибыли в земельную ренту» (гл. 37–47) посвящен изучению определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Основное внимание К. Маркс уделяет в III томе «Капитала» анализу дифференциальной ренты как наиболее адекватной капиталистическому аграрному строю. Заслугой К. Маркса является то, что он освободил теорию дифференциальной ренты от связи с законом убывающего плодородия, с помощью которого ее объяснял Д. Рикардо. На базе трудовой теории стоимости Маркс впервые в истории политэкономии объяснил причину и раскрыл механизм образования абсолютной ренты.

Марксом дана также убедительная критика закона убывающего плодородия, показаны причины и источники образования монопольной ренты. Важное значение для исследования докапиталистических формаций и понимания этапов становления капитализма в сельском хозяйстве имеет глава 47, в которой дается характеристика отработочной ренты, ренты продуктами, денежной ренты, анализируются издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собственность.

В *седьмом отделе* «Доходы и их источники» (гл. 48–52) показывается, как действительность капитала отражается в представлениях агентов капиталистического производства. Отдел начинается с критики этих представлений. Буржуазной триединой формуле, согласно которой капитал порождает прибыль, земля — земельную ренту, а труд — заработную плату, противопоставляется монистическое объяснение Марксом на базе трудовой теории стоимости источников доходов; показывается, что прибыль, процент и земельная рента являются превращенными формами прибавочной стоимости. Выясняется, что отношения распределения являются следствием исторически определенных отношений, складывающихся в непосредственном процессе производства, что эти производственные отношения выражаются в отношениях основных классов капиталистического общества.

III том «Капитала» остался незавершенным. Однако основные проблемы, поставленные предшествующей К. Марксу политической экономией и сформулированные им в форме антиномий в работе «К критике политической экономии»¹⁴, были им успешно решены. К. Марксу удалось проанализировать видимость, сущность, явление и действительность экономических отношений при капитализме.

IV том «Капитала» представляет историческую часть «Экономической рукописи 1861–1863 годов». IV том «Капитала» — это история попыток постичь тайну прибавочной стоимости, попыток раскрыть механизм движения капиталистического производства, попыток сведения прибыли, процента и ренты к единому целому, с одной стороны, и монистического выведения категорий и законов буржуазного общества на базе трудовой теории стоимости — с другой. Именно поэтому центральное место в «Теориях прибавочной стоимости» занимает учение Д. Рикардо. «Теории прибавочной стоимости» делятся на три части: первая часть посвящена поискам прибавочной стоимости до Д. Рикардо; вторая — изложению взглядов Д. Рикардо, а также вопросам, связан-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 480.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 47–48.

ным с изложением его теории; третья часть — учениям, которые в этом главном вопросе уступают Д. Рикардо или представляют собой разложение рикардианской школы.

Первая часть «Теорий прибавочной стоимости» (гл. 1–7) начинается с изложения взглядов сэра Джеймса Стюарта. Дело в том, что в «Исследовании о началах политической экономии» (1767) он предпринял попытку систематизации взглядов меркантилистов. Поэтому в вопросе об источнике прибыли (прибавочной стоимости), которая выводилась меркантилистами из обмена, из продажи товара выше его стоимости, «сэр Джеймс Стюарт в целом не вышел за рамки этого ограниченного воззрения...»¹⁵. Маркс считал, что научная политическая экономия начинается с анализа сферы производства. Заслугой физиократов является рассмотрение уже не сферы обращения, а сферы производства в качестве источника прибавочной стоимости. Однако они ошибочно считали производительным лишь труд занятых в сельском хозяйстве, рассматривая земельную ренту как единственную форму прибавочной стоимости. А. Смит преодолел эту ограниченность физиократов и на базе более глубокой трудовой теории стоимости стал считать производительным труд, создающий прибавочную стоимость. Важное место в «Теориях прибавочной стоимости» занимает анализ «Экономической таблицы» Ф. Кенэ, а также взглядов У. Петти, Д. Нортона, Д. Локка, Дж. Масси, Д. Юма и др. критиков меркантилистов.

Вторая часть (гл. 8–18) начинается с критики взглядов И.К. Родбертуса и истории открытия так называемого рикардовского закона земельной ренты. В отличие от III тома «Капитала» в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс уделяет большое внимание анализу абсолютной ренты. Дело в том, что, отождествляя стоимость с ценой производства, Д. Рикардо не мог объяснить происхождение абсолютной ренты. Таким образом, отрицание абсолютной ренты у Д. Рикардо было следствием его ошибок в теории стоимости.

Эта и другие слабости и противоречия рикардианской теории были уже заметны его постоянному оппоненту — Т.Р. Мальтусу, с изложением взглядов которого начинается *третья часть* (гл. 19–24). Однако собственная теория стоимости Мальтуса, по мнению К. Маркса, стоит гораздо ниже рикардовской. Попытки защитить теорию Д. Рикардо его учениками (Р. Торренсом, Дж. Миллем, Дж. Р. Мак-Куллохом и др.) в действительности приводят лишь к ее дальнейшему отходу от трудовой теории стоимости.

Стремясь показать внутреннюю связь явлений, Д. Рикардо прямо формулирует экономическую противоположность классов буржуазного общества. Поэтому не случайно, что возникло целое направление пролетарских рикардианцев (П. Рейвстон, Т. Годскинг, Дж. Брей и др.). Им принадлежит много глубоких наблюдений об отношениях между трудом и капиталом, о свободном времени как подлинном богатстве общества и т.д. Однако в общем и целом они не смогли преодолеть ограниченность рикардианской теории стоимости.

Ряд глубоких мыслей содержался в произведениях Дж. Рамсея, А.Э. Шербюлье, Р. Джонса, для которых характерны элементы исторического понимания, хотя и они не сумели подняться выше теории Д. Рикардо.

Запоздалое открытие Маркса

На похоронах Карла Маркса в субботу 17 марта 1883 г., на Хайгетском кладбище присутствовало всего 11 человек. Его друг и соратник Фридрих Энгельс произнес фразу, которая тогда могла показаться завышенной оценкой: «И имя его, и дело его переживут века»¹⁶. Действительно, современникам Маркс был известен лишь по тем работам, которые публиковались весьма ограниченным тиражом в рабочей печати. Влияние учения Маркса на современников было довольно скромным. Более трех четвертей работ Маркса не были опубликованы при его жизни. Но и то, что было опубликовано, было издано в разных странах и на разных языках. Его публикации в *New York Tribune* были посвящены текущим событиям, полемические работы вроде «Святого семейства» (1845) или «Нищеты философии» (1847) известны лишь узкому кругу друзей. «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (1867) в ту пору были еще не поняты современниками и игнорировались официальной академической наукой. Второй и третий тома «Капитала» были изданы Фридрихом Энгельсом уже после смерти Маркса (в 1885 и в 1894 гг.), четвертый том — Карлом Каутским в 1905–1910 гг. Однако последний том стал достоянием широкой общественности лишь после его вторичной публикации Институтом Маркса–Энгельса–Ленина в 1954–1961 гг.

Революционные «Тезисы о Фейербахе» (1845) появились лишь в качестве приложения к работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в 1888 г., «Наброски

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 9.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 352.

ответа на письмо В.И. Засулич» – в 1924 г., «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» – в 1932 г., «Немецкая идеология» (1845) – в 1932–1933 гг., «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» – в 1933 г., «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» – на языке оригинала в 1939–1941 гг., а на русском языке в 1968–1969 гг., «Экономическая рукопись 1861–1863 гг.» (тетради I–V, XV–XXIII) – в 1973–1980 гг., первая и третья главы второго варианта II тома «Капитала» – в 1981 г. и т.д. Несистемное восприятие экономического наследия К. Маркса, абсолютизация в разные периоды развития отдельных опубликованных произведений, их анализ в отрыве от других сочинений основоположника марксизма привели к известному упрощению и вульгаризации его взглядов в социал-демократической литературе конца XIX–начала XX в., а также в советской экономической литературе 1920–1980-х гг.

Публикация сочинений растянулась на 100 лет, а понимание началось только в конце периода социализма¹⁷. Долгое время не было главного: снятия сакральности с сочинений К. Маркса, понимания его не как пророка, а как живого человека, как развивающегося ученого. Первые шаги в этом направлении в нашей стране были сделаны только в 1970–1980 гг.¹⁸

Однако в середине 1980-х гг. в России уже началась перестройка, и кризис марксистской идеологии увлек за собой творческие находки нового поколения марксистов. Творческий марксизм стал казаться менее значимым, чем то, что было сделано в западной экономической науке за сто лет после смерти Маркса. Между тем, влияние Маркса на западную экономическую науку оказалось, к удивлению советских людей, более чем скромным. В этом отчасти был повинен и сам Маркс.

Причины неприятия учения Маркса западной академической экономической наукой

Карл Маркс считал, что лучшим в первом томе «Капитала» было изложение двойственного характера труда и анализ прибавочной стоимости независимо от конкретных форм ее проявления: прибыли, процента и земельной ренты¹⁹. То, что казалось главным Марксу, не оказалось столь впечатляющим для его современников. Почему это произошло?

В неприятии первого тома «Капитала» западным экономическим сообществом нет ничего удивительного и в этом трудно искать (вслед за Марксом) какой-либо заговор молчания. Редкие академические сочинения получают всемирную известность сразу в момент их публикации. Для этого, во всяком случае, необходимы определенные предпосылки, которые в данном случае отсутствовали совсем. Маркс никогда не преподавал ни в одном мало-мальски известном университете. Свою докторскую диссертацию он получил довольно давно (в 1841 г.) в Йенском университете, известном тем, что это учебное заведение давало быстро и без споров отзывы на докторские диссертации²⁰. Публичной защиты (как в Советском Союзе) или широких диспутов (как в средневековых университетах), естественно, не было, как не было у Маркса и опыта преподавания в высших учебных заведениях. Уже этот простой факт легко объясняет задержку в распространении его идей. К тому же, произведения произведения разны: «Манифест коммунистической партии» можно прочитать за один вечер (было бы желание). С «Капиталом» Карла Маркса такую операцию осуществить довольно трудно²¹. Нужно время, желание и главное — определенный уровень подготовки. Причем подготовки довольно серьезной — как специальной (необходимо знакомство как минимум с немецкой классической философией и английской и французской классической политической экономией), так и общей (необходимо, по меньшей мере, университетское гуманитарное образование, которое вряд ли можно было встретить в среде тогдашнего рабочего класса). Напомним, что

¹⁷ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Академии наук, 1960; Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» Карла Маркса. М.: Мысль, 1967; Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1968; История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М.: Мысль, 1971; Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976 и др.

¹⁸ Выгодский В.С. К истории создания «Капитала». М., 1970; Он же. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М., 1975; Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1973; Багатурян Г.А., Выгодский В.С. Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). М., 1976; Коган А.М. В творческой лаборатории Карла Маркса. М., 1983; Смирнов И.К. Метод исследования экономического движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984; Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи Маркса 1857–1859 годов). М., 1987; Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 320–538 и др.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277..

²⁰ Во всяком случае, Маркс получил ученую степень доктора философии уже через 9 дней после того, как направил туда свою диссертацию. См.: Уин Ф. Карл Маркс. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 41.

²¹ «И самого себя по шее глядя, – уговаривал себя С.А. Есенин, – я говорю – настал наш срок: давай, Сергей, за Маркса тихо сядем, чтоб разгадать премудрость скучных строк».

как огромное достижение в середине XIX в. было воспринято введение обязательного начального образования в Великобритании. А Англия в этом плане заметно опережала континент. Отсутствие интереса объясняет тот парадоксальный факт, что на английский язык 1-й том «Капитала» переведут лишь 20 лет спустя, в 1887 г.

Между тем вопрос о пролетарском происхождении имел в XIX и в XX вв. гипертрофированное значение. Маркс отказался от поста председателя Генерального совета I Интернационала, ссылаясь на то, что он не является представителем рабочего класса²². Любопытно, что эта традиция сохранялась и много позже: в Советском Союзе вплоть до середины 80-х гг. XX в. на отделениях политической экономии экономических факультетов университетов имели значительное преимущество люди с производственным стажем, а не те, кто закончили образовательные школы в текущем году.

Не следует забывать и тот факт, что пик популярности трудовой теории стоимости (во всяком случае, в ее рикардианской трактовке) в академической среде давно уже прошел. В 70–90-е гг. XIX в. начинает получать все большее распространение теория предельной полезности. Хотя первые шаги в этой области были сделаны гораздо раньше (А. Курно в 1838 г., а Г. Госсеном в 1854 г.) однако лишь 1870-е гг. знаменуют качественный перелом в этой области: в 1871 публикуют свои работы У. Стенли Джевонс (1835–1882) и Карл Менгер (1840–1921), в 1874 – Леон Вальрас (1834–1910). Позднее появляются работы Эйгена Бем-Баверка (1851–1914) и Фридриха фон Визера (1851–1926). Теория предельной полезности дополняется в 1886 г. теорией предельной производительности Джона Бэйтси Кларка (1847–1938). Фактически все эти изменения естественно не нашли никакого отражения в последующих переизданиях и переводах первого тома «Капитала», подготовленных Марксом (1872 и 1875) и Энгельсом (1883, 1886 и 1890). На самом деле изменения носили кардинальный характер: вместо политической экономии как философии хозяйства появляется совсем другая наука — экономикс, выступающая как набор практических рецептов по оптимизации деятельности экономических агентов в условиях ограниченных ресурсов. Хотя формально термин появится позднее (в 1890 г.) реально почва была подготовлена уже в 70–80-е гг.²³

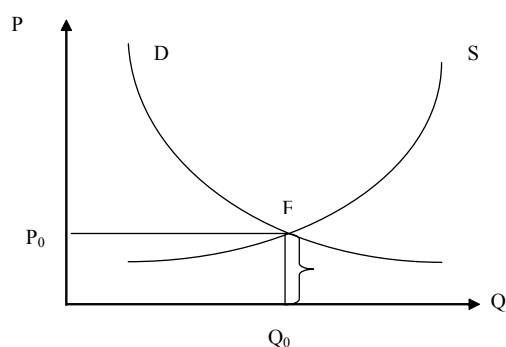

Рис. 11.2. Стоимость как основа уровня цен (по Марксу). Интерпретация с позиции неоклассиков

Происходит смещение центра экономических исследований. Если в центре внимания классиков английской политической экономии была сфера производства (А. Смит) и распределения (Д. Рикардо), то в построениях новых экономистов все большее значение приобретает сфера обмена и потребления. Изменяется и масштаб рассмотрения: в центре оказывается не государство, а фирма и индивид. Микроэкономические основы анализа рыночных структур вытесняют макроэкономический масштаб политической экономии. Меняется и сам анализ микроэкономических основ. Если в центре внимания А. Смита и Д. Рикардо был закон стоимости, то у Джона Стюарта Милля эту роль играет уже закон спроса и предложения, а у К. Менгера, У. Джевонса и Л. Вальраса — закон убывающей полезности. Изменяются не только цели и предмет исследования, но и метод анализа. На смену формальной и диалектической логике постепенно приходит логика математическая. В центре внимания исследователей оказывается сравнительная статика, оптимизационные и равновесные модели. Эти изменения обобщаются Альфредом Маршаллом (1842–1924) в его «Принципах экономикс» (1890 г.).

²² Маркс полагал себя лишенным права на выборы на пост председателя Генерального совета Интернационала «потому что он является работником умственного труда, а не тем, кто работает руками». Хотя и не отрицал того очевидного факта, что в Генеральном совете Интернационала могут работать и люди непролетарского происхождения.

²³ Термин «экономикс» появился впервые в 1871 г. в «Теории политической экономии» У.С. Джевонса, а названию учебника лишь в 1881–1886 гг. у Г.Д. Маклеода.

Не удивительно, что в этих условиях замысловатые диалектические построения Карла Маркса оказались невостребованными. С позиций тогдашней науки они казались более обращенными в прошлое, чем в будущее, более теоретическими, чем практическими. Будучи оторванным от современной академической науки, ее новейших поисков и открытий, он в тишине библиотеки Британского музея интересовался вековыми тенденциями развития политической экономии, с позиций которой новые веяния казались лишь вульгаризацией классических основ. Если Маркса интересовала стоимость как основание рыночных цен и весь первый том «Капитала» исходит из предпосылки соответствия цен стоимости, то его современников гораздо больше интересовали случаи отклонения этих цен от стоимости. Если в центре внимания Маркса остается совершенная конкуренция, то в центре внимания неоклассиков – рыночные структуры, вырастающие из этой совершенной конкуренции: чистая и естественная монополия, монополистическая конкуренция и ценовая дискриминация, олигополия и монополия. Сильно упрощая, поясним это на наглядном графическом примере. Выражаясь современным экономическим языком, Маркса, главным образом, интересовал абсолютный равновесный уровень (см. рис. 11.2): почему пирожки продаются за 10 руб., а современные автомобили за сотни тысяч. В центре внимания экономистов-неоклассиков находится, наоборот, относительное изменение цен. Применительно к совершенной конкуренции это означает сдвиги кривых спроса и предложения (см. рис. 11.3). Однако современная экономика, естественно, не ограничивается анализом совершенной конкуренции, а исследует все типы рыночных структур (причем не только по отношению к рынкам потребительских товаров и услуг, но и к рынкам ресурсов).

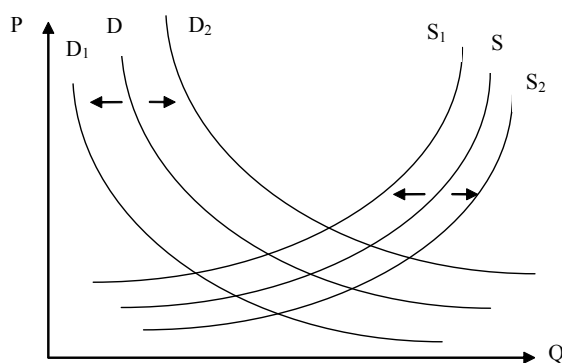

Рис. 11.3. Предмет исследования неоклассики — относительные изменения цен

К. Маркс и Россия: причины становления марксистского волюнтаризма

Совсем иная ситуация сложилась с изучением произведений Карла Маркса в России.

Кто же были те счастливые россияне, которые общались и писали о Марксе в период его жизни? Это либеральный дворянин П.В. Анненков (1812–1887), либеральный народник Н.Ф. Даниельсон (1844–1918), “законченный интриган”²⁴ М.А. Бакунин (1814–1876), “социалист-дилетант”, “русский панславист” А.И. Герцен (1812–1870), а также члены русской секции I Интернационала – Н.И. Утин (1841–1883), В.И. Бартенев (р. 1838), А.Д. Трусов (1835–1886). Их имена давно забыты. Характерно, что Маркс лично стал секретарем русской секции Интернационала!

Русская цензура довольно нежно обошлась с произведениями К. Маркса, достигшими пределов Российской Империи. В 1848 г. было получено разрешение цензуры на ввоз в Россию “Нищеты философии”. Предмет сочинения, считала цензура, не может быть применен к России и представляет “умозрения довольно отвлеченные”. В 1867 г. цензура разрешила распространение немецкого издания “Капитала”, а в 1872 г. его русского перевода, рассматривая его как сочинение “строго научное”, “тяжелое” и “малодоступное”. Цензура полагала, что книгу Маркса “немногие прочтут”, “а еще менее поймут ее”. К тому же рассматривала ее как критику практики терроризма революционных народников. В числе прочего марксизм способствовал упрочению европейского вектора развития русской общественной, особенно экономической мысли.

Однако, был ли Маркс сторонником прямого и непосредственного применения идей «Капитала» в России? «Письмо В.И. Засулич» и «Наброски ответа на письмо В.И. Засулич» дают скорее ответ «нет», чем «да»²⁵. Хотя к этому ответу Маркс пришел с трудом. Сохранилось три наброска ответа,

²⁴ Здесь и далее в кавычки взяты выражения К. Маркса.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250–251, 400–421.

которые занимают в собрании сочинений 22 страницы, тогда как сам ответ – менее 2-х страниц. Тем не менее, Маркс считал (в 1880 г.), что в России — стране, в которой 140 лет назад появился первый перевод 1-го тома «Капитала» — его «больше читают и ценят, чем где бы то ни было»²⁶. Действительно, только в 1870-х гг. в России появилось свыше 150 рецензий, статей и упоминаний о «Капитале»²⁷. Их было настолько много, что одна из них (опубликованная в Санкт-Петербургских ведомостях 8 (20) апреля 1872 г.) была удостоена чести попасть в Послесловие ко второму изданию «Капитала».²⁸

Революционная интеллигенция, разуверившись в российском крестьянстве и в тактике терроризма после убийства Александра II, хотела опереться на объективный социально-экономический процесс. Детерминистские элементы в учении Маркса поэтому сразу привлекли ее внимание²⁹. Российских читателей заинтересовала, прежде всего, характерная для автора «Капитала» цельность социального видения капиталистической экономической системы³⁰. «Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс-освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить»³¹. В этом их поддерживали легальные марксисты, для которых развитие промышленности и капитализма (а не изменение социально-классовой структуры общества) имело самодовлеющее значение.

Это не значит, что все идеи Маркса были восприняты без каких бы то ни было отклонений. Наоборот, многие из положений Маркса воспринимались довольно критически. Правда, это в основном была либеральная критика марксизма. В числе критиков были И.И. Кауфман (1848–1916), Л.А. Полонский (1833–1913), И.К. Бабст (1824–1881), Н.И. Зибер (1844–1888) и др. В 1890-х гг. появляются статьи Н.К. Михайловского (1842–1904) против марксизма. А позднее даже возникает российский «катедер-социализм» (И.И. Иванюков, А.И. Чупров, А.А. Исаев). Профессор политэкономии Московского университета, видный деятель партии кадетов и министр просвещения во временном правительстве А.А. Мануилов (1861–1919) писал, что во второй половине XIX в. наиболее авторитетными и популярными в России были Маркс и Рикардо, что за немногим исключением все курсы политической экономии были построены на учениях этих экономистов, что особенностью русской экономической мысли того времени стала своеобразная рикардо-марксовская система.

Итак, каковы же плюсы и минусы раннего распространения марксизма в России?

Распространение марксизма в Российской империи «вширь» произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России «вглубь», для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме.

В XX в. Россия вошла, имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Действительно настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а марксизмом как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России единицами. Преобладали же в России совершенно неадекватные первоисточнику, извращенные формы марксизма. Это не помешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 г. от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на 1/6 части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма.

Большевики для этого творчески «развили» Маркса, который фактически создал настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Именно этот миф и получил дальнейшее развитие на российской почве в трудах большевиков, и прежде всего В.И. Ленина. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, Г.В. Плеханов)

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 380.

²⁷ Подробнее см.: Пустарнаков В.Ф. Парадоксы в истории марксизма в России. Альманах «Восток», Выпуск: № 12(24), декабрь 2004 г.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 18–19.

²⁹ «Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология». Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 79.

³⁰ «Не удивительно, - писал Й.А. Шумпетер, - что его немецкие и русские читатели – по аналогичной склонности (к философствованию – Р. Н.) и в силу схожего образования – ухватились, прежде всего, за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы». Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 40.

³¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 79.

ждать придется довольно долго. В этих условиях Ленин создает учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновывается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению». «Ленин, — писал Н. А. Бердяев, — вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придется иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден был повторить то, что говорил Ткачев, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма»³².

«Народный» (вульгаризированный) марксизм или развитие марксизма вширь

Мы уже отмечали в предыдущем разделе, что в ряде стран (и Россия в данном случае не исключение) первоначально происходит, главным образом, распространение идей марксизма вширь. Что же касается распространения идей марксизма вглубь, то здесь не только в России, но и в большинстве стран успехи были довольно скромные. Это объясняется, прежде всего, интеллектуальным уровнем учеников и последователей Карла Маркса, а также непримиримым отношением основоположника научного коммунизма к своим оппонентам. «К своим политическим врагам, — писал М.И. Туган-Барановский, — Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко — для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста является его отношения к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого язвительного презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно»³³.

Почему же Марксу «не повезло» с учениками? Наверное, прежде всего, потому, что он искал их в среде рабочего класса. «...Для миллионов человеческих сердец учение Маркса о земном социалистическом рае означало новый луч света и новый смысл жизни, — писал Й.А. Шумпетер. — Неважно, что почти все эти миллионы были не в состоянии понять и оценить учение в его истинном значении. Такова судьба всех учений»³⁴.

Те немногие, которые вышли не из рабочей среды, к сожалению, не имели фундаментального экономического образования. Не секрет, что даже учившийся всю свою жизнь Фридрих Энгельс так и не получил университетского образования. Как справедливо заметил Й.А. Шумпетер, «интеллектуально и в особенности как теоретик он стоял значительно ниже Маркса. Нельзя даже быть уверенным в том, что он всегда понимал смысл его учения. Поэтому к его интерпретации следует подходить осторожно»³⁵.

Еще дальше в характеристике Энгельса идут Жан-Мари Альбертини и Ахмед Силем. «Друг, соратник, меценат Маркса, он был первым его вульгаризатором. ...Энгельс умел указать, упростить, пояснить и избежать того, что ему казалось слишком спорным. В последний период жизни Маркса, почти затворнический, был его глашатаям. В общем он осуществил переформулирование, которое позволило марксизму распространиться»³⁶.

Что же касается «зятьев» Карла Маркса, то ему, по его мнению, с ними явно не повезло. Шарля Лонге (1839–1903) он называет «последним прудонистом», а Поля Лафарга (1842–1911) — «последним бланкинистом». Даже выделявший своей начитанностью Карл Каутский (1854–1938) похвалился Марксу сначала «мелкой посредственностью».

³² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 89. Подробнее о традициях русской революционной мысли и предпосылках этой эволюции марксизма см.: Водозадов Г.Г. От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во МГУ, 1967.

³³ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996. С. 203.

³⁴ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 37.

³⁵ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 78.

³⁶ Альбертини Ж.-М. и Силем А. Понимать экономические теории. Маленький справочник больших течений. М.: Аристей, 1996. С. 104.

Тем не менее, влияние популяризаторов и вульгаризаторов трудно недооценить. Именно они способствовали распространению народного марксизма, что является уникальным социальным феноменом, сравнимым разве что с распространением мировых религий! Не случайно первоначальной задачей первых популяризаторов стала систематизация марксизма. В 1893 г. появляется статья Ф. Меринга (1846–1919) «Исторический материализм», в 1895 — книга Г.В. Плеханова (1856–1938) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в 1896 — работа А. Лабриолы (1843–1904) «Очерки материалистического понимания истории». Все они происходили из более экономически отсталых южных или восточных районов Европы. Все они переписывались с Ф. Энгельсом, который оказал решающее влияние на становление их марксистских взглядов.

Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» оказала большое влияние на социал-демократическую литературу. Идеи Ф. Энгельса отразились в книге П. Лафарга «Собственность и ее происхождение» (1895), в монографии Р. Люксембург (1870–1919) «Введение в политическую экономию» (написанной в 1907–1913 гг. и опубликованной в 1925 г.) и др. работах. Авторы этих монографий сосредоточивали свое внимание, главным образом, на обосновании материализма в исследовании отношений и исторически преходящего характера частной собственности. При этом собственность рассматривалась, как правило, не через систему производственных отношений (как в «Капитале» К. Маркса), а трактовалась как отдельное отношение (собственность на предметы личного пользования, собственность на орудия производства, собственность на капитал)³⁷.

Популяризируя взгляды К. Маркса, П. Лафарг и Ф. Меринг, — справедливо отмечает Б.А. Чагин, — преимущественно останавливаются на обосновании тезиса о зависимости политических и идеологических надстроек в обществе от его экономического основания. П. Лафарг в этой связи даже говорил о материалистическом понимании истории как об «экономическом материализме». В этом отношении и для Ф. Меринга была характерна известная прямолинейность, на что указывал Энгельс после прочтения меринговской «Легенды о Лессинге»³⁸.

Всякий отход от узкоэкономического объективизма воспринимался не только академическими учеными, но и социал-демократическими теоретиками как отступление от исторического материализма, отказ от основных заповедей марксизма. Наглядный пример — критика положения Ф. Энгельса о двух сторонах производства и воспроизводства непосредственной жизни (производство средств жизни и производство самого человека), о характере их соотношения на ранних этапах развития человеческого общества³⁹. Историки и социологи П. Вейзенгрюн (Германия), Н.И. Кареев и Н.К. Михайловский (Россия), а позднее и немецкие социал-демократы К. Каутский и Г. Кунов сочли это замечание Ф. Энгельса вынужденной уступкой, отступлением от материализма, сделанным под влиянием книги Л.Г. Моргана⁴⁰. «Производство людей, — поучал К. Каутский Ф. Энгельса, — фактор не равносильный производству средств существования, а зависящий от него»⁴¹. В 40-е гг. XX в. эта критика была перенесена в марксистскую литературу⁴².

Механистическое обоснование материализма в познании социально-экономических явлений, акцент на изучении истории как естественно-исторического процесса привели к недооценке общественной практики и ее роли в преобразовании и развитии общества. Понимание истории как результата деятельности людей оказалось в тени. Это типично не только для К. Каутского, но и в какой-то мере для крупнейшего среди социал-демократов философа Г.В. Плеханова.

Характеризуя материалистическое понимание истории, Г.В. Плеханов всегда стремился найти конечную причину общественного развития. «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», — писал Г.В. Плеханов, — то у нас получилось бы вот что:

- 1) состояние производительных сил;
- 2) обусловленные им экономические отношения;
- 3) социально-политический строй, выросший па данной экономической «основе»;

³⁷ См., напр.: Лафарг П. «За» и «против» коммунизма. — Собственность и ее происхождение. М., 1959. С. 39–45.

³⁸ Чагин Б.А. Разработка Г.В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977. С. 16.

³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 25–26.

⁴⁰ См.: Veisengrün P. Die Entwicklungsgesetze der Menschheit. Leipzig, 1888. С. 170; Кареев Н.И. Экономический материализм в истории. Вестник Европы, 1894, авг. С. 601; Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Русское богатство. 1894. № 1. С. 108–109; Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Соч. Т. XII. М; Пг., 1923. С. 119; Кунов Г. Марксова теория исторического прогресса общества и государства. Т. 2. М; Д., 1930. С. 121–124.

⁴¹ Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Соч. Т. XII. М; Пг., 1923. С. 119.

⁴² См.: Светлов В. О книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Большевик. 1940. № 24. С. 58.

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим па ней социально-политическим строем психики общественного человека;

5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики»⁴³.

Формула Г.В. Плеханова материалистична, однако этот материализм недостаточно диалектичен. И дело даже не в отдельной нечеткости формулировок (состояние производительных сил и т.д.). Дело в том, что не показана диалектика взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, роль классовой борьбы, не отражены правовые институты, односторонне представлены формы общественного сознания. Поэтому неудивительно, что из этой краткой формулировки исчезли такие фундаментальные для марксизма понятия, как способ производства и общественно-экономическая формация. Непонимание взаимообусловленного отношения производительных сил и производственных отношений ставило перед Г.В. Плехановым вопрос о конечной причине развития производительных сил. Такую первооснову он находил в географической среде. Конечно, Г.В. Плеханов был далек от географического детерминизма и прекрасно понимал, что «географическая среда влияет на человека через общественную», что «географическая среда совсем иначе влияла на германцев времен Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии». Тем не менее он полагал, что «развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды»⁴⁴.

Именно благодаря Г.В. Плеханову взгляд на орудия труда как на определяющий момент производительных сил получил широкое распространение. Включая в производительные силы предмет труда, он особо выделяет значение орудий труда. «Вот почему, — пишет он, — точнее будет говорить не о развитии орудий труда, а вообще о развитии средств производства, производительных сил, хотя совершенно несомненно, что самая важная роль в этом развитии принадлежит или, по крайней мере, принадлежала до сих пор (до появления важных химических производств) именно орудиям труда»⁴⁵. Абсолютизация роли средств производства объективно способствовала недооценке трудящихся как главной производительной силы.

Против объективистской трактовки марксизма и сведения его к экономическому материализму выступил А.А. Богданов (1873–1929). В отличие от Г.В. Плеханова центральным понятием философии марксизма А.А. Богданов считал практику, активность и живой труд⁴⁶. Разделяя взгляды А.А. Богданова, А.В. Луначарский (1878–1933) полагал, что его философия — это возвращение к «настоящему невульгаризированному, неплексанизированному Марксу»⁴⁷.

Любопытно однако, что и второе поколение марксистов вышло из Восточной и Центральной Европы. Это были более подготовленные марксисты, которые написали свои крупные работы еще до первой мировой войны. Практически этому поколению предстояло сыграть решающую роль в руководстве национальными рабочими партиями. Эти люди не были кабинетными учеными. Это было поколение, которое стремилось соединить марксистскую теорию с практикой рабочего движения. Теория им была нужна для обоснования практических действий. Многие из них по-своему интерпретировали учение Маркса: Рудольф Гильфердинг (1877–1941), Жан Жорес (1859–1914), Отто Бауэр (1881–1938), Владимир Ильич Ульянов (Ленин, 1870–1924), Лев Давидович Бронштейн (Троцкий, 1879–1940), Николай Иванович Бухарин (1888–1938). И именно благодаря их деятельности миллионы людей приняли анализ реальности, прямо или косвенно вытекающий из марксизма. Это стало одним из важнейших факторов, предопределившим развитие марксизма в XX в.

Дело в том, что «чрезвычайно широкие слои тех классов, — писал В.И. Ленин, — которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов»⁴⁸.

Лишь в начале XX в. появляются работы, пытающиеся развивать марксизм в «отраслевом» (работы К. Каутского по аграрному или О. Бауэра по национальному вопросу), или в «национальном» (работы В.И. Ленин о России) направлении. Во втором десятилетии появляются и более сложные произведения, пытающиеся отразить новые явления капитализма. Это прежде всего работы по империализму: «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга (1910), «Накопление капитала» Р. Люксембург (1913), «Империализм и мировая экономика» Н.И. Бухарина (1915), «Империализм,

⁴³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти томах. М., 1956–1958. Т. 3. С. 179–180.

⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 689.

⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 609.

⁴⁶ См.: Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Спб., 1913. С. 197–198.

⁴⁷ Цит. по: Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России (Конец XIX – начало XX в.). М., 1974. С. 260.

⁴⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 88.

как высшая стадия капитализма» В.И. Ленина (1917). Несмотря на очевидные достижения в этой области, они не были прямым продолжением «Капитала» К. Маркса. Они не развивали систему категорий и законов «Капитала», а дополняли или конкретизировали отдельные тенденции, подмеченные Марксом и, к сожалению, были гораздо ниже по уровню. Дело в том, что ни Георгий Плеханов, ни Карл Каутский, ни даже Владимир Ленин не поняли диалектики «Капитала» Карла Маркса. Это наглядно видно по их работам: «Наши разногласия» (1885) Георгия Плеханова, «Аграрный вопрос» (1899) Карла Каутского, «Развитие капитализма в России» (1899) Владимира Ленина⁴⁹ и «Накопление капитала» (1913) Розы Люксембург. Неудивительно, что 1914 г. Ленин запишет, что «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса, и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял «Капитал» К. Маркса 1/2 века спустя!!»⁵⁰.

Конечно, Маркс не повинен в том, что написали его ученики, однако они развивали традиции марксистского активизма и волюнтаризма. Ведь это Маркс считал, что дело не только в том, чтобы объяснить мир, но и в том, чтобы изменить его; в том, чтобы «экспроприировать экспроприаторов»⁵¹. Из этого революционного активизма выросли и теория перманентной революции Льва Троцкого, и диктатура пролетариата в трактовке Владимира Ильича Ленина, и экономический волюнтаризм Евгения Алексеевича Преображенского (1886–1937), и практика построения социализма в одной стране Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина, 1879–1953), и культурная революция Мао Дзе-Дуна (1893–1976) и многие другие ультрареволюционные концепции. Весьма схематично развитие вульгаризированного марксизма, связанное с подготовкой и обоснованием революционного преобразования мира, может быть представлено в следующем виде (см. рис. 11.4).

«Академический» (западный) марксизм или развитие марксизма вглубь

Фридрих Энгельс в речи во время похорон Маркса в качестве крупнейших его достижений выделяет два открытия: материалистическое понимание истории и закон движения современного капиталистического способа производства – производство прибавочной стоимости⁵². Относительно прибавочной стоимости мы уже выяснили выше. Эта теория не произвела большого впечатления на западную экономическую науку в XIX–первой половине XX вв. Однако, может быть ситуация изменилась с годами?

Повысился ли интерес к экономическому учению К. Маркса в академической неоклассической науке развитых стран в конце XX в.? Скорее нет, чем да. Он оказался на периферии основного направления экономической мысли, которая пошла другим путем. Развитие марксистского анализа капитализма имеет определенные достижения, связанные с конкретизацией и дальнейшим развитием теории накопления капитала – исследованием экономических циклов перепроизводства, теории империализма, глобализации экономики и возникшими в этой связи проблемами взаимоотношений центра и периферии (см. рис 11.5).

Совсем иная ситуация произошла с первым открытием Маркса. Интерес к нему с годами скорее возрастал, чем падал. Новые поколения марксистов: Д. Лукач (1885–1971), К. Корш (1886–1961), А. Грамши (1881–1937), В. Бенямин (1892–1940), М. Хоркхаймер (1895–1973), Г. Дела Вольпе (1897–1968), Г. Маркузе (1898–1979), А. Лефевр (1905–1991), Т. Адорно (1903–1969), Л. Альтюссер (1918–1990) – создали совершенно иную интеллектуальную среду для развития марксизма. С начала 1920-х гг. европейский марксизм все больше перемещается на Запад: в Германию, Францию и Италию.

Хотя первые марксисты этого поколения (Д. Лукач, К. Корш и А. Грамши) первоначально были крупными политическими лидерами в своих партиях, постепенно они отошли от практических дел, сконцентрировавшись на вопросах теории. Это еще более характерно для младшего поколения. Будучи неординарными личностями, они никак не могли уложить свое творчество в прокрустово ложе Коммунистического Интернационала. В 1920-е гг. впервые возникает центр марксистских исследований в капиталистической стране – Институт социальных исследований во Франкфурте, который поддерживал регулярные контакты с Институтом Маркса–Энгельса в Москве. Результатом этого сотрудничества стало начало издания Marks–Engels Gesamtausgabe (MEGA). Первый том вышел во Франкфурте уже в 1927 г.

⁴⁹ Подробнее см. *Нуреев Р.М.* Развитие капитализма в России: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному). В кн.: Развитие капитализма в России – 100 лет спустя. Москва – Волгоград, 1999. С. 87–112.

⁵⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

⁵¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 4; Т. 23. С. 773.

⁵² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 350–351.

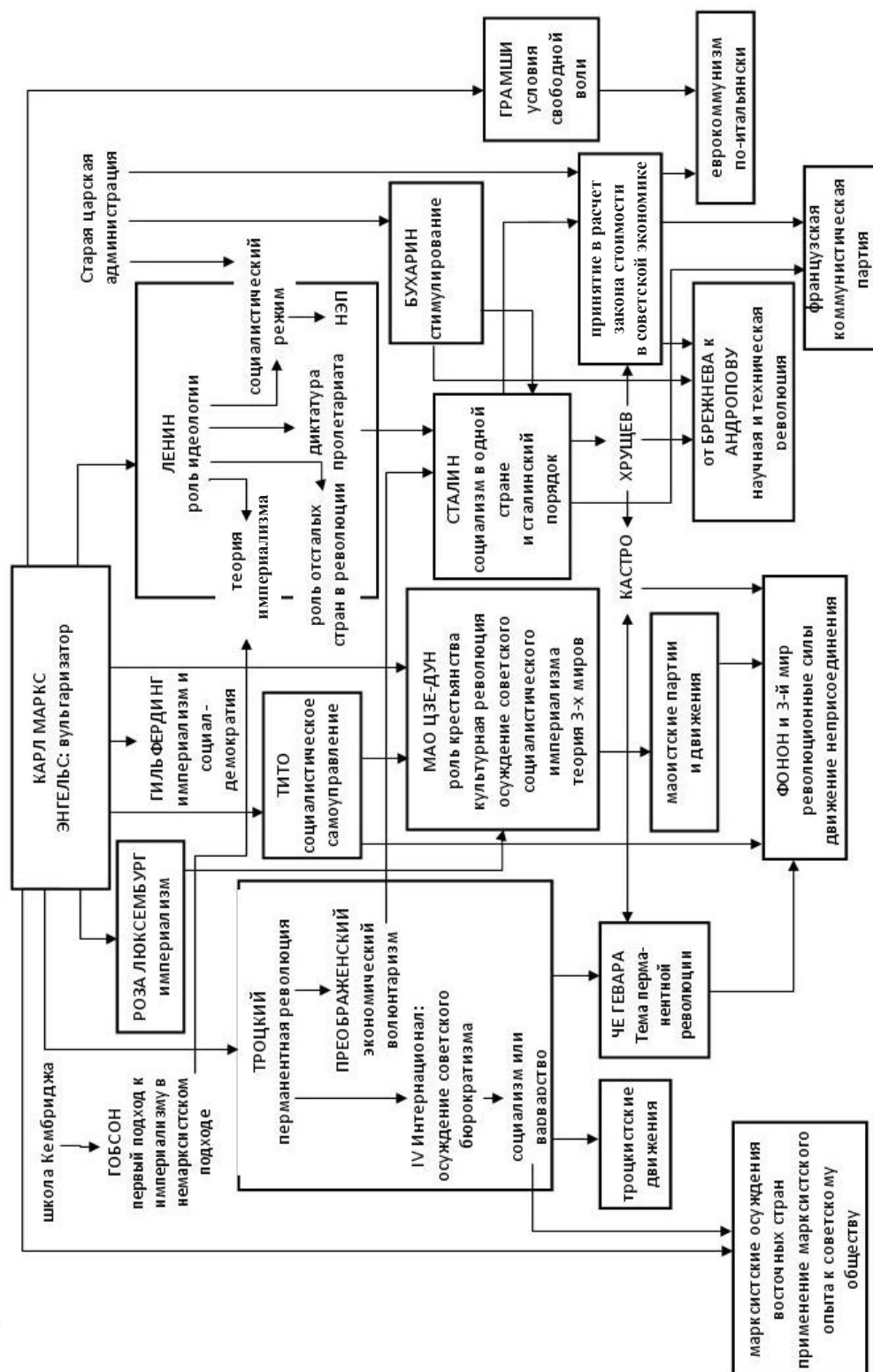

Рис. 11.4. Развитие революционного активизма и «народного» марксизма
Составлено по: Альбертини Ж.-М, Силем А. Понимать экономические теории, Москва, 1996. С. 114

После прихода к власти нацистов в 1933 г. Институт социальных исследований перемещается в США и развивается в рамках Колумбийского университета в Нью-Йорке, а после войны снова возвращается во Франкфурт (в 1949–1950 гг.). Деятельность этого Института была направлена на деполитизацию теоретических исследований. Отделение теории от политики фактически способствовало углублению марксистского анализа. Однако в центре исследований западных марксистов оказались не экономические, а философские проблемы. Маркс был философом среди экономистов, экономистом среди философов. Любопытно, что первая составляющая его творчества (философия) оказалась глубже и интереснее для потомков, чем вторая (экономика). «Парадоксально, но западный марксизм в целом развивался в обратном эволюции Маркса направлении. Если основатель исторического материализма постепенно шел от философии к политике и затем к экономике как основной области исследования, то последователи школы, возникшей после 1920 г., чаще стали отходить от экономики и политики и концентрировать свое внимание на философии, практически не занимаясь тем, что особенно интересовало Маркса в пору его зрелости...»⁵³.

После всплеска леворадикальных настроений в конце 1960-х гг. возник новый интерес к неортодоксальному марксизму среди альтернативных мейнстриму течений⁵⁴. То, что, на первый взгляд, было в тени, постепенно стало интересным, однако, как правило, больше философам, социологам, историкам, политологам и др. представителям смежных дисциплин, чем экономистам.

Методологов «Капитал» заинтересовал как первый успешный опыт применения диалектики к политической экономии. Новые принципы систематизации категорий стали интересны последующим поколениям. Здесь оказалось интересным все: и формальная логика как предпосылка и момент диалектики, и метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса, и роль антиномий в процессе познания и их отражение в экономической системе, и «Капитал» как открытая система познания.

Историков мысли «Капитал» всегда привлекал как критика политической экономии: как образец бережного отношения к истории экономической мысли, как образец скрупулезного использования источников, как попытка написания истории политической экономии по образу и подобию «Истории философии» Г. Гегеля (то есть как история рыночной экономики, «взятая в необходимость», как история, воспроизводящаяся в развитии предмете).

Социологов привлекли идеи Маркса об основных формах экономических отношений и ступенях развития личности: диалектика взаимодействия природы и общества, единство собственности и труда, а также взаимосвязь индивида и общности, в которой Карл Маркс выделял следующие ступени развития: личная зависимость, личная независимость, основанная на вещной зависимости, свободная индивидуальность⁵⁵ — всестороннее развитие каждого как условие развития всех, концепция всестороннего развития личности («по ту сторону материального производства») как предпосылка и элемент современного постиндустриального общества⁵⁶.

Для специалистов по экономической истории и компаративистике представляет несомненный интерес метод единства исторического и логического, взаимосвязь технико-экономического и социально-экономического анализа, диалектика производительных сил и производственных отношений⁵⁷, единство формационного и цивилизационного подходов, история как естественно-исторический процесс и как результат деятельности людей, следовательно, больше политическая экономия в широком, чем в узком смысле слова⁵⁸.

Для институционалистов несомненный интерес представляет новый подход к анализу экономики и права, впервые реализованный в полном объеме в «Капитале».

⁵³ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо. 1991. С. 64–65.

⁵⁴ Подробнее об академическом марксизме см.: *Райт* Э. Что такое академический марксизм? // Вопросы экономики. 2007. № 9.

⁵⁵ Подробнее см. *Нуреев Р.М.* К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности // Вопросы философии. 1983. № 5.

⁵⁶ В этой связи трудно согласиться с М.И. Туган-Барановским, что «в истории философии для нашего доктора философии почти нет места». *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996. С. 204.

⁵⁷ «Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано не мало замечательной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо корпуса теории. Исключения составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничение технологии с пределами ограничения человеческой организации». *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. С. 168.

⁵⁸ «Он был первым экономистом высокого ранга, увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ и как историческое повествование можно обратить в *histoire-raisonnee* (обоснование истории – фр.)». *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 83–84.

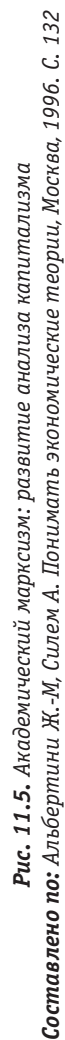

Рис. 11.5. Академический марксизм: развитие анализа капитализма
Составлено по: Альбертини Ж.-М. Силем А. Понимать экономические теории, Москва, 1996. С. 132

К. Маркс фактически выступает как предшественник институционализма. Он реализует новый подход к анализу экономической природы частной собственности, отличный и от подхода классиков политической экономии, и от леворадикальных критиков этой собственности типа П.Ж. Прудона. Конечно, марксистская и неоклассическая теории прав собственности имеют как единство, так и существенные различия. Однако до сих пор представляет интерес проделанный Марксом анализ отчуждения и фетишизма в условиях рыночной экономики, овеществления лиц и персонификации вещей.

Несомненен и вклад Маркса в становление теории межотраслевого баланса. Конечно, К. Маркс выступает здесь как ученик Ф. Кенэ. Любопытно, что его абстрактная и конкретная теория воспроизводства оказались более универсальными, чем схемы Ленина, которые не выдержали испытания временем, предопределив гипертрофированное развитие первого подразделения в ущерб второму. Непонятая с позиции неоклассической теории равновесия марксистская теория экономических кризисов получила своеобразное развитие в теории Й.А. Шумпетера (1939 г.).

Проявляет ли интерес к К. Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основана современная микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма⁵⁹ и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, здесь очевиднее статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономикоматематического моделирования, опирающегося на рациональный выбор.

Маркс интересен везде, где осуществляются **поиски альтернативы неоклассике**. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (Э. Бем-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт⁶⁰, Н. Розенберг⁶¹) и эволюционную экономику (Й.А. Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Итак, исторические судьбы марксизма оказались далеко неоднозначными. Чрезвычайная популярность теории, попытка ее сразу и непосредственно применить на практике, к сожалению, сыграла с ней злую шутку и была обращена не во благо человечества. Хочется надеяться, что спокойное, академическое изучение марксизма поможет хотя бы частично реабилитировать его в глазах современников и потомков и использовать его потенциал для решения тех проблем, которые историческое развитие ставит перед человечеством.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. Гл. 6–8. С. 82–118.
2. Wells J., Wills D. Revolution, Restoration and Debt Repudiation: The Jacobite Threat to England's Institutions and Economic Growth // JEH. 2000. № 2. P. 418 – 441.

Дополнительная

3. Гловели Г. История экономических учений. Учебное пособие. М.: Юрайт. 2011. Гл. 8–10.
4. Хобсбаум Э. Век революций. Европа 1789–1848 гг. Ростов-на-Дону, 1999.

Web-ресурсы

5. Age of Industry (сепер): <http://history.evansville.net/industry.html>.
6. Clark G. Too Much Revolution: Agriculture In The Industrial Revolution, 1700-1860: <http://aghistory.ucdavis.edu/AH-13098/Clark-Ag-Revolution.html>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какие типы денежных систем вы знаете? В чем их достоинства и недостатки?
2. Что такое золотомонетный стандарт? Каковы предпосылки его возникновения, закономерности функционирования и причины упадка?

⁵⁹ «Мы... страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития, – писал К. Маркс в «Капитале». – Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устаревшие общественные и политические отношения». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9.

⁶⁰ См. North D. "Is it Worth Making Sense of Marx?" Inquiry. 1986, 29. P. 57–64.

⁶¹ Rosenberg N. "Karl Marx on the Economic Role of Science". 1974. Journal of Political Economy, 82. P. 713–728.

3. Как отразились проблемы промышленной революции в работах социалистов-утопистов и политической экономии труда?
4. Почему цена товаров не может быть выражена непосредственно в часах рабочего времени, «рабочих деньгах»?
5. Что нового в теорию стоимости (ценности) внес К. Маркс?
6. Какие идеи Ф.Кенэ были использованы К. Марксом при создании схем общественного воспроизводства? Какие идеи не были им использованы? Как вы думаете, почему?
7. Каковы причины неприятия учения Маркса западной академической экономической наукой? Изменилось ли отношение к экономическому учению К. Маркса в начале XXI в.?

ТЕСТЫ

1. Верны ли следующие утверждения?

1. С развитием общества в потреблении людей сокращается доля благ, удовлетворяющих первичные потребности, и растет доля благ, удовлетворяющих вторичные потребности
Да Нет
2. По мере развития общества влияние субъективных общественных производительных сил на социально-экономическое развитие общества имеет тенденцию уменьшаться
Да Нет
3. Промышленная революция в Западной Европе привела к повышению среднедушевых доходов, но к росту их дифференциации
Да Нет
4. Когда в развитых странах начались экономические кризисы перепроизводства, их промышленное производство оставалось еще преимущественно мануфактурным
Да Нет
5. В ходе промышленной революции происходило обеднение содержания труда
Да Нет
6. Купоны имеют то же значение, что и «рабочие деньги»
Да Нет

2. Выберите правильный ответ.

7. Фредерик Бастиа, известный французский экономист-публицист 1840-х гг., желая раскритиковать защитников протекционизма, опубликовал памфлет «Прошение фабрикантов сальных и стеариновых свечей, ламп, подсвечников, рефлекторов, щипцов, гасильников и производителей сала, масла, меди, камеди алкоголя и вообще всего, что касается освещения». В этом очерке он от имени производителей осветительных приборов обратился к депутатам парламента с просьбой «издать закон, который предписал бы запереть все окна, ...ставни, затворы, ...форточки – словом, заткнуть все отверстия, ...через которые солнечный свет обыкновенно проникает в дома в ущерб тем прекрасным продуктам промышленности, которыми мы гордимся, что наделили ими страну...»⁶². Какой прием использовал в данном случае Ф. Бастиа?
 - а) аналогию;
 - б) индукцию;
 - в) софизм;
 - г) парадокс.
8. В неоклассической модели рынка:
 - а) $M, V = \text{const}; Q \leftrightarrow P$
 - б) $M, Q = \text{const}; P \leftrightarrow V$
 - в) $P, V = \text{const}; M \leftrightarrow Q$
 - г) $P, Q = \text{const}; M \leftrightarrow V$
9. Как относился К. Маркс к маржиналистским концепциям? Он
 - а) о них ничего не знал, поскольку они стали популярными после его смерти;
 - б) знал о них и дал им высокую оценку в «Теориях прибавочной стоимости»;
 - в) подвергал их резкой критике;
 - г) никогда не высказывался по этому поводу.

⁶² Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000. С. 90.

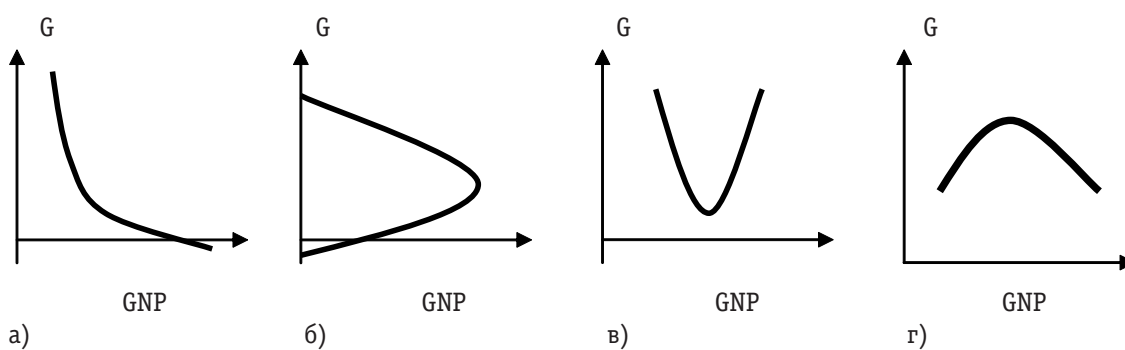
10. Частичный работник в концепции промышленного переворота К. Маркса – это работник, который

- а) трудится по найму на частном предприятии, а не работает самостоятельно;
- б) трудится с неполной нагрузкой;
- в) может производить только полуфабрикаты, а не готовый товар;
- г) может работать только как часть трудового коллектива.

11. В XVIII в. крупнейший в колониальной Америке железоделательный завод П. Хазенклевера, где работали специально привезенные из Германии квалифицированные металлурги, остановился из-за того, что его работники стремились при первой возможности уйти с предприятия, чтобы обзавестись фермой⁶³. Этот пример показывает, что в колониальной Америке

- а) зарплата наемных рабочих была ниже, чем в Германии;
- б) в отличие от Германии, еще не завершилось подчинение труда капиталу;
- в) доход фермеров был выше, чем в Германии;
- г) как и в Германии, еще не завершилось подчинение труда капиталу.

12. Как выглядит кривая С. Кузнецца, показывающая взаимосвязь между величиной коэффициентов Джини (G) и уровнем социально-экономического развития общества? На оси абсцисс на графиках указан среднедушевой уровень валового национального продукта (GNP).

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

3. Решите задачи и ответьте на вопросы повышенной сложности.

13. Охарактеризуйте разницу между концепцией человека как субъекта экономики в марксистской и неоклассической теориях.

14. Удовлетворяет ли марксистская экономическая теория прибавочной стоимости предложенному К. Поппером принципу фальсификации как критерию научности?

⁶³ Шпотов Б.М. Промышленная революция в США. Научно-аналитич. обзор. М.: ИНИОН, 1990. С. 11.

«ПАРАДОКС МОНЕТАРНОГО ШЕСТА»

Дж. Мэйнстринг (1918–2007)

Дж. Мэйнстринг — предтеча раннего американского институционализма, был страстным поклонником циркового искусства. Он даже переписывался с Александром Куприным, известным русским писателем, также в юности увлекавшимся цирком.

Впервые публикуемый на русском языке фрагмент лекции Дж. Мэйнстринга перед воротилами Уолл-Стрита (29 сентября 1929 года) оказался тщетным предостережением мэтра накануне Великой Депрессии.

Оригинальность лекции, в которой автор проводил удачные параллели между экономикой и цирком, снискала ее автору небывалую популярность среди американских экономистов и может быть полезна отечественным экономистам даже спустя век с момента ее появления в журнале «Circus arts in the province».

Леди и джентльмены!
Экономистам свойственно уподоблять экономику Океану, Космосу и даже — Вселенной.

Однако я бы счел более верным сравнение с... цирком.

Вот еще, скажете Вы, это же так вульгарно.

Отнюдь!

Призовите на помощь свои воспоминания о цирковом представлении, и Вы увидите, что цирк — идеальная модель современной экономики.

1. Строеение цирка — архитектуроника экономики?

Устройство циркового здания удивительно совпадает со строеением экономики.

Действительно, — арена очерчивает жесткие границы размещения активных участников рыночного представления («сферы общественного производства»). И, что важно, — арена всегда будет главным пространственным элементом цирка.

Еще одно сходство, — все, что проделывают артисты на цирковой арене, повторяется и в общественном производстве — часть предприятий занята «инновационной вольтижировкой», другая — «бухгалтерской эквилибристикой», третья ведет себя как «дикие животные», которых приходится укрощать высокими налогами или особыми преференциями, наконец, есть немало фирм-однодневок, участвующих в «фокусах отмывания».

Зато все, что находится за пределами арены, — «непроизводственная сфера». И то сказать, — именно вокруг арены сидят заинтересованные «зрители», то есть потребители, которым не суждено (временно или постоянно) выйти на арену в роли «артистов», то бишь непосредственных участников общественного производства.

Зрители фактически рассажены по категориальным секторам — пенсионеры, домохозяйки, школьники и студенты, нетрудоспособные, военнослужащие, маргиналы.

И трудно сказать, кто важнее, — представляющие действие на арене или зрители, аплодирующие купюрами различного достоинства.

2. Цирк во времена экономического кризиса.

Обычное течение циркового представления (которое мы можем смело сравнить с обычным процессом производства) происходит при чинном рассаживании зрителей согласно купленным билетам, запрете для них выхода на арену.

Яркое освещение дополняет атмосферу праздничности.

По-другому выглядит цирк во времена экономического кризиса — артисты взволнованно то убегают с арены, то впрыгивают обратно; зрители все чаще прорываются на арену, пытаясь отколотить особенно плохо выступающих артистов; арена подолгу погружается во тьму; слышны вопли о помощи со стороны артистов и зрителей.

Уже никто не понимает, где арена, а где зрительный зал; многие из публики начинают брать на себя роль артистов (организуя собственное «доморощенное» производство).

Появляется директор цирка и с помощью служителей наводит временный порядок.

Однако его действия осложнены тем, что многие зрители проникли в зал по фальшивым билетам («инфляционная эмиссия»).

3. Парадокс «монетарного шеста».

Господа, все многообразие экономических феноменов можно свести к трем номерам китайского цирка, когда-то гастролировавшего у нас по городкам Северной Дакоты. Эти номера я видел своими глазами в детстве, и они запали в душу ребенка. Позвольте же привести примеры из моей недавней монографии «Европейский цирк как институциональная рефлексия рыночной экономики».

«ТРИ КРУГА КИТАЙСКИХ НОЖЕЙ»

Итак, первый номер, о котором необходимо всегда помнить «работникам Уолл-Стрита», особенно актуален перед надвигающейся экономической бурей, хотя многие мои коллеги отрицают всякую опасность¹.

Так вот, — представьте себе три больших круга, утыканных острейшими ножами, так, что их концы образуют круг.

Теперь представьте себе, что центральный круг стоит неподвижно, а два крайних беспрерывно движутся навстречу друг другу.

За движением крайних кругов напряженно наблюдает артист.

И в тот миг, когда все три круга сливаются в некое единое «троекружье», он разбегается и пронизывает в мгновенном прыжке все три круга, так как в следующий момент они расходятся, угрожая перерезать замешкавшегося акробата.

Вы будете поражены, но именно так и устроена национальная экономика любой страны.

Первый «бегающий» круг — это экономическая теория, которая пытается динамично отразить объективные изменения, происходящие в экономической практике.

Второй «бегающий» круг — это экономическая практика, которая изменяется гораздо быстрее, чем вечно запаздывающая «динамичная» экономическая теория.

Они разделены неподвижным кругом, который олицетворяет экономическую политику. Я полагаю, что разумный слушатель согласится с тем, что экономическая политика — промежуточное звено между экономической теорией и экономической практикой.

И чем дальше расходятся крайние круги, тем это опаснее для постоянно прыгающего через все эти круги общества.

А в моменты, когда общество прыгает не вовремя, его и вовсе разрезает — экономическим и политическим кризисом.

(крики — «Браво!», «Прыгнем через кризис!», «Нас уже разрезали!»)

«ДВЕ ЧАШКИ КИТАЙСКОГО ЧАЯ»

Другой удивительный номер — артистка выходит на середину арены, осторожно неся на шелковом шнуре две полные чашки китайского чая.

Она начинает осторожно перебирать этот шнур, быстрее, еще быстрее, еще и — понеслось, обе чашки летят с такой скоростью, что ни одна капля чая не выливается из чашки.

Что-то в этом роде представляет собой рыночная экономика, со всеми ее технологиями и институтами, — в реальной, динамично развивающейся рыночной системе ни один элемент не может совершать самостоятельный кругооборот!

(крики — «Браво!», «Выплесните меня из чашки!», «Где моя чашка?»)

«ПАРАДОКС ЕДИНОГО МОНЕТАРНОГО ШЕСТА»

Для Вас, могущественных представителей всесильного Уолл-Стрита, ближе парадокс «монетарного шеста».

¹ Блестящая интуиция Мэйнстринга просто поразительна — ровно через месяц грянула Великая Депрессия (прим. переводч.).

Если вы следили за канатоходцем, то помните шест, с помощью которого он восстанавливает пошатнувшееся равновесие.

Теперь вообразите, что по канату идет одновременно множество канатоходцев, и каждый — со своим шестом, сообразно своему росту и весу.

Так вот, в финансовом отношении любая агрегация — это, прежде всего, проблема выбора шеста. На днях я читал статью известного российского революционера Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы». И я предсказываю, что, если когда-нибудь европейские страны объединятся, то для них выбор «шеста», с помощью которого они будут удерживать равновесие между товарной и денежной массами, превратится в главную проблему.

Но то же — и с нашим американским долларом в качестве мировой валюты: мы умудрились «внутринациональный шест» монетарного равновесия возвести в «глобальный». И в этом есть свои плюсы и минусы.

В конце концов, инструментарий регулирования рыночной экономики сведется к выбору и маневрированию «монетарным шестом». Спасибо за внимание!

(крики — «Браво!», «Дайте мне мой шест!», «У меня сник канат!»)

«EDITORIAL»

Mamedov O.Yu. Which economic model does fit to the Russian economy?.....	4
---	---

«CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY»

Grebnev L.S. Political economy «according to Marx»: revival or development?	9
Volchik V.V. The issue of confidence and institutional modernization	12
Kamko E.V. Centralized management of innovation in Russia: institutional analysis.....	19

«HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT»

Rutherford M. Wisconsin institutionalism: John R. Commons and his students	32
Voeykov M.I. J.A. Kronrod and dilemmas of the Soviet political economy (To the centenary of J.A. Kronrod)	54
Maidachevskiy D.Ya. Historiography of economic science: moving from the pluralism of approaches toward the dominance of «mainstream»?.....	66

«PROBLEMS OF ECONOMICS AND LAW»

Naumov S.V. On the amount of losses due to uncertainty in law and obsolete excessive regulation incurred by Russian companies which are involved in foreign economic activities and the Russian society on the whole (case study: administrative practices of the Russian Federal Service of Financial and Budgetary Control)	74
Shmakov A.V., Petrov S.P. Identification of the optimal value of fine for the violation of antitrust law	85

«ACTUAL PROBLEM OF ECONOMIC PRACTICE»

Arkhipov A.Yu., Syomin A.A. Entrepreneurial structure activity administration in the unstable external environment.....	95
Khanin G.I., Polosova O.I., Kopylova N.V. An alternative estimation of Russian industry development in 2005–2008	101

«REVIVING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE»

Mamedov O.Yu. Street demonstrations are in the focus of science	113
Kravtsov N.A. On the issue of social and legal status of an art personality in the Ancient Egypt	116

«THE OPEN AUDIENCE»

Nureev R.M. Industrial society and its socio-economic contradictions. Labor political economy.....	123
---	-----

«HE IS THE ONE»

Meinstring J. «The monetary pole paradox».....	150
---	-----

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

**Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

2011

Том 10

Номер 2

Сдано в набор 02.05.2012. Подписано в печать 05.05.2011.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18,60. Уч.-изд. л. 12,74.
Тираж 558 экз. Заказ № 54. С. 154.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.